

Елена Ханина

*По кривым
переулкам судьбы*

Израиль-Москва

2011

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Елена Ханина

По кривым переулкам судьбы

Израиль-Москва: Издательство «ЭРА» – 2011.

ISBN 978-5-905693-02-1

© **Елена Ханина**, 2011

© Издательство, оригинал-макет, 2011

Перейду на другую сторону улицы

Перейду на другую сторону
Улицы многолюдной.
Зайду в незнакомый подъезд.
Унылому черному ворону
Позавидовала подспудно.
Мотоциклисту в шлеме и без...

Мне давно пора успокоиться.
Жить как живут другие,
Радоваться солнцу и дождю.
Хаос в душе, междоусобица
И намерения благие,
Как угольки в костре ворошу.

Океаны еще не проснулись

Океаны еще не проснулись,
Тишь да штиль.
Беззаботно смеется дождь.
И сверкает в брусчатке улиц
Церкви шпиль,
Зелень роц.

Еще немного устоять

Еще немного устоять..
Годок, другой, ну может пять,
А там опять
В глаза ударит яркий свет
И незнакомый мне портрет
Чужих побед
Утроит силу голосов,
И стая серых гончих псов
Придет на зов.
А псы бросаются на тех,
Кто обожает громкий смех.
Смех — это грех.
Потухнут, смолкнут голоса.
Слезинками придет роса,
Рычит гроза.
Угрюмо тикают часы.
Давно испорчены весы,
Скрипят пазы.

Из воспоминаний киллера

Какая невидаль убийство!
Профессия других не хуже.
Уметь контрольный сделать выстрел
И во время прийти на ужин.

Жена накроет стол на кухне.
Картофель и любимый шницель.
В камине догорают угли
И по ночам спокойно спитя.

Прекрасно сделана работа,
Дан гонорар за исполнение,
По телевизору в субботу
По убиенным песнопенья.

И ты включаешь с интересом
«Очередное заказное»,
Жена сказала: «Снова пресса
О не раскрытии завоет».

Ты улыбнешься, сигарета,
Любимое качалка-кресло.
Да, был убит из пистолета,
Все остальное неизвестно.

Жене сказал о премиальных
На новой, якобы, работе.
Как хорошо в семейной спальне,
Раскрытое окно напротив.

Там кто-то в траурной одежде
Сидит перед свечой погасшей.
А профиль женский очень нежный.
Да, не забыть бы встать пораньше...

Студенческая зарисовка

По мирам погуляв иным
Возвращаться не хочется
В раскаленный полдень.
Вижу себя молодым,
Шепчу пророчества,
Немодные вроде.

Покружив в цветастой толпе
И не найдя попутчика,
Чувствую пустоту.
Мне семнадцать, двадцать тебе.
На небе серые тучи.
Кофе пили в порту.

Дождь, приморский рижский вокзал,
Студенты сбежали с лекции,
Весело, радостно.
Ты серьезно тогда сказал:
?Хочу видеть Венецию.
Приплыть без паруса.?

Но Венеция далеко,
Где-то в воображении
Зажата тисками.
Там же Австралия, Бангкок.
Корабль пришел в движение —
Что везет? Лес, камень?..

В дурдоме

Стихи писать удобно на полу?
Или лежа на кровати в ожидании разряда тока?
Пытаюсь понять, никак не пойму,
Почему к человеку приходит такая морока.

Воображение клейко, как джем,
Разносит картинки, не поддающиеся описанию.
В чем разгадка? Может, виновен ген?
Приговаривает человека к стихам заранее?

Таблетками успокоенный мозг
Не избавляет от желания перенести на бумагу
Песни, которые распевает дрозд,
Страшные сказки, что осиной нашептаны магу...

Не горюй о том, что не случилось

Не горюй о том, что не сложилось.
Мельком оглянись... Кружится парк.
Платье, что портниха в тридцать сшила,
Дом с беседкой, школа, где училась,
Речка обмелевшая, овраг.

Вена, Страсбург, Генуя, Гренобль,
Села, вдоль которых проезжал,
Чайная, трактир, богема, снобы,
Девочки, каток, зима, сугробы,
Модный фиолетовый пиджак...

Свалены в немислимую кучу
И пылятся пять десятков лет
Памяти безоблачные кручи.
Правит ими, кепку нахлобучив,
Случай, непредвиденный момент.

Калифорнийский ураган

На пляже бушевали волны
Хозяйничали на прибрежной полосе,
Сносили надоевшие скамейки.
Океан, злостью наполнен,
Покажет себя Аполлоном – во всей красе.
Плакали кошки и канарейки.

Стихия врывалась кубарем
В обустроенную приятную жизнь,
Превращала в туман прекрасные виллы.
Люди с узелком утвари
Переправлялись в лодках – бомжи,
Порванную кепку на глаза надвинув...

Зеленые солдатики смело ринулись в бой!

Еще одна игрушечная жизнь...
Зеленые солдатики смело ринулись в бой
С солдатами в серых шинелях.
Кто прячется в окопе? Покажись!
Кричат про победу с разных сторон наперебой.
Охрипли глотки, руки вспотели.

Мы посетили эту планету,
Которая названа красивым словом — Земля —
Разгромить ненавистного врага.
Кто он такой? Какие у него приметы?
Сажает оливы, весной орошает поля,
Сено заготавливает в стога...

Ветер разносил белые листки.
В них призывали прекратить кровопролитье.
Завтра к рождеству подарят санки.
Молчим, глубже зарылись в пески.
Значит, вы отказываетесь? Ну как хотите!?
Грохот, в атаку ринулись танки...

В чужой душе ищу крупницу света

В чужой душе ищу крупницу света.
Иду на ощупь, натываюсь на неопознанные предметы
И замираю в ужасе.
Хозяин замечательного портрета,
Беззастенчивый льстец подзывает знаками, делает
комплименты,
Даже предлагает остаться на ужин.

Я пытаюсь вырваться из объятий,
Оказывается, уже надели кандалы и наручники.
Когда? Не почувствовала.
Кажется, Вашу подругу зовут Катя?? –
Спрашивает у меня человек неряшливо одетый и тучный.
Ночь засунула в колесо прокрустово.

Подвело, как водится, любопытство.
Зашла на минутку, надеясь пройти за барьер неискренности,
Но выход замуровали.
Ночь. На сцене вяло играли артисты.
В фойе предлагали вино, раздавались одинокие выстрелы,
Которые никого не волновали.

Звук-изгой

Раздвинув ночью тишину рукой,
Однажды загляну в котел шипящий,
Из звуков удушающих, печальных,
И только тонкий, нежный звук — изгой,
Такой незащищенный, настоящий,
Был близок мне, униженный, опальный.

Он делал диссонанс, чуть слышный хруст,
И почему-то бережно тревожил
Незримые глубинные пласты
Не познанных еще доныне чувств,
Приятным ветерком касался кожи
И говорил загадочно? Прости?..

*Посвящается А. Флоренскому
(1882 – 1937)*

Поиск истины, холод, болезни.
Мир един, разрезаем слоями.
Каждый миг, он останется с нами
На Гулаге, в Рязани, на БАМе
И на бывшей, на Красной Пресне.

Миг тревожит, и жжет, и вещает
По ночам, в сновиденьях нечетких,
Крест на шее, из инея соткан,
Голубые подводные лодки
Обещают назавтра отчалить.

Лишь ограда осталась от храма.
Полстолетья в архивах пылилась
Мысль... Судьба. Но, скажите на милость,
Почему это все приключилось?
Мир един — перевернута рама.

Бар-мицва в Стамбуле

В море ненависти островок еврейской жизни.
Мальчик с красивой фамилией Коэн,
Празднично одетые люди приближаются к синагоге.
Желтизной отливают хрустящие листья.
Двадцать первый век не сменил изгоев,
Остались костью в горле землян,
если не всех, то очень многих.

Нас раньше отлавливал «наци» – взбесившийся пес,
Вели на казнь с поднятыми руками,
Расстреливали в лесу подонки разных кровей и сословий.
Век двадцать первый из двадцатого сделал навоз,
Убаюкал – демократия с нами!
Но не помогают от бомбы буклеты учебных пособий.

Да, нас не ведут организованно на расстрел.
Мало кому известно место казни.
Зачастую отправлялись туда, не ожидая плохого.
Мальчик Коэн долго готовился к речи, вспотел.
В жизни семьи замечательный праздник.
Но грянул взрыв! Который час? Десять?
Нет, половина второго!

17. 11. 2003

Мы поменяли красный стяг

Мы поменяли красный стяг
На много разных многоцветных
И состязаемся в стрельбе.
Судьбы очередной зигзаг,
Клочки развеяны по ветру
Той ностальгии – по себе.

Не ограниченном пространством
Многоэтажек, жен, детей,
Кривых надуманных улыбок,
Живущем, как ни странно в братстве.
Пирушки, пирожки, портвейн.
Аквариум, пять красных рыбок.

Но безответственный прогресс
Разрушил мелкие детали
Несуществующей страны.
Исчез давно любимый лес.
Царит Мак Дональд на вокзале,
Цветные не приходят сны.

Сырость

Сырость проела дыру в озоне
И поглядывала на шлепающих по лужам в немодных калошах,
Подходила вплотную к каждому дому.
Забыли выключить ?панасоник?,
И телевизор всю ночь разрывался от криков людей нехороших,
любителей драк, выстрелов и погромов.

Сырость была противницей солнца,
Когда видела солнечные блики, причитала и лила слезы,
Слезами гасила крошечные лучи.
Закрывала шторами оконца.
Ложилась шалью из разноцветных капель на плечи тихой березы,
в мутное месиво превратив кирпичи.

Ты подожди меня, бессмертие

Ты подожди меня, бессмертие,
Неделю, две, десяток лет.
Надрывно плачет мандолина,
Тоскует красная рябина,
Глядит брезгливо асимметрия
На собственный автопортрет.

Мне б рассказать о недосказанном,
Да слушателей не найти,
Покоя ищут и нирваны,
Переплывают океаны.
Все в этом мире чем-то связаны,
Но разругались по пути.

И правят глупые амбиции,
И чье-то дерзкое «хочу»
Помножено на миллиарды.
На сцене распевают барды.
Есть ощущение репетиции,
Но пьеса нам не по плечу.

Посвящается литстудии «Среда»

Я пишу про свою эпоху,
Сантиментов глотая пыль,
Ох, как мало, поверьте, проку
Безымянный полоть ковыль.

Я пишу и глотаю слезы,
Как докучливы миражи!
А поэты сказали: «Поза,
Про другое нам расскажи».

Я пишу, исчезают искры
И былинки худых секунд,
А поэты от скуки киснут
И грозятся отдать под суд.

Я пишу про свою эпоху,
мне достался клубочек лет.
А ковыль мне полоть, осоку...
Право, разницы в этом нет.

Летучие мыши

Растрескались стены,
Свисают мохнатые нити
С засиженного мухами потолка.
От крови раздулись вены.
Как мало случилось событий,
Которые от века останутся на века.

Запущенный дом
Не похож на жилище больше.
Летучие мыши тревожат в углах пауков.
Дом пущен на слом,
Но мыши – царицы ночи,
Имеют отмычки от старых и ржавых замков.

Как вписаться в эту жизнь

Мы встроенным шкафом вписались в жизнь.
Створки его прогнили, замок проржавел,
На полках застыли старинные вещи.
Платье с рюшиком могла перешить,
Но поздно – белый воротничок пожелтел,
Сегодня немодны высокие плечи.

Дом собирались намедни сносить,
О встроенном шкафе забыли и думать.
Все в предчувствии долгожданных перемен.
Чайка в небе принялась голосить.
Ворон сидел на старом подгнившем дубе,
Обрывки флага ласкали осколки стен.

Слова-лазутчики

Слова, как лазутчики из стана
Врага, раздвигали мне зубы, морщили лоб,
Незаметно проникнув в разум,
Не признавая богов и сана,
Холодны и надменны, их предводитель – сноб,
Не позволял закончить фразу.

Все что происходило наяву
Казалось мне неживым сиренево-серым,
Подготовленным к погребению.
Гномы в черном поливали траву
Забвения на могиле памяти Венеры,
добр, моему поколению.

Мишени

Мне бы только продержаться
Годик, два, а может - двадцать.
Все непрочно в этом мире,
Падают мишени в тире.
А уйдем мы непременно.
Как? Не знаю, рухнут стены,
Есть инфаркты и инсульты,
Бомбы, что взрывают с пульта.
Есть и прочие напасти,
Все они не в нашей власти.
И гуляют в этом мире
Лишь мишени в чудном тире.

Стихи

Стихи не приходили стаями.
Поодиночке, невзначай,
И льдинкой на ладони таяли,
И в каждой капельке — печаль.

Из не сложившихся в гармонию
Прекрасных планов, чудных дел.
И канонада какофонии
Вела меня как на расстрел.

Ушли в небытие пророчества,
Улегся спать тяжелый рок.
А стих болезный в муках корчится,
Споткнувшись о стальной порог.

Уличная зарисовка

Ничего, только тихие звуки
Заплетали косичку траве.
На далекой, холодной Неве
Солнце льдинки брало на поруки.

А дождинки пустились в бега,
Подпевая беспечно джазмену,
Подбивали французскую Сену
В будний день затопить берега.

Волновался с утра ураган.
Он дышал тяжело, как астматик,
Подхватил стаю волн на закате
Всех ругал, не взирая на сан.

Лес молчал, заморожено слушал
Треск поленьев в забытом костре
И доверчиво, словно сестре,
Предлагал перезревшие груши.

Над Европой вздыхала звезда,
Не дослушав небесные сказки
Разглядела, на острове Пасхи
Террорист поджигал провода.

Поскользнувшись на корке арбузной...

Поскользнувшись на корке арбузной,
На туманом покрытой звезде,
Оказалась в земле Андалузской,
Там порядки не нравятся мне.

Был язык непонятен и зычен,
Подставлял он подножки словам,
Что упали подстреленной дичью
К старым, стоптанным сапогам.

Я ловлю непонятное слово,
Но оно отлетает, как мяч,
Бледно-синее, невесомо,
Предпоследний играет матч...

Как живет поэт?

«Среде» посвящается

Как живет поэт, не знаю.
То кусает, то лобзает
Всех и вся.
То клянет, то превозносит
То себя, то дуру осень,
То лося.

Как живет поэт? Гулянки,
Лобызает баб по пьянке,
В будний день!
Продавать пытался книги
Он с лотка однажды в Биге.
Помнишь, Сень?

Только брали не особо,
Так, одна девица с зобом
Подошла.
Полистала, засмуцалась,
Видно, денег не осталось,
И ушла.

Как живет поэт? Да разно!
Нынче прозу пишет, классно!
Ночью, днем,
А читатели? Бог с ними,
А признание? А имя?
Подождем.

***«Среда» – литературная студия
Биг – торговый центр***

Мы плывем по времени устало

Мы плывём по времени устало,
Вырвав клочок из пышных облаков.
Все, что было, — это слишком мало,
Что случиться? Снова к горлу ком.

Из слюны и разговоров лестных,
Глупых и, конечно, неуместных.

Шли мы на прогулку с сизой тенью,
Пожимали руки черным дырам,
И монеты собирали в жмени,
И стреляли по мишеням в тире.

Нефть, блестя, плыла по океану,
Подмигнув угрюмому урану.

На хвосте разгневанной кометы
Разглядели цифры или знаки,
Наплевав на все авторитеты
Говорили — ложь, неправда, враки!

Воспевали черные ирисы,
Восторгались — лед, медведи, лисы!

Слышали, комета раскалилась,
Чтоб упасть на непокорный город,
И русалки, выпрыгнув из ила
По ночам карабкались на гору.

Там пасьянс раскладывали тучи,
Только снова путал карты случай.

Уход из поселений сектора Газа, 20.08.05

Краснели крыши, с иудейских гор
Летели камни, быстрые, как пули.
Мы норовили угодить под них.
Вот голос повторял молитву, стих.
И чей- то крик звериный «Обманули!»
Толпа под эвкалиптом, вечный спор.

Детишки, разодета детвора.
Короткие штанишки, гольфы, пейсы.
Мамаши в положенье, парики.
И в черных лапсердаках старики.
Идиллия для жителей, для сельских.
Но пробил час и сказано: «Пора!»

Тысячелетья гонит нас судьба,
Разбрасывая, словно горсть монеток,
В расщелины, лагуны, города,
В селения, где тучные стада,
Где холода и где царица-лето
Стирает пота капельки со лба.

Был найден славный, чудный уголок,
Пейзажи поражали совершенством.
Вот только сонмы, сонмы деревень
С арабами, тихонько умер день,
Когда, для стройки выбирая место,
Вписали эту землю между строк.

Земля, земля, уж много тысяч лет,
Ты восставала против власти пришлой,
И с местной властью тоже не в ладах.
Кто правил ею? Элохим? Аллах?
Но так случилось, так, должно быть, вышло,

Ушел Исак, остался Мухаммед.
Не пожелав соседства с Исааком,
Он возвращенье принимал в штыки.
Сменив картечь на автомат и бомбы,
Обиды за столетие припомнив,
Взрывал исподтишка грузовики,
Но Исаак не поддавался страху.

Молился он и знал наверняка,
Наш ОН хотел, наш ОН его защита,
И ОН послал его, Рахель, детей
Сюда навечно, до скончания дней
Жить здесь, и тень забытого Ямита
Сознание не мучило пока.

Мне страшно думать, что писал сценарий,
Совсем не ОН, не Элоким, другой.
Недобрый и не знающий иврита...
Горит свеча, посуда перемыта,
Последний раз потрогаю рукой
Мезузу, дам попить трехлетней Саре.

Молились губы молча, не ропща,
Нам покидать желтеющие дюны.
Приюта нет у мертвых и живых,
И птичий гомон вдалеке затих.
Тихонько к людям жался пес угрюмый,
Как будто утешения ища.

Трамвай трезвонит
Звонницей Кремля
Из старых добрых,
Радостных времен
Кондукторша
На лоб надвинет шапку
И вспомнит , как в селе колокола
Звонили в праздник,
Из окна видна
Двина,
Смахну слезу украдкой...

Зря ты трогаешь за руку память.
Заплутав в окружении дев,
Старый месяц пытался лукавить,
Даже белые крылья надел.

И шептал проходящей комете
Он рассказы про чудный астрал,
Ураган под названием «Кети»
Силу медленно набирал.

Горький вкус у сладкого ликера

Горький вкус у сладкого ликера.
У твоей улыбки горький вкус.
Горек вкус субботнего кагора,
Я боюсь сказать себе, боюсь,

Что признание нелицеприятно,
Что пришли иные времена
И на коже проступают пятна,
Словно от разлитого вина.

На парадной скатерти крахмальной
В день семейных маленьких торжеств
Различу однажды аномальный,
Мне одной понятный странный текст.

Что исканье под палящим солнцем
Сладкого журчанья ручейка
Плачем одиноким обернется,
И дрожит растерянно рука.

Горький вкус черешни, ананаса,
Горечь в светлых мыслях о тебе.
Одинокий голубь на террасе
И кузнечик в скошенной траве

Разве что мою разделят горечь
Об ушедшем времени любви.
Горькими волнами моет море
Берега, дороги и столбы...

Несовпадение

Несовпадение,
Несовпадение
Мысли, проросшей из зернышка ржи
В серо-игольчатое строение
Лжи!

Несоразмерность
И непопадание.
Лунка для гольфа и метеорит.
Ветер, фундамент, горящее здание –
Быт.

Превозносимый
И обожаемый.
Вдребезги ваза, картина в клочки.
Враз окончательно обнищали мы,
Наги!

Ночь расписывала пульку

Ночь расписывала пульку
С наркоманом и бандитом
И жевала с аппетитом
Бледно-синюю сосульку.

Наркоман, слетев с Парнаса,
Был рассеянно-восторжен.
Он бубнил: «Я должен, должен...»,
Доедая ломтик сыра.

А бандит играл с ленточью,
Завтра предстоит «охота».
Подцепляя вилкой шпроту,
Подпевал тихонько Цюю.

Ночь, как ночь, других не хуже,
Барды пели на концерте,
А в котле варили черти
Свой довольно скудный ужин.

Я еще вернусь

Я еще вернусь...беспечно доски
Разлеглись на скошенной траве,
И земля покрылась тонким воском,
Незнакомый запах снится мне.
Я стою, со мною плачет ветер
По лужайке в солнечных лучах,
Лает пес, о чем-то спорят дети,
Шаль из шелка на твоих плечах.

Нам придется платить по счетам

Расписались когда-то давно
Наши предки во Львове и Праге,
В Сан-Франциско, в Одессе , Гааге,
Что евреи они по бумаге,
И на счастье распили вино.

А потом пролетели столетья,
Мир менялся, менялись и мы,
Вместо Пинхасов - Паши и Пети,
Беньямины по имени Фредди
Бьют поклоны, а Спас на крови

Все стоит одиноко и прекрасен.
Помолитесь, святые отцы
О Давиде по имени Вася.
Ветер тонкую свечку погасит,
Ночью темной взойдут Близнецы.

Из окон моих розовеет пустыня

Из окон моих розовеет пустыня,
И вечером улицы ходят к развилкам,
И жаркое солнце в признании пылком
Встает надо мною, как желтая дыня.
И ветер, который называли хамсином,
Тревожит бумажки и запах бензина.

А поэты плясали лезгинку,
Польку, вальс, аргентинское танго,
Обнимали подругу — эпоху.
Приходили к себе на поминки.
Пили водку и кушали манго,
Успевая поведать, как плохо
Им живется на этой планете.
Что душа их больна и страдает,
А молиться они не умеют.
Но за все, что случится — в ответе,
И об этом заранее знают.
Ах, поэты — почти Еремеи...

Хорошо быть с кем-то!
Плясать, задирая ноги.
Пусть кто-то, хоть в шляпе, хоть в кепке.
Смешливый, серьезный, строгий.

Хорошо быть вместе!
Пусть будет вино в бокале.
Бананы, печеные в тесте,
Чтоб на десерт подавали.

Хорошо быть кем-то!
Закончить Гарвард, Сорбонну..
Приладить на лацкане ленту
Почетного легиона.

Хорошо быть кем-то!
А может — при ком-то лучше?
Жить себе на проценты
И пестовать томагучу.

Ветер мял в руках тетрадку

Ветер мял в руках тетрадку,
Все слова сливались — вой.
И стоял, как пальма в кадке,
Неподвижно часовой.

А тетрадка содрогалась,
Сжались тонкие листки,
Бесконечная усталость
Распустила лепестки.

Что написано — не вспомнить!
Много прочерков и вязь,
Только что-то в сердце дрогнет,
Только где-то свет погас.

А потом... жуя галеты,
Скажут умные мужи,
Будто потеряли где-то
В поле, на краю межи

И не в нашем даже веке,
А в прошедшие века
Ту тетрадку то ли греки,
То ли жители «совка».

НЕ проклинай меня, пожалуйста!

Не проклинай меня, пожалуйста,
Ты даже в самый грустный, черный день.
Летали в воздухе обрывки злых идей,
И сонмы тихих белых деревень
Форпостом вражеским окажутся.

Но ты меня, прошу, не проклинай
За лень, небрежность, за рассеянность,
За сны, что ужасом посеяны,
За жухлую траву - сера, не зелена,
За бомбы, сектор Газа и Синай.

Моя страна, все тягостнее сон.
Реальность пробуждения пугает,
И надо мною облако витает,
И рядом с ним чернеет птичья стая
И уплывает — крылья в унисон.

Мы остаемся — снова ожиданье.
Идеи растащили по углам.
Стоит галдеж, вот стайка нервных дам
Кричит, что не вернуться снова в храм,
В котором леший просит подаянье.

И мистики вещают шепотком,
Но что сказали, людям не расслышать.
Дома бояться, что лишатся крыши,
И ветер в спину с придыханьем дышит,
И страхи множатся, как снежный ком.

Фантазии не существуют больше.
Все устарели, не успев родиться.
Конечно мы приверженцы традиций,
Но лучше переждать немного в Ницце.
Нет, нет, не стоит в Турции и Польше.

А в воздухе витали перемены.
Намедни ожидается миссия.
Где он родится? Греция? Россия?
Его давно на землю пригласили.
Кто не сумел дождаться — вскрыют вены.

Веселый гном беспечно спит под липой.
Кричит толпа, желает сокрушить
Мешающих толпе беспечно жить,
И разума серебряная нить
Закручена, как протеины — лихо.

Теориям и логикам — конец.
Во всем царит и управляет хаос.
И удивленно огляделся страус.
Исчез из вида одинокий парус.
А я все жду прощения с небес.

Коварны черные проталины

Коварны черные проталины,
Дождинки, радуга, жара,
Гуляющие чинно люди.
Девыцы с очень тонкой талией,
Стареющие доктора,
Вердикт читающие судьи.

Но вот намедни, славно взяв разбег,
Все разбежались кто куда,
Обремененные поклажей.
Висела шуба, черно-серый мех.
И уши, словно провода,
Торчат, колеса экипажа

Буксуют. Непролазна, стынет грязь.
Дороги — больше бездорожье.
Бранятся люди в экипаже.
Кто в нем? На воды едет старый князь.
Еще какая-то вельможа.
Извозчик грязный, словно в саже.

Век нано

Век нано, пелефонов и тротила,
Продажных лидеров в роскошных джипах
И трусиков, расшитых жемчугами.
И если вам немного подфартило,
И даже если повезло не шибко,
Расслышите скрип снега под ногами.

Хруст веток, лепетание травинок,
Шуршанье крыльев черной стрекозы,
Шаги бредущей тихо черепахи.
Вот в спешке кем-то брошенный ботинок,
Такой нелепый, в капельках росы,
Заслушался распевом певчей птахи

Эксперты. Год 2000

Два курносых мальчишки, лет по двадцать от роду,
Чинно восседали за круглым столом,
Их именовали завораживающим словом — эксперты.
Один даже ухитрился отрастить маленькую бороду.
Выходцы из народа, пьют виски, ром.
Сделали карьеру
на чьей-то ранней ими оплаченной смерти.

Телеведущий застенчиво улыбался
И задавал несложные вопросы,
Ответы на которые известны только Господу Богу .
Он, немного подражая доктору Ватсону,
Припоминал указания босса,
Как вести себя с лже-экспертами.
За эфир заплатили много.

Не люблю законченность, порядок...

Не люблю законченность, порядок.
Стопки книг гуляют по столу.
И листов беспечные каскады,
Разлетелись словно какаду.

У порядка каменные зубы,
Светлые и брови, и глаза.
Мысли ходят строем, но угрюмы,
Под началом черствого ферзя.

Предлагал давно не мытый хаос
Растерзать и скомкать все листки.
Подмигнул с открытки Микки Маус,
И нарцисс расправил лепестки.

Жизнь показалась прологом

Жизнь оказалась прологом нелепой тусовки.
Дали мне холст, дали краски и дали мольберт.
Думала, выйдет картина, одни зарисовки.
Комната, странные парни и дым сигарет.

Что же ты ропщешь, когда получила в достатке
Краски, мольберт и на раму натянутый холст?
Думала, взлет объявляют, сказали - посадка.
Стиль модернизма любила, а стоило пост.

Красным зачем-то зеленые красила грядки,
И у кометы не видела тела, лишь хвост.
Чем же живу, что на донце осталось в осадке?
Небо, земля, между ними невидимый мост.

Уныние

Сидело на скамеечке уныние
И говорило что-то невпопад,
Про разовые лилии, про сад,
Про вечность, покалеченную инеем.

Была жара, противный солнцепек
Разогревал плохое настроение.
И злость ли приходила или тень ее,
Но наливался тяжестью висок.

Хотелось встать и быстро отойти,
Уйти в прохладный дом, задернуть шторы,
Но ноги, вдруг лишенные опоры,
Забыли направление пути.

Жук черный торопился по делам,
Преодолев уже две сотни метров,
Чуть- чуть шатался, подгоняем ветром,
Полз медленно, навверное устав.

Последних сил собрала горсть в кулак
И встала, и ушла в лесную чащу,
Уныние, мне вслед глаза тараща,
Звало вернуться, куст сирени чах.

Соприкоснуться

Соприкоснуться по касательной
С людьми, эпохой, со страной,
Соприкоснуться обязательно
С шуршащей тихо стрекозой.

С ревушим от обиды отроком,
С зеленой елью на скале,
С влюбленными, что ходят под руку,
С навозной мухой на стекле.

Соприкоснуться ночью судьбами
И раствориться без следа.
Ухожена, цветами убрана,
Могила, выросла трава.

Поэту Д. Лифшицу посвящается

Соловьиные трели возносились над миром,
Раздвигая нежно кусты жасмина.
На веранде, дачной, немного сыро,
Хозяйка домой зазывала сына.

Веселый малыш не услышал знакомый окрик.
Он стоял, поражен волшебством песни.
И закат задумчивый, цвета охры.
Застыл, как вкопанный, с мальчиком вместе.

Добротные стихи

Добротные стихи – енотовые шубы,
Блестит, расшита золотом, подкладка.
Растут, как лопухи,
С презреньем морщат губы,
Стихи эпохи взлета и упадка.

В них взвешены слова,
Подогнанные рифмы.
Ни сбоя ритма, ни словца-уродца.
В них серая сова,
Черны и злобны грифы,
Чиста и холодна вода колодца.

Добротные стихи –
Енотовые шубы,
Сверлила боль в виске –
Мне жаль енотов.
И чешуя реки,
В плечо толкала грубо,
А пчелы мед несли
Покорно в соты.

Смерть поэта

Поэзия раскачивала шарик
Земной, непрочный, начинен тротилом,
Неверными и прочими людьми,
Бактериями, птицами, зверьми.
Там лисы, медвежата, крокодилы,
Там льдины и снега, там солнце жарит.

Манило чудо подойти поближе
К лучистым берегам спокойной Сены.
Шли группами – поэзию понять,
Любители попеть и изваять
Скульптуру женщины, богини, стены.
Увидят это правнуки в Париже.

В небезызвестном и престижном Лувре,
Коль скоро он сумеет избежать
Десятого, двадцатого поджога.
Поведал Нострадамус нам о многом,
Мы не спешим, мы продолжаем ждать
И пепел умерших держать в красивой урне.

Какие нынче планы на уме
У наплевавших на изящность музыки?
Им все равно – зима или весна.
По плану-икс, такого-то числа
Подъедет грузовик, зеленый кузов.
В Тулузе, Вене, Варне, Костроме.

Поэт случайно оказался там.
И муза не спасла, и провиденье.
Был шар земной непрочен, как всегда.
Вновь взрывы сотрясают города.
И черный смог навис печальной тенью.
Что о поэте он расскажет нам?

Если даже прижизненной славы
Не придется попробовать грог,
И нести мне беспомощной, слабой
Свой бесформенный горб или рок, —

Я не буду просить подаянья
У шумливой, гулящей толпы.
Мне восторги законов попанья
Неприятны, как крики — топи!

Пережив разграбленье империй
И распад разоренной страны,
Не скажу, что павлиние перья
Украшают наряд сатаны.

Я падаю в свои стихи, как в пропасть,
И некому молиться обо мне.
И равнодушный мраморный акрополь
Приходит на рассвете в сером сне.

Я падаю в восторженные рифмы,
В навязанный предчувствием мотив,
И труд души, конечно же, сизифов,
Сопровождает похоронный гимн.

Политика и политехнологи

Все интрижки и все поцелуи
Страстные и даже не очень
Запишут тебе в жирный минус
И будут упоминать про них все.
Раскопают, что был в марте ночью
В придорожном мотеле с Миной.

Раструбят и на первой полосе
Каждой завтра вышедшей газеты
Поместят ее фото
В роговых очках и юбке-плиссе.
Скромная и немодно одета.
Словно разыгранный по нотам

Спектакль повторяется сотни раз.
Меняются лица подружек
От красоток до страшных.
Стоп – СМИ, тяжелый наркотик для масс,
В гамбургер подмешан на ужин.
Хорош политик, плох – неважно.

Важно вовремя обвалить в грязи.
Секс тридцатилетней давности
Преступленью подобен...
Глянь, очередной скандал на мази.
Рейтинг растет популярности.
Политик по прежнему в моде.

Дороги Югославии 14.02.2004

Мы проехали этой дорогой.
Тишина ловит солнечных зайчиков
И приглашает в разрушенные дома.
Вернее, в то очень немногое,
Что осталось от стен, занавесок с попугайчиками.
Ни крыши, ни пола. Стены, земля, трава.

Эта земля вспыхнула однажды
И запылала факелом от бомбежек
И попадания гранатомета.
Стены не испытывают жажды,
Запомнили, как пахнет паленая кожа,
Как стекали по ней капли крови, пота...

Афганистан

Народ себя однажды летом проклял
И разругавшись в Богом, исчезал...
Вот бродят толпы нищих и бездомных.
Кто не был взорван, — расчленен, утоплен —
На баржи погружался и бежал,
Цивилизацию своим пугая воплем.

Европа, демократия, порядок,
Бубнили про какие-то права,
Глаза от баржи отводя стыдливо.
Нет, этим людям, беглецам, не рады.
Еще бы, если целая страна
Бежать решила, голодом гонима.

Останутся талибы и земля,
Иссушенная, взорванная в крошку.
И тень от Будды превратится в пыль.
Идеология — гремучая змея.
Черна, как уголь, света нет в окошке,
Скорей, скорей от этого уплыть!

Война...

Война, война... ее приметы
Так очевидно ощутимы.
Какие нынче сигареты
В ходу у тех, кто помнит «Приму»?

Война, война, без объявлений?
Без подвигов и без предательств?
Бушует море в белой пене
И подплывает на фрегате.

Война, война, военкоматы.
Мы до конца верны присяге.
Совсем мальчишка, конопатый,
Вывешивал на доме флаги.

А у меня сжималось сердце,
Противно холодели руки.
Таскаю за собой наследство –
Тревожные сирены звуки.

Я вижу пульей убиенных,
Я вижу взорванных ракетой.
Дома, в которых даже стены
Упали и остались где-то...

Прикосновенье савана к душе

Прикосновенье савана к душе
Не оставляет места для восторгов.
Последний вздох застыл на вираже.
И даже дивный сад подобен моргу.

Зачем-то тихо приоткрылась дверь.
Там сцена, там вино, артисты, шутки.
А за моим окном все воет зверь
Охрипшим голосом, простуженным и жутким...

Стреляют, брат!

Стреляют брат, стреляют автоматы...
Рассветы поднимаются в атаку,
И пули вновь рисуют траекторию.
И от зари до самого заката
Скорбит трава по взорванному маку,
Воспринимая смерть как дисгармонию...

Чужим могилам

Золотокудрые березы давно воспеты до меня.
И благородные каштаны, и седовласые дубы.
Великие воздали им сонеты.
Рассветам, чайкам, грации коня,
Узорам инея и таинствам зимы,
Чудным зверюшкам, что не любят лета.

Оставили чадающий за версту, смердящий дым костра
От догорающих в рассветной пелене чужих селений.
Толпу, везущую свой небогатый скарб,
Красны от дыма едкого глаза.
И эхо погребальных песнопений
Приходит снова, к мессе опоздав.

Я прикрываю голову выцветшим от солнца платком,
Чужим могилам на чужой земле несу букетик скромный
И невидимкой удаляюсь быстро.
Никто из погребенных не знаком.
Выслушиваю чей-то голос ровный,
У всех убитых был контрольный выстрел.

Противно ощущение, что выстрел предназначался мне.
По сводке новостей ничто не показалось чрезвычайным.
Спала я на другом конце планеты.
Но приведение, пришедшее во сне,
Качало серой головой печально,
За чью-то кровь меня призвав к ответу.

Вечерело, вечерело,
Чёрно-белая тоска
Пролетала у виска,
Вызывая дрожь у тела.

Серый увалень туман
Тихо спал в небесной люльке,
И родник тихонько булькал
Про вчерашний ураган.

А сегодня благодать
Растекалась по планете,
Подготовив людям сети,
В гамаке удобно спать.

Где-то лето, где-то осень.
Тут тайфун, а там хамсин,
Над планетою висит
Меч, что выкован в Лаосе.

Иль в небесной мастерской,
Может, это меч Гермеса.
Выходил хромым из леса.
Все не хочет на покой.

Душа моя пуста, как белый лист,
И мысли, как зарезанные куры,
Свисают с потолка и смотрят хмуро
Умершие глаза, и тень ресниц
Не прикрывает черные пригорки
Печали, грусти, держат их подпорки
Из розовых надежд и облаков,
Разбросанных по серому овалу
Убожества, и показалось мало
На счастье впрок подобранных подков.
Они висят и смотрят безучастно
На мир безумств — тихи и непричастны.

Все знают истину

Все знают истину
И, потирая руки,
Готовятся ей перерезать глотку.
Ее завистники
Издают громкие звуки,
Похожие на лязганье лебедки.

Красное зарево
Не пропускает рассвет
И одурманивает запах гари.
Знают заранее
Люди – счастливый билет
выдан наемным убийцам.
В разгаре

бессовестные торги.
Что продают? Принципы.
Стоимость занижена до предела.
Если можешь – беги.
Захвачены пристани,
Улица бурлит, но толпа поредела.

Может, попробовать
И притвориться, как все...
Распознают овечку в волчьей шкуре.
Хитрые роботы
Выдают лисе-пассе
Вместо паспорта, а власть у цензуры.

Истину новую
Выбрали вместо старой,
Помыли в проруби и покрасили
Тишь... свобода слова

Отдыхает на нарах.
И на ближнем востоке , и в Азии.
А что остается?
За послушание – кефир,
А по праздникам выдадут крендели.
К чему эмоции?
Не изменяется мир,
Это мы потихонечку сбрендили.

На руинах построить дом –
Не получится.
Жизнь оставлена на потом
Волей случая.

Поздно – варвары за углом
Все порушили.
И не связывает паром
Море с сушею.

Ни вперед, ни назад ступить,
Лучше в сторону.
Может птицею в небо взвить?
Я попробую.

Когда исчезают черные ямы
И я перестаю ощущать ужас каждого мгновения,
Жизнь становится пресной.
Нет симфонии, остаются гаммы,
Равнодушные, не имеющие собственного мнения
И доказательств веских

Что всем стоит переходить дорогу
Непреренно когда зажигается зеленый свет,
А желтый свет погаснет.
Стучим, подошли к порогу.
Но, как оказалось,
 в списке приглашенных нас почему-то нет.
Разворошены страсти.

А составляющие список ушли в пасс
И давным-давно покинули это холодное здание.
Пьют аперитив в баре,
В котором старый, большой контрабас
Исполняет пьесы, что сочинил вдохновенно заранее
И посвятил гитаре.

Вечер накануне третьей мировой войны

Будто вороны в замедленных съемках,
Люди в военной форме
Склонились над картой.
Как разделить этот шарик в потемках,
Чтоб младенцу по бомбе.
Стоп, команда к старту.

Кто уполномочен писать сценарий,
Вести человечество
К всеобщей гибели.
Лидер нации сегодня в ударе,
Не убеждают речи,
Слова в вате, в иле.

У цивилизации нашей тени
Темно-красного цвета
На века прошлые.
Кто не согласен вставать на колени,
Грозят отправить в гетто.
Становится тошно.

Кто виноват и в чем, неинтересно
Ни палачу, ни жертве.
Правит НОУ ХАУ,
Продажные чиновники и пресса.
Все что делаем - тщетно!
Разум пал — нокаут.

Ты станешь молчаливым свидетелем
Убийства миллионов
По чьей-то злой воле.
Уходят мирные дни на планете,
Отзывается стоном,
Колокольчик в поле.

Зарисовка из Танзании

Тихонько стонала гитара,
И негр подпевал неумело,
Неведомый мне суахили
впитал щебетание птиц.
Раскаты воды в Ниагаре
И волны, рисованы мелом
У самых истоков Нила,
лишь контуры бронзовых лиц.

Суахили – наречье народов Танзании

Нет, пожалуй, не сяду в карету...

Провырнуться бы мне, прогуляться,
Где ни лип не видать, ни акаций.
Где не надо искусственных почек,
Где ни служащих нет, ни рабочих.

Где веселые дамы с перстнями
В нарисованных красках чашах
Не целуют красивых с усами,
И нарядов не носят кричащих.

Прокатиться бы мне, да на тройке,
С бесполезной, дурацкой попойки.
Экипаж был без кучера подан.
Дождик, слякоть, плохая погода.

Я усядусь, подушка из плюша,
Кони сами учуют дорогу.
Ночь, последний окуроч потушен.
Помолюсь на прощание Богу.

Расшумится безликое эхо,
Звуки вырвутся прочь, на потеху.
Там угрюмый служака в потемках
Разнесет черный кофе потомкам.

Все, пора выходить, остановка.
Дальше только пунктир обозначен.
Говоришь, мне подходит обновка?
Нет, не плащ – называют иначе.

Одеянье с названием саван,
Всем послужит когда-то на славу.
По размеру подгонят, по цвету.
Нет, пожалуй не сяду в карету.

Мой старый чемодан

В уголке примостился
Чемодан старомодный,
Добротный, крепкий, из кожи.
Памяти факел взвился.
Наклейки- стран из сегодня
и из несуществующих тоже.

Синяя – Югославия.
Из Чехословакии –
Ярко фиолетовая.
По дружбе ее ставили.
Еще одна из Кракова,
Неопределенного цвета.

Стоят, насмеваются
Флаги стран давно ушедших.
А все еще радуют взгляд.
Прыгают, словно зайцы,
Колонны нарядных женщин.
Мужчины кричат «виват!»,

А страны, как люди, – смертны.
Их жизнь – коротка, длинна...
Не удастся вычислить.
На картах и на конверте –
Прежние имена,
Портреты Его Величества.

Не разглашай мои секреты

Не разглашай мои секреты,
Наброшена на плечи шаль.
Пожалуйста, не разглашай...
Во рту горит от сигареты.

В круговороте нудных буден
Боимся остановиться.
Штиля боимся или бури.
Заболеть, пожалеть, влюбиться.

Идеи – любители разный нарядов

Идеи – любители разных нарядов
Одежды носят одноцветные и в полоску.
Красный цвет множество столетий радовал
И только недавно стал неприличным в носке.

Все перешли на цвета новомодные.
У белого не слишком счастливое прошлое.
Подходит для траура всенародного
Людам из белого братства, покойникам, кошкам.

Оранжевый вышел на обозрение,
Приватизировал свободу, демократию.
Любитель большой хорового пения.
По вкусу органам пришелся карательным.

Мне ни с кем не по пути

Мне ни с кем не по пути,
Мне ни с кем ни по пути,
Мне ни с кем не в ногу.
Присудили за грехи,
Присудили за грехи
К вечному острогу.

Никому не подпевать,
Никому не подпевать.
Я чужая в хоре.
Попытаюсь отыскать,
Попытаюсь отыскать
Дырочку в заборе.

Я листаю страницы

Я листаю страницы,
Озябли пальцы.
Тошнота подступает удавкой к горлу.
Светские львы, львицы.
В темпе вальса
Вылезают строчки из фильмов порно.

Сайт поэзии русской.
Тексты понятны.
А на фотографиях милые лица.
Сверху, в юбочке узкой,
Адрес обратный.
Кажется, Франция, какой город? Ницца.

Бессловесная муза
Пришла в неглиже.
И жонглирует матерщиной, как клоун.
Света с именем Сюзен
На новом Порше,
А рядом спутник в бронежилет закован.

А может, другой сюжет.
Деревня, сырость.
Отдан последний рубль за связь с Интернетом.
Парнишка по кличке Джек.
Подружка Ира.
Всё еще называет его поэтом.

Редактор, подсев на шнабс
И бойких женщин,
Желает показать нечистот изнанку.
Что-то бурчал про шанс,
Про век ушедший.
Раздавивший могилу поэзии танком.

Шнабс – немецкая водка

Надежно спрятаны слова

Надежно спрятаны слова,
Как в бахрому тяжелой шторы.
Так прячут в дальние оффшоры
Шальные деньги и дома.

Камаз со взрывчаткой подъехал к столовой

На ржавых, зеленых крюках
Развешаны наши плакаты,
Сколько их ? Сотни...
И не прочесть их. Никах.
Буквы не в меру покаты,
Как плечи у сводни.

Прищурился невидящий глаз,
Подходим к дежурным по кухне.
В несвежих халатах.
К дверям подъезжает Камаз.
В плите нынче газ, а не угли,
Солдат конопатый.

Прикройте, пожалуйста, дверь.
Спагетти в тарелках на ужин.
И соус томатный.
Надень диадему, надень.
Ресницы покрыты тушью.
Костюмчик салатный.

Уже не успеть убежать.
Всплывает рояль, реверансы,
И потные руки.
Становится трудно дышать.
Дом, детство, романы, романсы.
Последние звуки.

Пропахший сыростью сентябрь
Ловил последние лучи
Прохладного — на донце — солнца.
Перелетев через ухабы
Сидели черные грачи
На старой иве, у колодца.

Пригласи на свидание, смерть...

Пригласи на свидание, смерть.
В запорошенной снегом избушке
Поселилась компания ведьм,
Леший вроде как на побегушках.

Он не главный — там матриархат.
Ведьмы в красное волосы красят.
Виски пьют, самогон, суррогат,
Старый леший стоит на «атасе».

Варят варево редкостных трав
Не заботясь о чуде пропорций.
И закон притяженья поправ,
Залетают в чужие оконца.

И вселяются в души людей
Незаметно, в течение ночи.
Приглашают зайти на коктейль
Или ехать на поезде в Сочи.

Перемены почти не видны,
Те же губы и волосы те же.
Разве что испугалась воды
И еще улыбаешься реже.

Пригласи на свидание смерть,
И не надо дрожать от испуга.
Не спеши, все равно не успеть
Рассмотреть до деталей друг друга.

Сшила шубу из серого мха

Сшила шубу из серого мха
Сшила шляпу из желтых лисичек,
Сандалеты сплела — береста.
Рассмеялась с презреньем сноха.
Говорила — одета по-птичьи.
Может, ты превратилась в дрозда?

Сшила шубу из листьев зеленых,
Сшила шляпу из маленьких роз,
Сандалеты из прутьев сплела.
Посмотрела невестка спросонок.
«Ты зеленая, как купорос,
Даже пень посмеется сполна».

Сшила шубу из белого снега,
Сшила шляпу из черных проталин,
И из елки сплела сапоги.
Муж сказал «Проигравшись в Лас Вегас,
Мы подобное чудо видали,
Пулю в лоб он пустил за долги».

В магазине набросаны кучи —
Распродажа ненужных вещей.

Вот купила и я одежонку.
Было сбоку написано «Гуччи»
На кармане для разных ключей.
Сын бранил: «Ты оделась ребенком»...

Гуманизм 15.01.2006

Гуманные собрались на фуршет.
Улыбки раздавая, словно сдачу,
Один в очках , фамилия на ше,
Скорбел про угнетенных, чуть не плача.

Ты речи поточнее запиши.
Про бедных и безудержно богатых.
Вещали про живущих на гроши,
И потому ни в чем не виноватых.

Разросшийся на коке гуманизм
Рыдал про участь едущих в субаро.
А стройный, в алом галстукe, метис
Громил жестокость с шведами на пару.

Законы порешили изменить.
Казнить нельзя убийц и людоедов.
Понять их надо или полюбить.
Так порешили и пошли обедать.

Но вижу я – истерзаны тела,
И наглая ухмылка живодера.
Как оказалось, у служивых зла
Есть множество защитников матерых.

Футуристы

Что это было,
 что это было?
Люди сменили лица на рыла.
Что это стало,
 что это стало?
Полные залы,
 полные залы.

Дух разрушений
Груб и неистов.
Вихрем врывался
В старые щели.
Лихо раскрашены
Футуристы.
Века раскачивали качели.

Переливы

Переливы, переливы,
Груши, яблоки и сливы,
Спелый ананас.

Пересуды, пересуды,
Стол, дешевая посуда
И в графине квас.

Передряги, передряги.
Спит усталый еж в овраге.
Спрятался за ель.

Перемены, перемены.
Ляжки, голое колено
И тяжелый хмель.

Вердикт

Слова во рту катались мокрой галькой
И повисали в воздухе промытом.
Слова чисты, ясны, как прозелиты.
Хотя уже не раз бывали биты
И посыпали ранки белым тальком.

Слова пытались ублажить язык,
Но он опять был или недоволен
И плакал о своей несчастной доле,
Предвидя, слово пошлостью уколет
И вызовет в лице противный тик.

Висело небо, делал виражи
В нем самолет, причастный к мирозданию.
И недовольный холодом и ранью
Пес лопухий разразился бранью,
И разбегались в панике ежи.

На склоне лет горбатые осины,
Видавшие предательство и смерть,
Собрались вместе и пытались спеть
Свой похоронный гимн. Успеть, успеть,
К ним приближался едкий дух бензина.

И экскаватор медленно кружил,
Поблизости распахивая землю
И отрывая корешки от стебля,
Мольбе травинок и осин не внемля.
Чужой вердикт размеренно вершил.

Наверное, наполнен высшим смыслом
Вердикт на белых тоненьких листах,
Подписанных какой-то Эммой Зак.
Рабочий толстый, крошки на усах,
Вдруг погрустнел и улыбнулся кисло.

Рига

Нависла улица над мостовой,
Дома столетья не меняли крыши,
И трубы позабыли черный дым.
А я бреду, иду к себе домой
И вижу - арка, подворотня, ниша.
И ты под аркой, снова молодой.

Все это было в той ушедшей жизни,
Где узких улиц дерзкое лицо
Хранило очертанья крестоносцев,
Где воротник из чернобурки - лисий.
Где площадей недружное кольцо
И затхлый запах старого колодца.

Бульжники, друг другу попеняв,
Раскачивали площадь странным блеском,
Распугивая стайки воробьев.
Таинственный насупившийся храм
Будил воспоминания о детстве.
Звал в темноту, звал за дверной проем.

Я видела — подвыпившие тени
В обнимку шли по проходным дворам,
Расталкивая молодых прохожих.
И, спотыкнувшись, разбивал колено
Какой-то денди в дудочках-штанах
Из дорогой красивой мягкой кожи.

Стоял собор, качая головой,
Припоминая прошлые столетья
И дам в каретах, в платьях из парчи,
И джентльмен в костюме — чудный крой!
Воспитанные в пансионе дети,
А в пасху освещают куличи.

Вгрызаясь в дни, как в купленный батон,
Горячий и манящий дивным вкусом,
Ушедшим вместе с детством, как вода,
И снова различаю баритон:
«О том, что вы не верите в Иисуса,
Прошу, не говорите никогда»...

Играло солнце желтыми лучами

Играло солнце желтыми лучами
И, поскользнувшись на одном из них,
Неискренность вдруг повела плечами,
поправив бледно-розовый парик.

Красивость, разложив на пьедестале
Манящую брильянтом мишуру,
Среди гостей почетных в тронном зале
Приветствовала вора из Перу.

Крахмальной белизной блестят манишки,
И галстуки , костюмы, строго в тон.
А где-то там сторожевые вышки,
Экспресс восточный набирал разгон.

На полустанках пьяные в тулупах,
Висят в купе кривые зеркала.
За стенкой кто-то кашлял тихо, глухо,
А вдоль перрона женщина брела...

Я боролся и проиграл

Я боролся и победил,
Я боролся и проиграл.
И среди величавых льдин
Понапрасну искал астрал.

Я боролся с самим собой,
С разночтеньем расхожих фраз.
Безоружным бросался в бой,
И взрывался во мне фугас.

Я боролся с цинизмом слов,
С безразличьем себя к себе.
Видя раковых клеток зло
В бесполезно прожитом дне.

Я боролся и победил,
Я боролся и проиграл.
Пес тревожно о чем-то выл,
И огнями манил вокзал.

Ответ оппонентам

Я никому не подражаю,
Но знаю, стоит умереть —
Стихи мои подорожают,
Услышат в них и ритм, и медь.

Дождинок теплых пересуды
И века бурного следы.
Мне в прошлом веке дали ссуду
Из слез, из лоскутков беды.

Я возвращаю неумело,
По строчке, по обрывкам фраз,
Цвет черный, серый, редко белый.
Свет появлялся, снова гас.

Прошу, немножечко терпенья.
Себя прошу — еще чуть- чуть,
Не путать веру и забвенье
И до конца пройти свой путь.

*Мариенгоф объяснял С. Есенину,
что поэма «Черный человек»
у него не получилась...*

Стихи накрапывали дождиком,
Шатались праздно по тропинкам,
Врывались за полночь в кафе.
Бывали злобными и тощими,
Порой красивы – нос с горбинкой,
И в золоте, и в серебре.

Громили, укоряли, правили,
Без страха открывали двери,
Вводили в ересь и в соблазн.
Ходили на фуршетах парами.
Носили диадему, перья,
Иконы и иконостас .

Стояли мутными болотами,
Затягивали вновь прибывших
Воронками забвения.
И разыгрывали, как по нотам,
Фарс по удалению лишних..
«Есть мнение, есть мнение...»

Мнение выходило с секирой.
Казнь осуществляли прилюдно,
Иногда без свидетелей.
Приговор – неталантливо, сыро.
Становится вдруг неуютно.
Все – поминки отметили.

Строки

Ложатся строки между строк
И поперек, и рядом.
Они приходят точно в срок
Не поздно и не рано.

Они приходят налегке,
Плевали на приличья.
С гвоздикой розовой в руке,
Поют они по птичьи.

Приходят строки в день беды
И высшего блаженства.
Они вползают, как кроты,
Туда, где очень тесно.

Взрывают быт и бытие,
Страшат и балагурят.
Злословье, мелочность, вранье,
Картавый бас прокурен.

Ложатся строчки между строк,
Не внемля возраженьям.
По капле падают в песок
И опаляют жженьем.

Гипнотизируют, ворчат,
Разбросаны по дому.
А поколение их внучат
На речке ждет парома.

Не придет, даже позже, понимание сути...

Блекло синие фрески,
Пахнут сыростью стены.
Витражи, занавески,
Все подвержено тлену.

На разбитых надгробьях
Не проставлены даты,
И глядит исподлобья
Пьяный сторож усатый.

«Чьи ты ищешь могилы?» —
Пробурчал для порядка.
И любитель текилы
Молча спрятал десятку.

Призадумалась, полдень.
И сверчки стрекотали,
Словно старые сводни
На приморском вокзале.

Камни молча кивали,
Подойди поприветствуй.
У камней нет регалий.
Им они неуместны.

Боль въедается в кожу
Блеском, искрами ртути.
Не придет, даже позже,
Понимание сути.

Адреналин

*Израильтянам, погибшим в Новой Зеландии
при переправе на плотках через бурный поток
посвящается*

Адреналин в крови повысить
Есть много способов прекрасных.
Попробуй хоть один!
Тропу искать по лесу лисью,
Заряд нести в мешке фугасный,
АДРЕНАЛИН !

Спускаться по опасным рекам
На утлых лодочках воздушных!
Стихия, ты один !
Забыты новшества хай-тека,
Шипит вода, не видно суши,
АДРЕНАЛИН!

Израильтянин там, где страшно,
Открыт для новых приключений.
Нью-Зиланд, Чили, Син.
Он после схватки рукопашной,
Сто раз раскачивал качели.
АДРЕНАЛИН !

А если в сотый ли, в сто первый
Судьба-злодейка усмехнется:
«Прощай, любимый сын», -
То крокодил , то сдали нервы,
Вулкан, лавина, град и солнце,
АДРЕНАЛИН!

*Хай-тек – высокие технологии
Нью Зиланд – Новая Зеландия
Син – Китай*

Начитавшись печальных поверий

Начитавшись печальных поверий,
Надышавшись парами цинизма,
У себя выходя из доверья,
Мир увижу глазами кубизма.

Громоздятся деревья – квадраты,
И цветочные клумбы – кубышки.
Плечи линий игриво покаты,
Копошатся кружочки – детишки.

Краски словно разбавлены чаем,
Слабо розовы, чуть бирюзовы.
И на белом канате качает
Невидимку – корабль невесомый.

Он менял очертанья и формы,
То ракета, то призма, то катет.
В ожидании нового шторма
Вспоминал о задире-пирате.

Плавал с ним, презирая трусливых.
Не меняя ни формы, ни кредо.
Благовония или оливы
Продавал бородатому деду.

А теперь только призраки бродят
По подводному синему царству.
И мизинцем по облаку водит,
Насмехаясь над нами, лукавство.

Я пишу ни о чем

Я пишу ни о чем,
И Никто мне листает страницы,
Унося заблудившийся месяц в заоблачный рай.
Я пишу ни о чем,
И надменные серые лица
Разрезают на мелкие части чужой каравай.

Я пишу ни о ком,
Но служившие мне прототипы
Умудрились расстроить земное мое бытие.
Я пишу ни о ком.
Половиц приглушенные всхлипы
Превращают бравадно звучащие марши в нытье.

Я пишу никому.
Рассосалось мое поколение.
В Аризоне, Сиэтле, Ванкувере чистят ковры.
Я пишу никому,
И живущий в Женеве и Вене
Лишь с улыбкой припомнит
расцвет стихотворной поры.

Что смеешься, сатир,
Над стихами в зеленой тетрадке?
Там чернильные кляксы собой прикрывали слова.
И, обижен на мир,
На людские дела и повадки,
Удалился поэт,
Вслед с укором смотрела сова.

Ночь, худющий Никто
С незнакомкой гуляет под ручку.
Подойдет он к поэту и под ноги бросит цветы.
Снимет шляпу, манто,
Под гитару кантату озвучит.
И предложит примерить корону из яркой звезды.

Ах чудики, ах чудики...

Ах чудики, ах чудики!
Тасуют карту нам
И продают в рассрочку гильотину.
Плотвишку ловят в прудике,
Целуют потных дам
И думают, что айсберг – просто льдина.

Ах чудики, ах чудики!
Мне с вами по пути,
И я грешу на разные идеи.
Надеюсь, не осудите –
На огонек зайти
Хотелось бы к пророку Еремею.

Кто сказал...

Кто сказал, что погибнуть в огне,
В разрывающей мозг канонаде
Предпочтительней выстрела сзади,
Предпочтительней смерти во сне?

Кто сказал что картечь, динамит
Спят в архиве, и время тротила
Набирает известность и силу
И правительствам ставит на вид?

И пришел, низвергая указы,
Новых истин чарующий бред.
На любого составят навет,
Или проще – по мазде камазом.

Я не знаю, прости, генерал,
Для чего благородная маска,
Ни жилет не спасает, ни каска,
Ты молчишь. Ты давно проиграл.

Правит хаос, он хитрый воришка.
Дирижерский, пингвиний костюм
Приобрел, и приходит на ум,
Что с расстрельной командует вышки.

Раздавая команды – стрелять
По бегущим по трассам машинам,
По идущим с работы мужчинам.
Вносят флаги, всех требуют встать...

Шесть сотен лет Офелия рыдает

Шесть сотен лет Офелия рыдает
И Гамлет произносит монолог.
Там был вопрос – мы не нашли ответа.
Офелия – такая молодая!
Шесть сотен лет, весьма приличный срок.
Сжигали лидеров, самих и их портреты.

Ответ искали в рукопашной схватке
И в пыльных фолиантах старых книг.
На виселице или на дуэли.
Законы поменяли и порядки.
На стрижки пышный заменен парик.
Путь к Храму найден был и снова был потерян.

Комариками носились слова

Комариками носились слова,
Прокусывая тонкую кожу
И оставляя красные припухлости.
Каждое слово исполняло «па»,
Которые были похожи
Как две одинаковые устрицы.

Прощание с Ригой

Бутылка вишневой наливки,
Подоконник обкусан временем.
Черное кофе, сливки,
Значок пионерский с Лениным.

Затейливы улочки, башни.
Решетки узором расписаны.
Рижский бальзам, фисташки,
Водки бутылка, анисовой.

Закрыты и окна, и двери.
Вечеринка. Кто организатор?
Пьем кровавую Мери.
А завтра уедем, на Запад.

В заморских странах желтые дожди

В заморских странах желтые дожди,
Наевшись скользкой красно-сизой глины,
Смотрели, как отравленные хиной
Пилоты совершали виражи.

И мне хотелось с ними над землей
Парить над морем ласково-послушным,
Где в воздухе растаявшем и душном
Не пахнет земляникой и сосной.

Завяли мысли

Завяли мысли, как завяли лилии,
Пожухли, пожелтели, износились.
И, вечности законы не осилив,
Утратили прекрасность форм и линий.

Исчезли башенки, и замки, и дворцы,
Где лунный камень украшал дорожки.
И тиграми вдруг оказались кошки,
Но в пышном одеянии лисы.

И путаясь, как в старом сундуке, в словах,
Расталкивая вычурные фразы,
Въезжали, как груженные камазы,
Чужие мысли в черно-белых снах.

Строка...

Строка застыла, замерла, зависла,
Заезженной пластинкой запищала.
И вдруг пустилась в путь походкой рысью,
И я за ней, но не догнать, пожалуй..

Богема

БОГЕМА, словно сорная трава,
Растет под лавкой, в поле, где придется,
По стенкам обмелевшего колодца,
и трудно разглядеть — видна едва.

Проникнет в скверы, где в тени скамейки,
Она в пропахших рухлядью дворах,
В роскошных виллах, жалких деревнях,
Где сельские дороги, словно змейки.

А на Олимпе прошлые века
Траву заметно вытоптали всеу.
И новый век, пред прежними пасуя,
поднял, как бык, БОГЕМУ на рога.

Она, БОГЕМА, вроде как и прежде,
Штурмует Си Би Эс и Эн Тэ Вэ,
Тусуется по десять и по две,
Встречается с друзьями в Будапеште.

О где ты, непоседливый Пегас!
Все айсбергом дрейфуешь по вселенной,
Есть зала для гостей — они нетленны.
Кого там только нет! Пожалуй, Вас.

Сон предсказывал

Сон предсказывал, в нем в черно-белых красках
Странные вещи показаны наглядно.
Горы, тропинки, старенькие салазки
И люди в одеждах ненарядных.

А приметы пометили жизнь, крест накрест.
И из этой кельи не выйти наружу.
Карты ложатся только трефовой масти,
А на новом диване разлегся ужас.

Жизнь моя превратилась в пустыню

Жизнь моя превратилась в пустыню,
В которой даже кактусы не растут,
Только камни скучают,
Дни покрыты пылью
Чередой непрерывной идут, идут.
Последние вот-вот растают.

Все события не интересны .
Мелкие неудачи скачут по кочкам,
Разбрызгивая лучи.
Берег ишу отвесный.
Как все призрачно, зыбко, непрочное,
Вот только луна в ночи.

Вот и все

Вот и все,
А казалось – дорога длинна.
А равнины и горы, как прежде прекрасны!
Ремесло –
Разглядеть на бокале вина.
Звезды, шелковый след, что сегодня погаснет.

Докричатся...

Докричатся... последний эфир.
Как безжалостны танки - стреляют,
Домочадцы мои погибают,
А Коран, что зачитан до дыр,
Разорвало на мелкие клочья.
Нет зеленой лужайки - зола
И лизали лучины огня,
Скарб нехитрый, раздавленный ночью.
Боже праведный, это война,
А на ней погибают – так надо .
Нету правил – жизнь буден наградой,
Но вручат ли ее, и когда ?

Ах, воробушек

Эх воробушек, привет воробушек.
Вечно у тебя свои заботы.
Приподнять сухарик тщетно пробуешь
И поешь, как будто бы по нотам.

Видимо-невидимо сородичей,
Разбрелись они по белу свету.
Я в Китае их встречала сборища
И на островах, где вечно лето.

И поют, и спорят, и чирикают,
Сан-Франциско, Мельбурн или Рига.
На коротких ножках ловко прыгая,
Воробьи плетут свои интриги.

К голубям пристроятся, похлопают
Крылышками, выхватят добычу,
Воробей - и ловкий он, и опытный,
Хоть и пойман много раз с поличным.

Вот и я среди людей потеряна,
Воробьем в чужой надменной стае.
И блестит судьба, и манит перьями,
Я спешу, но ноги увязают...

У пьедестала толчея

У пьедестала толчея и давка,
И две табличка – графоман и гений.
Еще одна, с названьем – молодой.
И между ними вечно перепалка.
Желают политических гонений,
Шум в прессе или кличку – голубой.

Рябит в глазах от множества поэтов.
Их вирши не вмещают альманахи,
И на Пегасе нет свободных мест.
И кучка под названием «эстеты»,
Не пожалев на отзывы бумаги,
В пустыню превратила Эверест.

Качнулся маятник удачи

Качнулся маятник удачи
В другую сторону.
Держись!
За что? За дерево, за мачту,
За улетающую жизнь.

За белую сорочку, галстук,
За звезды, что к утру погаснут.

Что там, на черной полосе?
Деревья серые, без листьев.
В карете едет по шассе
Старик в старинной шубе лисьей.

Мотор сдает у самолета,
И террорист засел у дзота.

Поэты маются стихами.
Разбрасывают фонари.
Свет тусклый. Сосны услышали,
Как спорят двое на пари.

О чем? О цифрах в кабале.
Кто спорит? Новые ОЛЕ.

Оле – новый репатриант в Израиле

Мне говорили...

Мне говорили – во всем виноваты осадки,
Бурной волной затопившие села в низине.
Крыши исчезли и стройные фикусы в кадке.
Даже машины с сиреной, блюститель порядка
Тоже пропал в беспокойной, бурлящей пучине.

Мне говорили во всем виноваты вулканы -
Лавой смердящей сжигают и пеплом осыпают.
И оживают то на островах, то в Иране...
Гарь и стекло вместо красной нарядной герани.
Воздух блестит, словно вышитый шелковой нитью.

Мне говорили, во всем виноваты Цунами.
Жадным глотком выпивают отели и пляжи.
И загребают людей – хоть ксендзы они, хоть имамы.
Все улетает в сверкающей солнечной раме,
Вдаль далеко, на прозрачном чудном экипаже.

Мне говорили, что люди во всем виноваты.
Нефть из пробоев разлили в чистейшие воды.
Принцип вендетты, что был непреложен когда-то,
А не высокие ставки в процентах, не золото.
Смог разъедает глаза, ядовитая вата.
Месть за убитых дельфинов назначит природа.

Где-то внизу, в подземелье, готовят нам встряску.
Бурный разлом уничтожит высокие башни.
И понапрасну на лоб нам натягивать каску
Или скрываться в подвале, что выстроен наспех.
Нет никого, только тихо чирикают птицы,

Что прилетели узнать, где покоятся люди
И почему не видать их пернатых подружек.
Кто-то бредет, он живой, только худ и простужен.
А наверху солнце грустное смотрится в лужи
И панихиду читает по тысячам судеб.

Толпа

Я одолжу палитру светло-серую
И белую палитру одолжу.
И проведу рукою неумелую
По черному, как злоба, миру.

Застыло утро над моим каракулем
Припоминая юную звезду.
Напрасно время смутное оплакивать
У памяти, молчащей на виду.

Припомнилась беспечность в кепке розовой,
Спешащая куда-то налегке.
Ты не тасуй колоду, нет в ней козыря.
И карп давно не водится в реке.

Но собралась толпа бескомпромиссная,
И хочет доказать в который раз,
Что нынче наплевать на здравомыслие
И с дьяволом толпа танцует вальс.

Ты не вели меня бранить...

Ты не вели меня бранить,
До и хвалить меня не надо.
Копать ли землю, гнезда вить?
Подбросить снега или града?

Ты не вели меня казнить,
И миловать не стоит тоже.
Скакун мой мчится во всю прыть
И врежется в толпу, похоже.

Мне достались минуты...

Мне достались минуты, несколько.
Раскаленные добела.
Мелом вычищенные до блеска,
Беспокойные, как юла.

Непохожие на действительность,
Из нездешних, иных миров,
Знаков множество вопросительных,
И блестящий в ночи паром.

Я их нянчила и лелеяла
До морщин, до седых волос.
Почитала добрыми феями,
И прекрасными, как Лаос.

От других отмахнулась, серые,
Так безделица, чепуха.
Бесполезны, сухое дерево.
К их призывам была глуха.

Что же сетую в одиночестве,
Ни лучинки нет, ни свечи.
Только прочерки, только прочерки.
Безучастны, как палачи.

Я дорого плачу за тишину

Я дорого плачу за тишину
Заброшенных, травой покрытых кладбищ
И черный сплин, упав на душу навзничь,
Затягивал меня опять ко дну.

Русалки, крабы, щуки, караси
Нас обнимали и стонала тина,
Была упруга, разноцветна глина,
Но кислорода лучше не проси.

Там предлагали пузырьки озона
И голубые горы в серой мгле.
Как сны мелькали за стеклом, в окне.
Нет ничего, лишь пустота – резонно...

О веке своем рассказать без утайки

Тишина закрывала пространство широкой рукой.
Пили чай облака непричесанных страхов.
Одиночество тихо шептало? «Да кто ты такой?
Чтобы стать командиром и мысли вести в атаку...»

Молчаливые тени грозили вселенским судом.
Беспросветность читала молитву на парси.
И печальные люди зачем-то, с огромным трудом,
Танцевали, и танец они назвали вальсом.

Мы хотели уйти от безликой разбойницы тьмы,
Застилающей разум фланелевой байкой.
К веселящейся шумной толпе наконец подойти
и поведать о веке ушедшем своем без утайки.

Вязкий кляп был во рту из горчайшей полынь-черемши.
Горстка глупых заученных слов, бестолковых.
Измуруды, агаты скупала толпа за гроши.
Крылатые мысли, как кони, теряли подковы.

Свои стихи, как четки, перебираю

Свои стихи, как четки,
Перебираю медленно,
ищу успокоение в маленьких уютных фразах.
Синие сопки
Глаз вьедливых.
О чем хотела сказать, поймут не все и не сразу.

Нужно остановиться,
Но ноги привыкли к спринту.
На остановке ожидает опасность смертельная.
Чужие лица,
Едят питу.
И не выдают на допросах своих подельников.

Днем разграбили время,
Как ювелирный магазин.
Раздали секунды с минутами детям — погремушки.
Дали премию,
Купить бензин.
Глупые мысли разлеглись на атласной подушке.

Ветер распахивал неплотно прикрытые окна
И врывался ко мне, приглашая в душные объятия,
Залепляя глаза разогретым песком.
Пытаюсь спастись, надеваю наушника — ток Мэн,
И тут же понимаю, что наушники эти некстати.
Горло сжимает горячий железный ком...

Всё исчезает

Всё исчезает, ни жизни, ни смерти, — лишь строки,
Бегущие из никуда в никуда.

Я задыхаюсь, живу в бесконечной мороке,
Где «нет» превращается в твердое «да».

Я не хочу, у меня столько дел накопилось.
Ужин остыл, стопка нечитанных книг.
Ну для чего, для кого, вы скажите на милость...
Вечер ворчал на меня, внезапно стих.

Капает страх, неуверенность, брэнность.
Красные искры блестят, синие капли дождя,
Господи! Ну для чего откровенность?
А в памяти цепкой — ветки акаций дрожат...

Ночью сливаются черные точки,
Пропасть живет, приглашая в таинственный замок.
А мысли по сути своей порочны...
Предпочитая чудесной мелодии — гамму.

Бал

Я примеряла башмачок,
Был бал, кружился зал в экстазе,
И лилии стояли в вазе,
Был принц высок, розовощек.

Казалась зала настоящей,
Паркет сиял, как зеркала,
Настырные колокола
Проснулись вовремя на башне.

И возвеличивали стон,
И разрушали безмятежность,
И звуки падали прилежно,
Растаял колокольный звон.

А с ним пажи и колесница,
Паркет и люстры, добрый принц,
Толпа молоденьких девиц
И обязательно – жар-птица.

Очередной взрыв. 09.10.2004

Дверной глазок они залепили жвачкой.
Ничего не видно – вокруг чернота.
Не работает, взорвана водоканчка.
В ключья старого хозяина и кота.

А старик всегда в это время был дома.
Писал мемуары про красный террор.
При должности был, секретарем обкома.
Но смуглые люди ночью спустились с гор...

Праздник поэзии

Жду от поэзии окриков гневных.
Ударов в спину, пощечин прилюдных,
Но кучка великих устроилась чудно,
В замке навечно уснувшей царевны.

И каждое утро пекут на продажу
Крендели с сахаром или ватрушку,
Часть подверженная эпатажу
Нам предлагает плесневелые сушки.

Жду от поэзии грома раскаты,
Жду откровений, чарующих звуков,
Входит хромая старуха без стука.
Бусы, браслет и кольцо из агата.

А молодые с напором недюжинным
Рвутся занять опустевшее кресло,
То ли стихи предлагают на ужин,
То ли пирог из слоенного теста.

Вроде красивый, испекся на диво,
И потирая вспотевшие руки,
Две молодые циничные суки,
Разгоряченные аперитивом

Лезут на сцену читать откровенно...
Что-то в красивых плетеных корзинах...
И на давненько не беленных стенах
Я непристойные вижу картины.

Каждый пытался попробовать тортик.
Торт муляжом оказался из гипса.
Мэтр – алкоголик, неделю как в коме.
Праздник поэзии не состоится...

Распоряжайся мной...

Прошу, распоряжайся мной, как знаешь.
Я все приму — и зной, и дождь, и снег.
Аварию на встречной полосе
И откровенья Берлина Исяя.
Прошу, распоряжайся мной, как знаешь.

Распоряжайся, я стою в толпе
И чувствую — ты где-то, где-то рядом,
И я безмерно счастлива, я рада
Всему, и даже чайке на столбе.
Распоряжайся, я стою в толпе.

Распоряжайся временем моим,
Стоят, тобою сотканы плетенки,
Иду по льду, а он прозрачен, тонкий,
Куда везешь меня? В Канаду, в Рим?
Распоряжайся временем моим.

Рассыпь размашисто колоду карт
По скатерти с бордовыми цветами,
Мы ожидаем новое Цунами
В системе неизвестных координат.
Рассыпь, пожалуйста, колоду карт.

Ложились тrefы, намекая плоско
Про взорванные школы и мосты,
Хочу кричать, но спряталась в кусты
И там осталась белой каплей воска...
Всего лишь незаметной каплей воска...

Апокалипсис

Апокалипсис вышел из коллапса,
Из обморока, из глубокой комы,
Из синеватой, неопрятной кляксы
И поспешил к разрушенному дому.
Апокалипсис вышел из коллапса.

Апокалипсис требовал ключи
От рая, ибо жил в аду проездом.
И обещал нас всех отправить в бездну
И сверху долго сыпать кирпичи.
Апокалипсис требовал ключи.

Пространство

Пространство
Потеряло постоянство,
Пороки вечны —
Злоба, алчность, пьянство.

А крошечные капельки —
Задатки,
Хороших качеств,
Держат в хлеве, в кадке,

В которой летом
Квасили капусту.
А нынче там
И холодно, и пусто.

Откройся, таинство

Откройся, таинство, шептали миллионы
Песчинок, капель, миллионы глаз.
Сто поколений до и после нас
Пытались разгадать твои законы.

Шли толпами к нему, ползли, летели, плыли.
Входили в храм, бежали из него,
Но таинство осталось в этом мире,
Сокровища свои уберегло.

От любопытных глаз спасло свои секреты,
От встречного посыльного с земли,
От катера, что сторожил вдали.
От самых правоверных и отпетых.

Стихи

Стихи скрипели ржавыми... замками,
И звенели сотнями цепочек,
Бренчали на расстроенной мандолине.
Тонули в неумело исполняемой гамме.
Поражали воображение узором светящихся точек,
Взрывали надежду на замаскированной мине.

Стихи приходили стаями шакалов,
Были беспощадны, напористы,
Плыли в сиреновом подсознании.
Строки прилипали к губам тягучим крахмалом,
И норовили из за пустяковых причин рассориться.
Приходили и в жаркой Беер-Шеве, и в холодной Дании

Выбирали безмятежно спящего,
Разводили масляные краски,
Холсты натягивали на мольберты,
Пугали одиночеством, больницей Кащенко,
Завтракали безвкусной овсянкой, приготовленной наспех.
И уносились в небеса, подгоняемы ветром.

*Больница Кащенко (теперь — им. Алексеева) —
психиатрическая больница в Москве*

Опухшее облако

На опухших облаках
Взгромоздилось приведенье,
Обсуждает с невезеньем,
Что задумал сделать страх.

На растаявших мечтах
Строят прошлому фундамент,
Комплимент красивой даме
Обронил сквозь зубы маг.

На тропинке тусклых звезд
Громко спорят три идеи,
Где-то в Северной Корее
Завтра будет взорван мост.

Заскрипели тормоза
На небесном вездеходе.
Я читаю в переводе
Чьи-то мысли, за глаза.

Ах что Вы, право, о душе!

Ах что Вы, право, о душе,
Два мерседеса в гараже
И две девицы в неглиже,
На все готовые уже.
Ах, прекратите о душе.

К чему рассматривать астрал,
Он скучен, как пустой вокзал,
Как биссектриса, как овал,
Ах что Вы, право! Крал, не крал!
К чему рассматривать астрал.

Гремели громы, дождик лил
На череду прекрасных вилл,
И удивленный бож застыл,
Сраженный красотой перил...
Гремели громы, дождик лил...

Но вдруг обиженный фугас
Спустился с неба, свет погас.
Осколки драгоценных ваз,
Как пули, норовили в глаз.
Раздался взрыв – упал фугас.

Ах что Вы, право, о душе!
Там самолет на вираже...

И ты меня бросил, и ты...

Променяла красивое облако
На растекшийся ртутью бесформенный ужас,
Наступила полярная ночь.
И разбухшие мысли все били обухом
По еще не просохшим лужам.
Мне никто не сумел помочь.

А застывшее черное одиночество
Безмолвствовало, было одержимо страхом
Отверженности и пустоты,
Не оставив намек на многоточие.
Бреду бездомной, озябшей собакой.
И ты меня предал, и ТЫ...

Сирень

Все громче траурные марши,
Души все тише отголоски.
И волей сломлены монаршей
Стоим под вечер у киоска.

Пройдет прохожий, оглянется,
Но с радостью все реже встречи.
Спустился красный шарик солнца
За горизонт – приходит вечер.

Мы входим в сон о небывалом,
О розовых кустах сирени.
О нас, от жизни не усталых,
Все хорошо... вот только тени...

Судьба

Безликая Судьба, изрядно потрудившись,
Наметила свой срок для каждого живого.
Прожил чудак до ста на вилле под Парижем.
Для юноши в очках и двадцать было много.
Струится млеком пыль из-под копыт коня,
Унесшего наездника, лихого парня.
Все ближе замка тень, осталось меньше дня
До выстрела в висок в чужой опочивальне.

Попугаи

*У попугаев никогда не обнаруживали вируса птичьего
гриппа, но они были уничтожены, отравлены из-за
необоснованных страхов по поводу куриного гриппа*

Да кто вы такие? В тени кабинетов,
В удобной позе, в прохладе мазгана
На чьи-то жизни накладывать ВЕТО,
И выкурив третью сигарету,
Прихлебывать чай, заваренный наной.

Да кто вы такие? Невидимой властью
Наделены были по скудоумью
И всем попугайчикам разной масти
Приписаны всяческие напасти.
Скрипели жалобно новые стулья.

Да кто вы такие? Обычные люди,
Повязаны страстью – издать указы!
И ветхие рушатся домики судеб,
Мой попугайчик, по имени Вуди
Будет отравлен, задушен газом.

Стояли дети, огромные клетки,
В них сто попугайчиков приговоренных,
А жертвы не только птицы, и детки,
Их души покроются черной сеткой,
В судьбе отзовутся беззвучным стоном.

Ростки недоверья, неверья, цинизма
И озлобления на всех бездушных,
У воспитателя злая харизма.
Мир поглотила серая призма,
И маленьким людям стало вдруг душно.

Мой папа не спас попугайчиков милых,
Мама внушала – другие родятся,
Только какая-то черная сила
Дамбы любви и доверья сносила,
Детство грустило под тенью акаций.

Кто вы такие? Создатели мифов,
Способные жизнь разрушить невинных.
В тени кабинетов прохладно и тихо.
Я слышу, кричат мне «С вещами, на выход!»,
Нет воздуха, душно и пахнет бензином.

Нана – трава
Мазган – кондиционер

На тропе, заваленной валежником
Тонкая тропинка пробивалась,
Василькам поулыбавшись вежливо,
Вдруг исчезла - бледная усталость

На жучков взглянула неуверенно,
Все спешат – весенние заботы.
Сколько им судьбою дней отмерено?
Пчелы мед несли исправно в соты.

Вот и мы спешим делами важными
День забив, как фруктами багажник,
И заботы мелкие, бумажные,
Словно лорды знатные, вальяжны.

О чём пишу?

О чем пишу? О том, что все мы смертны,
О том, что страхом покрывает небо,
О том, что снова мерим километры
И руку подаем тому, кто предал.

О чем пишу? О том, что одиноки,
О том, как тень приоткрывает двери,
Бумага, стол, размазанные строки,
Все тише стон ушедших поколений.

О чем грущу на вязком бездорожье,
Когда колеса погрузились в жижу?
Тропинку нашу снегом запорошило,
А я твоих следов на ней не вижу.

Какие странные мысли приходят ко мне во сне

Какие странные лица
Приходят ко мне во сне,
Растягивают улыбку.
Читаю передовицу,
Калашников на стене,
Аквариум, плавают рыбки.

Какие странные мысли
Будят меня по утрам
И повергают в унынье.
На черных деревьях виснут
Хриплые крики «ура»
Эхом выстрелов из Катюни.

Какие странные чувства
Приходят ко мне по ночам
И разрывают тротилом
Тихие фразы напутствий,
Скрещивая мечи
Уже над моей могилой.

Нелепости

Нелепости растворяли без остатка
Последние капли разума.
Здоровались, не снимая кожаные перчатки,
Держа здоровенный нож за пазухой.

Нелепости правили, повелевали,
Планы становились в очередь.
Почему-то не сходились во мнениях детали.
Точкам предпочитая многоточье.

Мы бежали от жизни наскучившей
В ту, что куплена нами по случаю.
И в одеждах чужих и поношенных
Мы гостей принимали непрошенных.

За столами, клеенкой накрытыми
Не голодные были, не сытые...

Что-то гложет меня

Что- то гложет меня.
Перекинув заплечный мешок черных дум,
Ощущаю змеи ускользящей липкую гладкость,
И раскосые мысли тревожат пока что невнятно.
И стоит в голове ужасающий шум.
Что-то гложет меня.

Перестать бы скорбеть
И противные чувства загнать бы в глубокие норы,
И засыпать землей, серпантином все входы туда.
Только здание, если лишилось однажды опоры,
Распадается – мелких деталей орда
Продолжает скорбеть.

Над растоптанным маком,
Над упавшим под утро с моста чудаком
И над пальмой засохшей под пристальным взглядом луны.
На поминки и свадьбу уже накрывают столы.
И девица в углу заливается приторным смехом.
А к гортани приклеился крик, словно ком.

Мы еще не готовы,
Но горбятся липы и лавровые чащи встают,
Наполняются смыслом, утраченным где-то, глазницы.
И лианы борьбу постоянно ведут
С исхудавшим стволом, не давая ему распрявиться.
Мы еще не готовы...

Проплывают в замедленной съемке размытые временем кадры.
И шапочки с перьями дам, и глаза этих дам с поволокой
И какие-то люди, размыты бурлящим потоком.
И четыре бандита, играющих в нарды.

Толстым слоем событий покрыты давно континенты,
Были войны, болезни и вымерло три поколения,
Все бывшее для ныне живущих давно потеряло значенье.
И все-таки что-то осталось, тревожит меня — сантименты...

Еще вчера клубника и редис росли на грядках,
Беспечно грелись под весенним солнцем.
Вдали от шума множества людей,
Закрыты тонкой пленкой для порядка.
Пришла пора, явились «полководцы»,
А с ними в Мерседесе «Прометей».

Он бережно хранил чертеж, и пахла папка кожей,
И, рассмотрев невзрачные строенья,
Он что-то разглядел за горизонтом.
Многоэтажки он делил и множил,
Не разбираясь в именах растений,
Вдыхая чуть пьянящий ветер с порта.

На улице мокрая осень
Крутила затоптанный лист.
И в волосы просится проседь,
И сдачу не выдал таксист

Посвящается самоубийцам

От пустоты и праздности
Пути искали разные
Всегда.
Играть в рулетку затемно,
И дамы обязательно.
Страну менять желательно
И города.

Разменивать полтинники,
Жевать под вечер финики,
Изюм...
Вдруг сообщенье страшное,
Что циники вчерашние...
Приходят мысли зряшные
Тебе на ум...

А в Льеже или в Вологде
Под вечер или к полудню
Был май,
Беззвучны были выстрелы
Всех тех, кто понял — выстоять
Ему во лжи не мыслимо, —
Не осуждай...

Приходят ангелы...

Приходят ангелы неожиданно, не спросясь,
Садятся за столы, что не накрыты.
И карта в преферансе ляжет в масть,
И дети будут счастливы и сыты.

Приходят ангелы, когда настанет час
Последнего свидания с любимым.
И памяти разобранный каркас
Вдруг метеором пролетает мимо.

Понятна ангелам моя земная скорбь,
Когда устал и никому не нужен,
И сердца ритм дает заметный сбой,
И некого позвать к себе на ужин.

Лишь ангел мой придет на огонек,
Присядет тихо на краю постели
И уведет от суеты тревог
В страну, где дюны, ночь и птичьи трели.

Отравившись коварными рифмами

Отравившись коварными рифмами,
Бездыханна, лежу на песке.
Он горячий, он очень горячий.
Море манит кораллами, рифами.
Строки-карлики вижу во сне,
Просыпаюсь от крика и плача.

Заблудились в махровых кустах
Два жука и беседуют тихо
На невнятном своем языке.
Словно взвешивая на весах
Каждый шепот куста земляники,
Каждый шорох листвы вдалеке.

А ватага задиристых рифм
Спорит с солнцем за право светить
Держит шарик цветной, из озона.
Их владелец, в душе сибарит,
Сотни строчек нанижет на нить
Подойдут для любого сезона.

Утопая в зеленом ковре
От рассвета искала остаток,
От заката в песках огонек.
Два коричневых глаза в норе.
Два пушистых зверька волосатых,
А еще сто травинок и мох.

И за эту находку спасибо,
Рифмы осами жалили плоть,
Недовольны, не в духе, некстати.
Переполнена ими корзина.
Позабыла заветный пароль,
Не успела на сказочный катер.

В мутном потоке затроганных слов
Смысл растворился совсем, без остатка,
Только эстеты играют в прятки,
Камешек, вымытый дождиком, гладкий,
Нам предлагают из детства, из снов.

Тянутся нити безглазых событий,
Строят заборы из длинных свечей,
Слышатся залпы победных речей,
Входим в прохладный словесный ручей,
Пьем из ручья, успокоены — литий

Был нам подмешен красивой принцессой,
Пишущей пьесы на трех языках,
Ей не помеха забор при свечах,
Знает, что надобно именно так,
Были слова, дымовую завесой.

Как прекрасно жить в Сдероте

Как прекрасно жить в Сдероте,
Ожидая вой сирены,
Дом взрывается напротив,
Поднимая в воздух стены.

Как прекрасен гул цунами
И ворчанье грозной Этны.
Исчезают вместе с нами
Континенты, континенты...

Сдерот — город на юге Израиля, обстреливаемый ракетами

Этна — вулкан

Сумрак

Когда-то сумрак что-то означал,
Таил шаги зачинщиков погромов
И, словно пес, ругался на луну.
Шутил, смеялся, иногда ворчал.
Дарил одежду старенькому грому,
Догодки просвещенному уму.

Когда-то сумрак сизый был добрей
Не только к хулиганам, даже к жертвам.
И приносил удачу – избежать,
Укрыться за солидностью дверей,
Успеть уйти, подталкиваем ветром
И вовремя на полный газ нажать.

А нынче безразличен – видно, стар,
Не выдержал тысячелетних споров,
Отдал свои владенья сатане.
Утратил сумрак несравненный дар
Ушел, как партизан, с поклажей в горы.
Лишь тень его осталась на стене.

В американской электричке

Электричка стучала рельсами,
Прогрызая пространство железным зубом.
Вагон полон китайцами, корейцами
И еще выходцами из Кубы.

Признание

Даже если прижизненной славы
Не придется попробовать грог,
У подножья разбитой державы
Не нажму на заветный курок.

И грущу я о чем- то не бывшем,
О не сбывшемся в бытность мою.
Разгораются пламенем пышным
Стайки маков на старом лугу.

В каждом веке свои пророки...

В каждом веке свои пророки,
Лихоимцы, предатели, сэры,
В каждом веке свои шуты.
Безмятежно поют караоке,
за добычей плывут флибустьеры,
И сжигают дома и мосты.

У каждом веке и войны, и взрывы,
И солдат с автоматом в строю.
Жмутся горы к волне океанской.
Но случаются перерывы.
В ярко-синий покрасят броню
К рождеству или, может, на пасху...

Расскажи мне, дружище, про боль

Расскажи мне, дружище, про боль,
О синеющих каменных пальцах,
Бьют зенитки на перебой,
Разбегаясь по лесу, как зайцы.

Закружилась поляна и лес,
Снег пропитан и гарью, и кровью.
Продавали удачу на вес,
Молоком угощали коровьим...

Почитай мне, пожалуйста, Блока...

Почитай мне, пожалуйста, Блока...
В ненавязчивых голых словах
Проступала бесстыдно эпоха,
Как матрос с папироской в зубах.

Проступала в дрожащих ресницах,
В злых, растянутых фразах вождей,
В черных лозунгах передовицы
Вижу нечто что слов поважней.

И гудит растревоженных улей,
От оркестра остался тромбон.
Две эпохи сидели на стульях,
Без регалий уже, без погон.

Демократия

Пришли ОНИ и именем твоим
Казнят, взрывают, режут, четвертуют.
На пепелище водружают флаг.
Глаза слезятся. Разъедает дым,
И если кто-то против, протестует –
Коварный враг!

Пришли, гремели именем твоим,
Окрасили в багряный цвет заборы,
Правителей казнив на площадях,
Пьют за победу виски или джин,
Кто против, уходил тропею в горы.
Всем правил страх.

Пришли ОНИ и именем твоим
Велели править мелким и ничтожным,
И обещали праздничный пирог.
Кто ты – великий, чудный аноним!
Сто тысяч стали пылью придорожной,
Облако, смог.

Не приходится выбирать

Не приходится выбирать
В НАС приходят они стрелять.

Танк навел на людей прицел,
И на землю солдат осел.

Тонет в грохоте детский крик,
У ракеты своя судьба.
Все решает зловещий миг,
И нацелен он был в тебя.

Нам приходится выбирать,
Отказаться или стрелять.

Подавать топор палачу
Иль сказать себе – не хочу!

Слышишь в поле топот коней,
Спит деревня тревожным сном,
Бывший сторож, бывший лакей
К берегу подгребают веслом.

Не приходится выбирать,
Нам положено умирать.

Не умеем рубить с плеча.
На сегодня пока ничья...

Сомнение

Сомнение сидело на скамеечке,
Перебирало четки — за и против.
Перебегал дорогу серый котик,
И лязгала беспечность рядом семечки.

Сомненье не решалось окончательно,
И доводы совсем не убедительны.
Уверенность в красивом синем кителе
Разглаживала складки белой скатерти.

Господь со мной играет в кошки-мышки

Господь со мной играет в кошки- мышки
Я собирала бусинки идей,
Спешила, неумело, все вприпрыжку,
Не расстилала до утра постель.

Казалась, вот — заветная идея,
Ее искала в хламе облаков.
И вдруг стою на скалах, холодея.
И этот мир мне больше не знаком.

Я ничего не поняла из сказки,
И ничего не приняла всерьез
Как крошки хлеба, собранные наспех,
Выбрасывала молча под откос.

Моих идей блестящие созвездья
Уж новый холст натянут на мольберт.
Никто не шлет ко мне благие вести,
И сказочный исчез кабриолет.

Развязали узелки

Развязали узелки,
И рассыпались по полу
Тени, тени, тени...
Помнишь лунные пески?
Птица грустно пела соло
На огромной сцене.

Что за птица, чьих пород?
Черно-белая манишка
И большой вишневый глаз.
Не сорока, не угод,
По земле прошла вприпрыжку,
Спев куплет в последний раз.

Кто музыкой живет, кто словом...

Кто музыкой живет, кто словом,
А кто вдыхая терпкий запах
Павлиньей праздничной палитры.
У красок бледно-бирюзовых
Свой дирижер, и у пюпитра
Он появляется внезапно.

И дирижерский жезл, взлетая,
Будил весенние мотивы
И оголял души пригорки.
Железная рука трамвая
Приоткрывала двери-створки,
И чей-то шепот: «Как красиво!»

Слова раздувались

Слова раздувались, как створки гармони,
Перешептывались с туманом,
Но зачем-то в кулак сжимались ладони,
Губы тихо твердили — «рано...»

Пытаясь уловить чужие мотивы,
Не слышим своего голоса.
Время напоминает неумолимо,
Заждались нас в царстве хроноса.

Уценили Ахматову, Блока...

Уценили Ахматову, Блока,
Пастернака и прочих поэтов.
Залежались на полках в безделье.
Элегантно одетый Набоков
Почему- то соседствует с Фетом,
В моде нынче Акунин и Веллер.

Но по-прежнему в джинсах, кроссовках,
В мини юбках и просто в бикини
В магазинах толпился народ.
Там сюжеты закручены ловко,
И красавица, бомж и богиня
Не случайно отправились в порт.

Мир фантазии, мир детектива,
Страшно, жутко, но в жизни страшней.
А поэзия вышла из моды.
Продавщица была нерадива,
Новый выпал порядок вещей,
Да и люди иной породы.

Зарисовка из Грозного

Улица ошетибилась разбитыми окнами.
Там дома качали обугленными головами.
Город, даже название которого прокляли,
Похож на убитый снарядом, раздробленный камень.

Одинокая старуха брела, седые космы
Вырывались из-под расшитой золотом косынки.
Название города не Сталинград, а Грозный.
Там старая женщина молча справляла поминки.

По распростертому в прахе нежилому кварталу.
По убиенным сынам, по самой любимой внучке.
И маленькой женщине, жившей всегда по корану
Точно известно — быть убиенным намного лучше.

Боль

Прости Господь мне эту боль,
Что кажется невыносимой,
Немыслимой.
Что? Истошный животный вой,
Петля на ближайшей осине,
Звук выстрела

Покажутся избавленьем
От этой всепоглощающей,
Отчаянной,
Превращающей с растенье,
Душу мою убивающей
Нечаянно.

Намека нет на спасение,
Не предвидится, затянулась
Моя пытка.
Что такое везение?
Угарным газом задохнулась.
Стоп! Калитка.

Приоткрывается тихо.
Кто мне выйдет сейчас на встречу,
Последнюю...
Черт, ус закручен лихо,
О чем-то спросил, не перечу.
Бредни, бредни...

День разбук от событий

День разбук от событий
И лопнул, как мыльный пузырь.
Нет, прошу, не корите,
Отправьте его в монастырь.

Пусть под сводом столетним
Десятки и тысячи лет
Бьют по прошлому плетью,
Пытаясь приблизить ответ.

А ответ ускользает.
Фолианты истлели почти.
Палачи в тронном зале
По инерции точат ножи.

А надменность и пошлость
Раскрывают объятия лжи.
Настоящее с прошлым
Устроить грозят кутежи.

Но в разгар объяснений
Две ракеты по кличке «кассам»
Пусть серые тени,
И они предназначены нам.

Смерть... Успей, улыбнись

Белый ситроэн мчится по встречной полосе
Навстречу неминуемой смерти,
Еще минута...
Кто должен погибнуть в этой аварии? Все.
Пришла повестка в черном конверте.
Кому? Кому-то.

Кто ты? Наглотавшийся наркотиков юнец,
Летающий за синим дирижаблем
В красное небо?
Или пастух, собирающий стадо овец,
Питу с утра проглотивший жадно?
Не свернуть влево.

И вправо тоже не успеешь уже свернуть,
Все произойдет просто и быстро,
Как в ужастике.
Так люди устроены, им интересна суть,
А сути — ее нет у выстрела
Сон — фантастика.

Груда искореженного металла горит,
не оставляя места надежде на спасение.
Как? Может быть, в днище подложен был динамит?
Когда? Друзья промолчат вежливо.
В воскресенье.

А тот кто ехал, не нарушая правила,
И по своей правильной полосе,
Что он чувствовал?
Его просто судьба взяла и подставила.
Может быть, перепутали досье?
Черт напутствовал.

Вот и мы не стараемся идти поперек,
Пропускаем вперед нетерпеливых,
Без очереди.
Не понятно кто побеждает, Гог ли Магог.
Вместо маслин собираем сливы.
Меняем почерк.

Но надвигается скрипучий, сыпучий смерч.
Сметает построенный караван,
Все взмывает ввысь.
Если природа на тебя поднимает меч,
А ты беспомощен, ничтожен, мал,
Успей – улыбнись.

Герань алела

Герань алела,
Захлебнувшись зеленью
Трепещущей листвы.
Гармошка пела
О далеком севере,
О запахе травы.

Толпа стекалась,
Ожидая зрелища
И звуков оркестра.
Шли от вокзала.
Никуда не денешься.
Фиеста, фиеста.

Меня не звали
Со всеми вместе плясать
Танго или польку.
Ноги устали,
Пора бы ложиться спать,
Рядом кричат «горько».

Не мне, красотке,
Одетой в белый наряд,
Наверно - невеста.
Фальшивые нотки
И громкий противный мат
Под звуки оркестра.

Ужель потери так обманчивы

Ужель потери так обманчивы,
А достижения слабы?
В миллионерах ходят мальчики,
И фотографии удачливых
На фоне скошенной травы.

Ужель удача так безрадостна?
И где беспутство и кураж?
Есть яхта, но плывем без паруса,
Едим котлеты — мясо страуса.
Красавицы, роскошный пляж.

Пусть все проиграно до ниточки,
В приятелях нетрезвый бомж,
Мечтающий о вкусной выпечке.
Жить даже хорошо — убыточно!
Но мы идем на абордаж.

Не попрекай меня ошибками
И краха мне не предрекай.
Я ухожу от страха липкого,
От счастья выигранного, приткого
И от экскурсии в Шанхай.

В Париже

В Париже солнце светит, как нигде,
И зайчики громадные в витринах
Глазеют на прохожих, на толпу.
И замки отражаются в воде,
Там разноцветные сыры и вина,
А улицы там называют — Ру.

Как хочется сидеть и рассуждать
О прелестях стареющей Европы,
Где место Панков заняли бомжи.
Идеями кого-то утруждать
Давно не стоит, выброшены ноты
От марсельезы, звякают ножи,

Столы накрыты в маленьком бистро,
Спешат гарсоны с блюдами креветок,
В горшочках мули, на тарелках фри.
Все крутят жизнь, как белки колесо.
Немного грустно улыбалось лето,
Поспорили два парня на пари...

В старинном замке свет давно потушен

В старинном замке свет давно погашен
И не блестит нечищенный паркет.
Витают облаком противной сажи
Воспоминанья за десятки лет.
Давно ушли в ломбарде канделябры
И выброшен расстроенный рояль.
А у хозяев прошлых внуки-сабры
И поржавела на воротах сталь.

И люстры нет, в запущенной гостиной
Не убрано, развалена кровать.
Покрыты души черной липкой тиной,
И ничего уже не поменять.

Сабра – человек рожденный в Израиле

Мне б продаться за пряник медовый,
За бриллиантовую мишуру,
Только вязкое русское слово
Не дает послабленье уму.

Мне б распихивать доллары в пачках
По карманам и сумочкам впрок.
Но словечко ехидное – здрасьте!
Забирает огромный оброк.

Мне б на вилле сидеть трехэтажной
И романы читать допоздна.
Только сплин прицепился однажды,
Так давно, что не помню когда.

Что осталось? Избушка из жести.
Неудобная, солнцем печет.
На дрова поменяла я перстни,
На хулу променяла почет.

На траве. На полянке у дома
Ходят черти в смешном колпаке.
Но бутылка початая рома
Все еще остается в руке.

Улица висела...

Улица висела надо мной,
Фонарем помахивая нежно.
На задворках тихо спал валежник,
И о чем-то говорил немой.

Улица плыла за горизонт,
И фонарь уже давно погашен,
Пес прошел по улице – вальяжен,
И прохожий прятался под зонт.

Улица растаяла в ночи,
Фонари растаяли и звезды.
Я хочу проснуться – слышу – «Поздно.
В жизнь уже потеряны ключи...»

Веретено

Веретено, веретено
Давным-давно лежит в музее.
Ушли в преданье фарисеи,
А сними феи – заодно.

Но пальцы снова вспоминают
Тот дивный блеск – веретено!
Исчезло с прошлым заодно,
Ириской липкий воздух тает.

Веретено, веретено,
Камин, дровишки, разговоры,
Твой взгляд – он как всегда с укором.
Бутылка, красное вино...

Таллинн

По простуженному, серому, осипшему небосводу
Проносились взволнованные чайки,
И исчезали почти мгновенно.
Ныряли в ледяную, посиневшую от холода воду.
И снова сбивались в шумные стайки,
Выскакивая из бурлящей пены.

Зычно перекликались, обменивались информацией
О мелкой сиреневой рыбешке,
За которой приходилось нырять.
Плеск, шум волн, чайки принимали за бурные овации,
Перепутав настоящее с прошлым.
Ночь, Таллинн, хочется спать.

Так много звуков пережив...

Тащила дряхлую старухой
Вздохнула грустно тишина,
Но как ей справиться с шумами
Крикливых сумрачных машин?
И пламенем обожжена
Стояла в старенькой пижаме,
Так много звуков пережив...

Тащила дряхлую старухой
От деловитых вдалеке,
На посох тяжело опиралась.
Противница гремящих звуков,
На небу самолет в пике,
За ним хвостом свеченье кралось.

Муравьи

Спешащие куда-то по делам,
Кто налегке, а кто с поклажей,
Добычу унесут не для продажи
В свой муравьиный подземельный храм.

Как линия столичного метро,
То вверх, то вниз снует толпа людская,
Не добрая, но, в общем, и не злая,
Одета беззастенчиво пестро.

Кто дипломат, а кто и чемодан
Вносил в вагон, захлопывались двери.
Мешки, в которых старые потери,
В нем муравей, его никто не ждал.

Проделал путь в две сотни километров
Совместно с этим грозным рюкзаком.
Попал наш муравей в какой-то дом,
В котором нет листвы и звуков ветра.

Я живу в своем двадцатом веке

Я живу в своем двадцатом веке,
Где царей казнили и шутов.
Где гремят фанфары, дискотеки
И взрывают чей-то старый дом.

Я живу, в оранжевые джунгли
Не заходит больше леопард,
Застывали, замерзали угли,
И ракете кто-то крикнул: «Старт!»

В разлюбезном свете поднебесья
Ликовали черти на балу,
А из уст лилась рекою песня,
И смеялся попка-какаду.

У злодеев модные наряды
И последней марки Мерседес.
В барабанных отзвуках парада
Марширует предводитель — бес!

У музыки украли ноты...

У музыки украли ритм...
Вразвалочку проходят ноты по роялю.
Мелодия ушла смотреть футбол,
Нет никого, темно и пусто в зале.
Администратор зол
И пьет аперитив.

А что украли в жизни — смысл!
Оставили какие-то дела, кокетство!
Но важностью наполнены густой.
Бродили овцы, где-то по соседству
Пастух ходил босой,
И плакал кипарис.

Я рукой приласкаю камень...

Я рукой приласкаю камень
как монашка к иконе в храме
к камню я прикасаюсь лбом

Мне подарены дней гирлянды,
Паутиной связуя распад.
Терпких лилий и спелых манго
И... чернеющий виноград.

Только камень взглянул призывно
И внимал молчаливо мольбе.
Превращения беспрерывны,
Невозможно остаться ВНЕ.

Приди в мой дом на краешке земли

Приди в мой дом на краешке земли,
Там крыши нет, давно исчезли стены,
И тени там гуляют в час зари.
А вместо печки - только горсть золы,
И звезды смотрят чуточку надменно,
Сотри тот дом из памяти, сотри.

Мне говорило самосохраненье.
В придуманных хоромас спит восход
И ветер ищет по утрам росинки.
И выступает, как борец на ринге,
Булгаковский ученый Бегемот.
Пытается читать стихотворенье.

Но дома моего не отыскать
На краешке земли и посередине,
Нет половиц, нет ставен, нет дверей,
И не войдет туда толпа людей,
Его не смогут подорвать на mine,
Когда на помощь некого позвать.

Тревожат звуки, вроде бы гитара,
Но что-то не сложилось тут и там.
И звуки, словно вечные бродяги,
Попив воды из котелка в овраге
И от своей бездомности устав,
Свободе предпочтут сегодня нары.

Растут минуты, словно на дрожжах,
В недели превращаются и годы,
Засовывая память в рюкзаки.
В бессилии сжимают кулаки.
Меняется коварная погода.
Бегу, не приближаясь ни на шаг

К своей избушке, сложенной из прутьев,
Внутри паркет рассеянно скрипит,
На красной крыше крутится пропеллер.
С него недавно снегири слетели
И на веранде снег сияя спит.
А я опять не понимаю сути...

Поэзия 21 века

Идут полками, раздвигая сумрак,
Проходят через каменные стены,
Вливаются в разбухший Интернет.
А пишут что-то в кружевах, заумно,
И на волне словесной серой пены
Пытаются прорваться в высший свет.

Там зеркала, там кожаные кресла,
Хрустальной люстры злое волшебство
И старый метр раскручивает трубку.
Там дирижер прекрасного оркестра
Нескладно говорит про мастерство,
Рассматривая деву в мини-юбке.

Сто тысяч, миллион, а может – два
Штурмуют подступ в вожделенный замок,
Где подают роскошнейший коньяк.
На лацканах покоится звезда,
И камера слежения из рамок
Картин, где нарисован красный мак.

Пытаются нам навязать моменты
И объяснить, что все давным-давно
Прошло, и в этом замке больше нет вакансий,
Но графоманы, спрятавшись под тентом,
Постановили – время их пришло!
А знак был подан одному, что в трансе

Под старый замок поднесут тротил,
Взорвут и новый, более роскошный,
Воздвигнут рядом с жалким пепелищем.
Кто громче всех кричал, руководил,
Расправится с неинтересным прошлым
И установит для друзей жилище.

Но места в нем не хватит остальным.
Десятка два — и те переругались,
Какого сорта лучше героин.
Вещает некто голосом стальным,
Что истину он отыскал в астрале!
Ура, ура! Мы подпеваем им.

Прошлое

Звали меня города и веселые люди
Мне напевали про дружбу, костры и палатки.
И режиссер иностранный по имени Вуди
Фильмы снимал про несчастных, и слезы украдкой

Мы вытирали, крутились отчаянно страсти.
Верили новым подругам и просто прохожим.
Жили мы в тесных квартирках, построенных наспех.
Где-то война и разруха и бунт краснокожих.

Только у нас все другое, мы сами другие.
Ездили мы на трамвае, и морщились крыши.
Где это было? Москва, Ленинград или Киев?
Прошлое медленно долгую память колышет...

Бомба 6.08.2006

Что домом было два десятка лет,
Вдруг превратилось в смесь бумаги с гипсом.
Клочки газет таинственно зависли,
И вместе сними твой автопортрет.

У куклы оторвались две ноги,
У книг пробиты гладкие обложки.
Забились в угол и кричали кошки,
Им, видно, всюду чудились враги.

Угрюмо пыль по комнатам брела,
Разрушенный комод дышал на ладан,
Разбитые бокалы где-то рядом,
И много, много битого стекла.

Диван упал нелепо на паркет
И распластался на ковре кусками,
Он был подобран к шторам в серой гамме,
И целенький стоял велосипед...

У чистого листа

У чистого листа
Противные привычки,
Насмешливо сердит он с самого утра.
Из фактов, что узнал,
Сплел тонкие косички
И бантик завязал из громкого «ура».

Три тысячи тирад
Ударили в литавры,
И появился вдруг кривляка ураган.
Он приписать был рад
Себе чужие лавры
И с ветром улетел в далекий Курдистан.

Я живу в пустоте...

Я живу в пустоте...
В серебре разводили белила,
Долго красили стены в противный сиреневый цвет.
Я живу в тесноте,
Я живу почему-то вполсилы,
Я живу с ощущеньем, как будто меня вовсе нет.

Горстка дней и ночей,
Что прошла и, возможно, осталась,
Подрывает снарядом летящую в небе звезду.
И горбатый Кашей
Все глядит на планету устало,
Обещая подарки на праздник, в начале весны.

Мне себя не понять,
И других мне понять не удастся.
Из десятка особ мне сплели неудачно судьбу.
Очень хочется спать
И не хочется вновь просыпаться,
Чтобы сразу почувствовать капельки пота на лбу.

Сомнения бегали марафон

Сомнения бегали марафон,
Сомнения не сбавляли скорость,
Кони выпущены на кон,
Но мир вокруг потерял опору.

Мчат они, успевая за самолетом,
Обливаясь горячим и липким потом.

Разгребаю вилами черный день.
Сжечь пожелала старые даты,
Но листья подхватывал суховей
И снова в даль уносил куда-то.

И через годы в каких-то запасниках
На те же даты гляжу я опасно.

Мои победные регалии

Мои победные регалии
Давно закрыли крышку гроба,
А я еще сосульки пробую
И греюсь в синеве сугроба.

И растворенные в реке
И в кислоте лимонной принципы
Уже не помогают выстоять
Ни в штатах мне, не в СНГ.

Мне скучно в отблеске реклам
Искать сиреневые блики,
И разноцветные бутики
Напоминают мне вигвам.

Как прошлогодняя простуда,
Прилипли — липовым листом,
Жуют меня, как тихий сом,
В нарядах дерзких пересуды...

Все уже состоялось...

Все уже состоялось. И свадебный белый пирог,
И недобрые взгляды родни,
И безрадостно-длинные годы.
Все уже состоялось, та ночь и чернеющий смог
И чарующий холод брони,
И мираж несравненной свободы.

Все уже состоялось. Тревожный , шумящий вокзал,
Суета, одиночество, сплин
И лекарство с красивым названием.
Все уже состоялось, ты что-то смешное сказал.
И коньяк, что тогда не допил,
И последнее наше свиданье.

Все уже состоялось, костер и палатка у гор.
Как поленья шипя догорали
В то прекрасно-далекое утро.
Все уже состоялось, и белый огромный Конкор,
И железные двери из стали,
И розовый блеск перламутра.

Все уже состоялось...

Я не живу, я уползаю

Я не живу, я уползаю
От упоительных идей,
Разнеженных, высокопарых.
И в липкой жиже увязую,
Там жвачка из осенних дней
И... ожидание удара.

Везенье — чуждый аргумент,
Мне незнаком и непонятен,
Похож на облако ванили.
И горстку мелочи — монет,
Не вызывающих симпатий,
Подобрала из серой пыли.

Пыль застилает небосвод
И на стекле автомобильном
Лежит, на солнышке разнежась.
И горной птицы перелет,
Мне показался непосильным,
Тюльпаном голубым под снегом.

Все предначертано давно,
И звезды мрачно улыбались
На почерневшем небосклоне.
Открыто за полночь окно,
В Париже или Гватемале
В далекой тихой Аризоне.

Я загляну через века
В глаза ушедших, дорогих,
И на минуту ими стану.
Крутые манят берега
На них увижу дивный стих,
Как колдовство, под утро, рано...

Мой процесс творчества

Строчки медленно овладевали сознанием.
Сначала приходили издалека,
Как незнакомая органная музыка.
Разрушали сегодняшнее мироздание.
Таинственны, как прошедшие века,
Никем не понятые и не узнанные.

Потом все исчезало, ты оставался один,
В чужой стране без земли и воздуха.
Без красок, без любимых и знакомых предметов.
Без берез, суховатых, склоненных к земле осин.
Даже без вожделенного космоса,
Не зная о существовании зимы и лета.

Оставался блестящий, гладкий, холодный экран.
Вдруг появлялись, исчезали строки,
Непонятно кому, зачем предназначенные.
И ощущение: ты — последний из могикан,
Ты записываешь — подводит почерк.
Числа неуклюжие и все шестизначные...

Строки становились не разборчивы, не яркие,
Потом совсем исчезали с экрана,
Оставив чувство вины и недоумения.
Все медленно возвращалось, вороны каркали.
Телевизор — кинофестиваль в Каннах.
И военный переворот в черной Либерии.

Возвращение было тяжелым, неприятным.
Проиграл в рулетку состояние.
Дали один единственный шанс — глупо упущен.
В голове мелодичный звон — наверно, курантов.
Качаются знакомые здания.
Разрушение цивилизаций — пустяк сущий.

Хотелось вернуться еще раз, хоть ненадолго.
Ухватиться рукой за серый камень.
Не замечать размыванье устоев, разрухи.
Не слушать басен про будущее, кривотолки.
Уметь удивляться цветовой гамме.
Спать на концертах от навалившейся скуки.

Падаю, на последнем витке безысходности
Понимаю – ничего не случится.
Вровень полету, произошедшему однажды,
Туда, в страну несуществующей народности.
На экране вновь и строки, и лица.
Все неинтересно и совершенно не важно.

Горы морщили губы в презренье
К развивающей пену волне,
И русалки на илистом дне
Напрягали усиленно зрение.

Что пытались они разглядеть?
Одиноких овечек на скалах?
А волна с обожаньем ласкала
Неподвижную горную медь.

Разгорался румянцем рассвет,
Предвкушая лавину событий.
И сплетались случайные нити
В незнакомый доселе портрет.

Мне, наверно, не стоит
Пытаться в расщелинах мая
Отыскать несговорчивой осени злые приметы,
И, ненужные догмы,
Как ветки сухие, ломая,
Улетали надежды со сказочной скоростью света.

Стихи ручьями растеклись по дереву,
Заигрывали с кем-то из великих,
Пытались приручить живые блики
И обольстить молоденькую деву.

Плели интриги против бытия
И вечность призывали на свиданье,
Хотели революции, восстанья
И мальчиков искали для битья.

Самим себе казались совершенством
И на иных смотрели свысока,
На шляпу надевали облака
Ни званием не брезгуя, ни членством.

И место занимали во главе.
Смотрели снисходительно на прочих,
Которые известны, но не очень.
Твердя некстати вечное – *тре бье!*

Тре бье – очень хорошо(французский)

Литературные штампы

Говорили эксперты, что скользкие штампы,
Прорываясь сквозь слаженный строй оцепленья,
Погубили меня...
Распихав по карманам харизму сценической рампы,
Оказалось – владею подкрашенной тенью
Нерожденного дня.

Мне сказали, что черные нити печали
Были выкраны мной из архивов спецхрана.
Ветер, сырость и ночь.
Осуждала рябина в лесу, пожимая плечами.
С опозданием пришла, говорили мне - рано.
Все похоже, точь в точь .

Но на что - непонятно, пересохший язык
Замолчал, уличен был в бездарном подлоге,
Задрожала рука.
Молний яркая вспышка, только разум пристыжен, затих.
Были фразы и мысли хромы и убоги.
Проплывали века.

Приходили они до меня миллионам,
Пробирались сквозь лед и болотную жижу
Осеннего утра.
Поджидали на Мойке меня, на ажурном балконе.
Пусть хулят, только я их и вижу, и слышу
В лучах перламутра.

Судно, трюм, начиненный словами-взрывчаткой.
Фейерверком разбросаны в воздухе фразы,
Они не тонули.
Сквозь столетья прошли, по дорогам и мостикам шатким.
Цианидом травили, удушливым газом,
Пускали под пули.

Их пытали, хотели их сделать другими,
Пусть другие расскажут про то, что случилось,
Расскажут иначе.
Пусть уйдут навсегда, пусть лежат в безымянной могиле.
Только вязкое слово вновь кровью сочится,
Штампом... что это значит?

Слова из песни, посвященной Великой Отечественной войне — «У деревни Крюково погибает взвод...»

Из сводки новостей год 2006: пять мальчиков из деревни Крюково найдены мертвыми

На этой дороге истлели рябины и клены,
По этой дороге шли семь утомленных солдат,
По этой дороге когда-то носили иконы,
И дьякон в расшитой рубахе, улыбчив, усат.

Здесь были окопы, и здесь умирали мальчишки
За эту деревню, надрывно строчил пулемет.
Здесь шли на расстрел: и старик, что страдал от одышки,
За ручку вел внука, и плакал испуганный Мотл.

Все помнит земля. И убитого помнит солдата,
И мальчика Мотла, и дедушку помнит его.
И новый асфальт, что проложен людьми, в два наката
Прознал имена — ах, сколько их тут полегло!

Полвека прошло, и еще набежало годочков,
Тут люди иные, совсем не похожи на тех.
И нет на дороге вороны, сидящей на кочке.
И лис пробегающих нет — истребили на мех.

Но снова в деревне недобрые духи гостили,
И снова теряет рассудок несчастная мать.
Пять мальчиков, все из деревни, их зверски убили.
Как — знает земля, но не может, увы, рассказать.

Помахало рукой бессмертие.
Изменялись цвета и линии
У известных давно предметов.
На заборе натянуты сети
Почему-то окутаны инеем
Или дымом от сигареты.

Показалась сирень подснежником
На зеленой, как елка, лужайке
Перед домом кирпичным, серым.
Невеселые ангелы вежливо
Объясняли про все без утайки,
Лебедей рисовали мелом.

Мне хотелось уйти, привязчивы
Звуки, формы, нерезкие запахи.
В этом царстве уснувших зеркал.
Но дорогу забыла начисто
И, восток перепутав с западом,
Вновь одна среди сумрачных скал.

Послушай, друг, давно ли мы на «ты»?
Рассказываем присказки и сказки.
Панически боимся темноты,
Когда на нас выходят люди в масках.

Послушай, друг, уже который год
Мы пробуем на вкус часы, минуты.
Магнитом манит нас аэропорт,
Чтоб улететь в Париж и Алеуты.

Послушай, друг, мы все еще спешим
И проклинаям утренние пробки.
Акцент нас выдает, а падежи
Похожи, как китайские циновки.

Послушай друг, в бриллиантовых колье
Не щеголяют те, кого мы знаем.
Тысячелетье третье на дворе
На розовом экране висит.

Мне лавр не шить из лоскутков

Мне лавр не шить из лоскутков,
Размеров только в два микрона.
Меня давно списали с кона,
И вензель странный с завитком,
Как оказалось, мало значил
Для всех, а для меня тем паче.

Мне дверь не приоткрыть туда,
Где потолки лелеют люстры,
Где канделябры светом тусклым
Вдруг освещают города.
Где слуги в золотых ливреях
И много желтых канареек.

Мой дом щетинился, как призма.
Ворчали книги, старый стол
Был кривоног, ужасно зол
На всех любителей кубизма.
Они здесь заводили споры
О кабале, и две синьоры,

Испив ликер из тонких рюмок,
Бранили вслух устройство мира,
Тень безобразного сатира
Им глазки строила угрюмо.
И безделушки из Китая
Смотрели на картины, тая

От восхищенья незнакомым
Прозрачным светом, и пейзажи,
В которых девушка на пляже
И молчаливые иконы
Сплелись зачем-то воедино.
И тихий голос на ладино...

Сны пытались показать дорогу.

Сны пытались знаком показать дорогу —
То красный кирпич, то сожженный алтарь, То зеленые реки,
То комната пыток, то рыцари в серой кольчуге, доспехи,
То тень, улыбаясь, стоит у порога.

То утро с усмешкой приветствует разум.
Напрасно разгадки искала, вопросами мучая сонник.
Чей-то отчаянный голос в чужом потерялся стене,
И все исчезает из памяти сразу.

Предчувствий уколы являются в полдень,
В блестящих одеждах, в колье поражая невиданным светом,
Разгадкой космической тайны, открытием новой планеты,
Но жалят сомненья предвиденьем бойни.

Я прохожу сквозь строй.

Я прохожу сквозь строй
Глаз, неприятий, презренья,
Слышу приказы «Стой!»
Тех, кто считал меня тенью.

Я прохожу сквозь мир,
Замкнутый, нелюбезный,
Не понимаю игр,
Не прославляю бездну.

Я прохожу сквозь век
В новое измеренье,
Где прославляют грех,
Таблетки глотают жменью.

Я прохожу сквозь смог
Чёрной трубы коптящей.
Белый забор высок,
Только не настоящий.

Я прохожу сквозь грусть,
По стуку копыт о брусчатку.
Озеро, старый гусь,
Мостик качает - шаткий.

Я прохожу сквозь стон,
Тех, кто ходил здесь раньше.
И колокольный звон
Тонет в победном марше.

Я прохожу сквозь смех,
Не признающий грусти.
Я прохожу сквозь всех.
Глупо кричать – «НЕ ПУСТИМ».

Я такой же дурак, как другие

Я такой же дурак, как другие,
Я такой же балбес, как и все,
Бить не стану по черепу киём,
Не люблю длинных юбок плиссе.

Я такой же дурак, как десятки,
Что читают ночами взхлеб.
Не люблю по пути пересадки,
Нахлобученных шапок на лоб.

Я такой же бездомный, как сотни,
Что мнутся меж ночью и днем.
Не люблю дам кокетливых, потных
И дома, что пустили на слом.

Я такой же несчастный, как тыщи,
Что не видят сквозь призму лучей
Смысла, скрытого под пепелищем,
В беспределе порядка вещей.

Я безмозглый, как сто миллионов.
Прожевав круто сваренный бред,
Помолиться хочу на икону,
У которой названия нет.

Философское кредо

Философское кредо
Больно жалит язык.
Мы поклонники бреда,
А не домыслов злых.

Мы поклонники драки,
Казни на площадях.
Вянут красные маки
На глазах у зевак.

Пиво пенится злобно,
Кружка литра на два.
Мне живется удобно,
Если дом изо льда.

Мне живется комфортно
В животе у кита.
Ни диеты, ни спорта,
Ни работы с утра.

Прячет месяц усмешку
В серебристый рукав.
Он устраивал слезку
За звездой из-за скал.

Он рассматривал космос
По ночам в телескоп
И приглаживал космы
Под пронзительный зов.

В резонансе событий
Фиолетовый луч
Пропускает сквозь сито
Пышность ласковых туч.

Нет, не надо теорий,
Вызывающих дрожь.
Все записано в Торе,
Ты ее не тревожь.

Мы сторонники бреда,
Не мешайте кричать,
Что летают по небу
Тридцать два кирпича.

Философское кредо
Больно жалит язык.
Мы сторонники бреда,
А не домыслов злых .

Давно гонцы не бороздят моря
На ветхих разукрашенных фрегатах,
Где бочки рома, капитан усатый
И на гербы похожи якоря.
Где флаги раздувает утром ветер
И пахнут рыбой и прибоем сети.

Новости

А новости пройдут сквозь Интернет,
Вдруг затрезвонят песней из кармана.
В пещере, лифте, возле океана,
На острове, где милая Инет
Входила в номер с маленьким балконом
И был октябрь — уже конец сезона.

Пустынный пляж не привлекал гостей.
Две дамы, чей-то пес, сбежав из дома,
Спешил — скорей домой, где все знакомо.
Большой экран и сводка новостей.
Все так спокойно, тихо, монотонно
И со стены улыбка Лизы Моны.

И каждый день из мелких лоскутков,
То ярко красных, то чернильно-сонных,
У платья твоего, как у Мадонны,
Похожий, узнаваемый фасон.
И кажется, что так везде и всюду
И что Христа не продавал Иуда.

Но голос за экраном равнодушно
Рассказывал, что где-то в Сомали...
А может быть аэропорт Орли?
А может Дагестан, Россия, Кушка,
Но что-то там не так и даже очень...
Погибло много по причине — впрочем,

Зачем нам знать, Руанда, Эритрея,
Кто убивает, сколько было жертв?
В фойе сегодня вечером фуршет.
Где голод? Эфиопия, Корея?
И те же кадры повторяют снова
Ребенок, мухи, небо бирюзово.

Рассветы, дождь, осенние пейзажи,
Два мягких круассона, черный кофе,
А новости Руанды – ну их пофиг!
Листаю я буклет из Эрмитажа.
И лишь в ночном кошмаре понимаю,
Что новости, как пули, убивают...

Две капли жёлтого дождя

*«Две капли жёлтого дождя
послал Он в этот мир шутя...»
Вика Юнус*

*Посвящается поэтессе и барду Вике Юнус,
ушедшей из жизни в 32 года*

Раскачивались медленно качели.
Подпрыгивало детство, словно мячик.
В платочке светло-сером неудачи
Застенчиво протискивались в щели,
Раскачивая медленно качели.

Расшитый ярким инеем рассвет
Нам обещал шампанское, петарды,
А у костра тихонько пели барды.
Темно, лишь огоньки от сигарет.
И нежно улыбался нам рассвет.

Что знаем мы? От фейерверка дней
Так мало остается – рябь морская.
Маяк кому-то в темноте мигает,
За горизонтом стайка лебедей.
Что знаем мы о фейерверке дней?

Высвечивалось небо на губах,
И песни выходили на опушку,
И телефон, заглотивая двушку
Последнюю, молчал, лишь ночь и страх.
Высвечивалось небо на губах.

Улыбками растягивая рот,
Мы привыкали к суете вокзала,
И даже если что-то не связалось,
Мы говорили – красота, везет!
Улыбками растягивая рот.

Остались лишь вкрапленья доброты.
Рука несмело трогает гитару,
А палец и струна составят пару,
И завывали черные коты.
Остались лишь вкрапленья доброты.

Кто вспомнит нас? Альпийские луга,
Где побывать еще нам не случилось.
Вселенная вдруг до наперстка сжалась.
И смотрит жизнь уже издалека.
Кто вспомнит нас? Альпийские луга?

Но крупным шрифтом писаны слова.
И память, улыбнувшись, снимет шляпу,
И спустится, как с корабля по трапу.
И принесет букетик. Сон-трава.
Вдруг крупным шрифтом – и твои слова.

«Две капли желтого дождя», слеза.
Рассветы, боль, тяжелая усталость
Как много – наша жизнь, какая малость!
И краски – черный, белый, бирюза.
«Две капли желтого дождя», слеза...

*Двушка – две копейки,
использовались для телефон-автоматов*

Мне одежды белые приснились,
И шипел обиженно костер,
Говорил, что сами напросились,
Головешки-руки к нам простер.

Я стояла в стороне от спора,
Доказать едва ли я смогу,
Что костер не стал еще опорой
Никому на свете, никому.

Что напрасно ярость разгоралась,
Благородства в ней в помине нет.
На поминки совести усталость
Принесла искусственный букет.

С выводами стали торопиться,
Лозунги кричат наперебой.
А прогресс - капризная девица,
Что не ходит в рукопашный бой.

Выдавали пряники резные,
И победы грезились в конце.
То ль Израиль снился, то ль Россия,
Девочка и ужас на лице.

На балконе моем ни фикуса нет, ни герани

На балконе моём ни фикуса нет, ни герани
Там серые голуби тихо воркуют впотьмах.
И солнце, как только проснется, умоется, встанет,
Выходит на небо в своих золоченных лаптях.

На кресле моём не мурлыкает серая кошка,
И малые дети в гостиной моей не кричат.
Я всем задолжала, долги отдаю понемножку,
Не чувствуя рядом тепла от родного плеча.

За круглым столом не пирует любимый давненько.
Могилу его разгромила гудящая чернь.
Танцует судьба с уходящей к заутренней тенью,
Погасли огни поминальных тяжёлых свечей.

На окнах моих нет раскрашенных ставень, есть трисы.
На улицах слышу гортанную громкую речь.
Мальчишка в коляске с красивейшим именем Нисим.
И мечется память — ненужная старая вещь.

*Трисы — пластмассовые решётки,
закрывающие окна от солнца*

Стриптизёрша

Не надо смущаться под взглядом продажной мадонны
И ласковых слов попрошайничать на перекрестке.
И коль не смешно, если юмор убористо-плоский,
Зачем хохотать истерически и испуленно.

Кокетство излишне, оно не вошло в прейскуранты,
А впрочем, вошло, вижу цены, набитые бочки.
Худые кокетки за стойками явно порочны,
И место любовника было на вечер вакантно.

Мигают огни, простираются руки в экстазе,
И потные лица блестят как паркет, что начищен.
Ругаются парни. Чернявый, высокий - зачинщик.
Слова утонули во всепоглощающем джазе.

Взбешённая тень беспрепятственно строила рожи
И на потолке извивалась в пародиях вальса.
Оркестр был в ударе, и все изъяснялись на пальцах.
Вошла стриптизёрша, и зал встрепенулся и ожил.

Улыбочка, столб, зажигательны позы, бикини.
Усталость в глазах или ужас от первых морщинок,
И слезы зачем-то пришли, но совсем беспричинно.
Прожектор высвечивал сцену, свет мертво-синий.

Бомбежка Хайфы 26.07.2006

Не показывай мне лица.
Бомбы замерли — хоровод
Разыграли перед броском.
Сирена звучит у виска,
Ощетинился злобой дзот,
Что глядел на кучи песка.

Заплетались слова молитв,
Что прочитаны невпопад,
Ускользали слова уже.
Разум словно волной размыт,
Облака, как шары, висят,
Словно вырезаны ножом.

У сирены противный вой,
Призывает в бетонный рай,
Где тебя не достанет враг.
Я бегу, я еще живой.
Я еще подержусь за край.
Улыбнулся мне добрый маг.

Литературная тусовка

Стихи заплаканной кокоткой
Чай гоняли на террасе,
И мэтр с волнистой бородкой
Растаял в комплиментах Асе.

Сияла золотом каемка,
Расписано цветами блюдец.
И стих читали чей-то куцый.
Читали с выраженьем, громко.

А полдень, разомлев от солнца,
Просился в тень, под кипарисы.
Суровый гость с осанкой горца,
Глазами поедая лица,

Молчал, противно ныла муха,
Садясь на пряники, баранки.
И неуклюжие, как танки,
Как наш любимец Пьер Безухов,

Два парня в розовых футболках
Застыли в ожиданье чуда.
В субстанциях каких-то тонких,
Похоже, в роли Робин Гуда

Они прижились. Там, где строчки
Снимали шляпу перед храмом,
Где ребе нет, ксендзов, имамов,
Где запятые вместо точек.

А стих все рвался на просторы,
Проникнув в щелочки сознания,
Из красных ниток плел узоры,
По снегу мчался, лайки, сани,

Но где-то там в иных мирах,
Прослушав сотни две сонетов,
Закурит ангел сигарету.
И тихо скажет — «брось, чудака,

Тревожить небеса и землю,
Раскалывать себя и мир,
И видеть корень вместо стебля.
А кем-то выбранный кумир

Разбойник он и пустомеля,
Грозит и брызгает слюной,
Воображает, будто Ной,
Пророк Илья, сто слов просеял

Сквозь сито мелких передряг».
Он понял нечто, в полдень плакал,
Был свыше дан какой-то знак.
И потому он стал оракул.

Какофония звуков

Какафония звуков поливала с брандспойта
Разговорчивых мальчиков, в белых рубашках,
И какие-то люди, с душой нараспашку,
Все пытались стрелять из старинного кольта

По подвижным мишеням. Плакаты и рупор
Побросали, из рук выпадали знамена.
Их идейный вожак был похож на Цюрупу,
Это в фас, ну а в профиль – боец из омона.

Все сложилось не так, все сложилось - и баста.
Улица задыхалась от зарева пены,
А идеи, что были, как души нетленны,
Стали утром противны, как черная вакса.

*Цюрупа А. Д. – министр продовольствия
в правительстве Ленина*

В этом старом замке

В этом старом замке
Обветшали стены.
Плесневеют рамки,
Что почти нетленны.

В этом старом замке
Не дают обедов,
Там живут по Кафке,
Истину изведав.

В этом старом замке
Громко плачут тени,
Хороня останки
Тихих привидений.

Взгромоздясь на люстру
Там пируют черти,
Парочку напутствий
Нам пришлют в конверте.

Мой народ

Мой народ разбросан по планете,
Места нет, где нет его следов.
Может быть фамилия Перетти,
Джонсон, Смит и даже Иванов.

Громкая фамилия Гонзалес.
Обладатель – Сара или Сали.
Мой народ с раскосыми глазами,
С бородой и черными усами.

На Аляске Фридман или Леви,
Выйдя с псом породы звучной – лайка,
Повстречает эмигранта Сеню,
Что одет похоже – джинсы, майка.

Дядю Сему называют Сэмом.
Тетю Аню кличут нынче – Эммой.
А на Брайтон Бич гуляет Лева,
Уроженец каменного Пскова.

Вот такая жизнь, такие счета,
Вот такие маленькие майсы.
Вижу дядю Изю – кличут Отто,
и Егуду – выглядит китайцем.

Смесь выходит едкая, взрывная,
И ее зовут сегодня Хая.
Может завтра перейдет в Мелену
И уедет из Беер-Шевы в Вену.

А сегодня Янкели и Сени,
Даны, Иоси, Хаимы и Орны
Поменяли шекели на йены
И торгуют жареным попкорном.

В омуте непознанных явлений
Утонул и дурачок, и гений.
А над прошлым тихо нависают
Откровенья Берлина Исяя.

Мой народ живет средь гор и пастбищ,
Где равнина, где резвятся кони.
Нахожу следы еврейских кладбищ,
И молитва снова в крике тонет.

Майсы – рассказы (идиш)

Судный день 10.2006

Мы просили прощенья у близких и дальних знакомых.
Раскаянье стояло бездомной пугливой собакой,
И бешено сердце стучало, мечтая уйти от погони.
Слова замирали, они отражались в колодце и в стене,
Ощущенье, что ты погружаешься медленно в вакуум,
Но глазами все ищешь следы той, на счастье, подковы.

Проносились машины стрелой по пустынным дорогам.
Обращались к Всевышнему молча, читая молитвы.
Мы выбрали жизнь, своего приговора, конечно, не зная.
Выходила за кадром судьба в обличье невесты, босая,
Танцевала на облаке в странном стремительном ритме.
Мы молчали, лишь рядом тихонечко пела тревога.

Поднимались над облаком, звездную пыль расточая,
Закопченные временем желтые старые снимки.
Отражая прошедшее. От истоков до дней настоящих.
Противные мысли меня раздирали на мелкие части.
Вот любимый с женой, видно третьей, зачем-то в обнимку.
Вот свекровь приглашает к столу, торт, ватрушки, кекс к чаю.

Все врывалось в немыслимом ритме в расстроенный разум.
Просьбы, просьбы, они, как чердак, покрываются пылью.
И слова-неудачники в сером – жертвы тяжелых мутаций,
Пытались шутить неуклюже, желали они оправдаться.
Прижимает к земле хрупкой памяти груз непосильный.
Это, кажется, я ставлю нежные фрезии в вазу..

Старость

Ты что-нибудь знаешь о старости?
О грубых морщинках на лбу.
Припомни, в зеленые заросли
К тебе прилетал какаду.

Ты что-нибудь знаешь о немощи?
Когда не подняться на пик.
И в беленьком платьице девочка
Читает для дедушки стих.

Ты что-нибудь знаешь о городе,
Где нет ни луны, ни дождя?
Где только белые вороны,
Где лезвия нет у ножа?

Ностальгия

Ностальгия – приятное блюдо,
На десерт подают, после сыра,
Или сладкого мусса с подливкой.
Это слово я слышу повсюду,
Поскитавшись довольно по миру
И еще ни к чему не привыкнув.

Ностальгия – червяк на наживку.
Разбирая однажды корзину
Старых, чуть пожелтевших альбомов,
Вспоминаешь, как в детстве снежинки
Ты ловил и, до льдинки застынув,
Попросил у отца рюмку рома.

Многословие ты...

Посвящается И. С.

Многословие ты, многострочие,
А слова, словно стрелы, отточены.
У поэзии тело живучее,
Стрелы ей до сих пор не наскучили.

Вроде, живо оно, вроде — померло.
И в Париже оно, и в Житомире.
Строки небо закрыли, рукастые,
Все желают величие праздновать.

И давай канючить, мол, бедствуем.
Мы поэты, а кругом только бездари.
А в редакциях сидят, видно, брокеры,
Проиграли всю поэзию в покере.

Пишут ночью, да и днем, безработица,
А бумага, Интернет всюду водятся.
Отрешусь от наважденья решительно.
Сгиньте строки поскорей, небожители.

Многословие все, многострочие...
Лучше переждать на обочине...

Пляшите, клоуны

Пляшите, клоуны, на лестнице веревочной,
Плетите сети из распущенных словечек.
На ужин, как всегда, сырые овощи
Приносят дамы с лицами узбечек.

Творите, гении, в трактире и часовне.
Из липких фраз сплетите нам удавку
И за столетье сплетни вдруг припомнив,
Под Пастернака пишут и под Кафку.

Пишите страстные, как облако распухнув,
То за душу хватало, то за горло.
И вечность растворяла очень плавно
Саму себя и пишущих упорно.

Я пишу ни о чем

Я пишу ни о чем,
Я пою ни о ком,
А в гортани застрял металлический ком.

Я дышу через раз,
Ненавижу приказ.
И светящейся буквы вдруг контур погас.

Я не против, я за.
Мне закрыли глаза.
Вижу черное там, где еще бирюза.

Разреши мне смолчать,
Или снова начать.
Только жжет беспокойством стальная печать.

Размечтался прогресс,
С бомбой наперевес.
Он злодейству однажды положит конец.

Но чудовищна спесь,
Будто надолго здесь.
На дисплее зависла недобрая весть.

Посещение поэтических сайтов

Посвящается И. С.

Многословно, многослойно, многомерно.
Только все не точно, а примерно.
Много строчек, много точек, много знаков,
Но не убедительно, однако.

Многогранно, филигранно, многозначно,
Но не очень все-таки удачно.
Много криков, много бликов, много теней,
Только взлетов меньше, чем падений.

Многолюдно в это утро, многозвучно.
Скучно, почему-то стало скучно.

На концерте

Какофония звуков
С ног сшибала брансбойтом.
И, откланявшись сухо,
Выстрел грянул из кольца.

Престарелая леди
Натянула улыбку,
И литавры из меди
Мне устроили пытку.

Два кларнета, на пару
Проникая в сознание,
В такт разбив стеклотару,
Становились гуманней.

Гул с угрозами взрыва
Приближался вплотную.
Пела толстая Рива,
Словно лошадь, гарцуя,

И скрипачка умело,
Нежно трогала струны,
Платье в сборках белело,
Словно камешек лунный.

Но сложились, как веер,
Звуки с разумом в ссоре,
И висят, словно перья,
На упавшем заборе.

Какофония звуков
Разбивала барьеры.
Ничего, кроме стука
По расстроенным нервам.

Нержавеющей сталью
Покрываются ноты.
Мозг мой, хитрый, каналья,
Ощетинился дзотом.

***Астрофизики предсказывают
столкновение метеорита с землей***

Метеорит, что с землей вскоре должен столкнуться,
Бродит пока босиком по космической пыли
Мимо горячих костров, что еще не остыли,
И разглядев две звезды, что на небе застыли,
Вспомнит, о чем размышлял гениальный Конфуций.

Может, расслышал слова, что шептали пророки?
Модного кроя пиджак, говорят, астрофизик.
Нам обещает потоки воды или слизи,
Есть варианты других неприятных коллизий.
Солнце уже никогда не взойдет на востоке.

И полюса потеряют свою актуальность,
Их размагнитят однажды лучи или влага.
Горы исчезнут, уйдут Братислава и Прага.
Ой тяжела, ой безрадостна страшная сага.
Только Москва сохранит красоту и сусальность.

Метеорит размышлял два столетия, не больше,
Над траекторией, что пролегла во вселенной.
Он океан полюбил, разливадается пена,
Чтоб к облакам вознести бело-жёлтую стену.
Только стена-невидимка непрочна, непрочна.

Метеорит улыбнется и скажет беззвучно:
«Что там земляне застыли, от ужаса шурясь?»
И пролетит, словно шарик на тоненьком шнуре.
И не узнают земляне ни шторма, ни бури.
«Мимо прошел», — объяснит астрофизик научно.

Это было давненько

Это было давненько, я училась в начальной школе
И однажды себя возомнила зачем-то поэтом.
И осины у сквера качались, шептались, сетуя.
Корабли на Двине стояли еще на приколе.

У осины кора суховата, шершава на ощупь.
Я закрыла глаза, звук полета на быстрых качелях,
И со свистом ветра залезали в оконные щели.
Брусчатка блестела, отражая умытую площадь.

Страшен Домский собор, я себя ощущала пришельцем
В мир размеренный – сакт, желтых глаз янтаря и брусчатки.
И спасаясь от холода, руки засунув в перчатки,
Вдруг увидела - где-то в стене чуть заметая дверца.

Я бездумно вошла, только духи скользили по стенам.
Я хотела спросить, где найти мне в хоромы хозяйку.
Лишь летучие мыши в углах собирались там в стайки,
Сумасшедшие мысли плели нам судьбы гобелены.

Поэзия — не сладенький пирог

Поэзия — с начинкою пирог,
Ласкала нам язык приятным вкусом.
Пирог чуть подгорел и был надкушен,
В начинку добавляли крепкий грог.

Поэзия лицеприятных слов
Пыталась убаюкать, успокоить,
Не потревожив прежние устои,
И ни на чей не отзываясь зов.

Но грустные слова противно пахли
И вызывали внутренний протест,
Повскакивали слушатели с мест.
Костяшки рук хрустели, словно вафли.

Крысиные игры

Разбухают пышные слова,
Сдавливают горло пересуды.
Мы, гремя осколками посуды,
Множим достижения на два.

Все ещё пытаемся успеть
За ушедшим веком на подножке
Поезда, теряя босоножки,
На ходу проглатывая снедь.

Мы ведем на форуме разбор,
Избегая грубостей, укоров.
И, в подпорках находя опору,
За открытье принимаем вздор.

Вот опавшие листья...

Вот опавшие листья
Глазом охры краснеют в опале.
И тяжелые кисти
У рябины – рубиновый камень
Загорается ярко –
Как пунцовая кровь на розинке,
Это осень по парку
Проходила в солдатском ботинке.

Что, не поётся нынче вам в России?
И, словно стая перелётных птиц,
Спешат поэты с оформленьем виз,
Не ожидая доброго мессию.

Что изменилось? Нет лесных пейзажей?
Ни вербы, ни сирени под окном?
И медленно качался метроном,
Глотая время – легкую поклажу.

Ищите постамент на свалке

Ищите постамент на свалке.
Заросший сорняком пустырь
Забьли указать на карте.
Пускай завистников нападки
Горьки, противны как полынь,
И изыскания в поп-арте.

Но поржавевший постамент
Был сдан давно на переплавку,
А попросту в металлолом.
По истеченью сотни лет
История стоит с удавкой,
А рядом поседевший гном.

Под улюлюканье толпы
Сжигали ведьм по разрядке,
Рубили головы на плахе.
Могильные копали рвы
В эпоху взлета и упадка,
И злобно шурились зеваки.

Разбушевавшийся прогресс
Нам обещал другие виды.
Коровы из папье-маше,
Колхозники, военный спец
Ушли, остались пирамиды
И постаментов неглиже.

Пространные слова

Пространные слова вязали свитер,
Блестели спицы, словно два ножа.
Происходило множество событий,
Стояли два Пежо у гаража.

Крутили фарш две ведьмы, подпевая,
И леший подносил вязанки дров.
Избушка, как положено, кривая
И парочка упитанных котов.

У варваров хорошие манеры

У варваров хорошие манеры
И зубы из отменного фарфора.
Их лозунги – мы принесли свободу!
И хрупкий мир из тоненькой фанеры
Рассыпался под натиском террора
И погрузился в сумерки, как в воду.

Чернеет небо от раскатов смерти,
Сменившей тишину и злой порядок
На взрывы бомб и крики новой жертвы.
Смешалось всё, и в этой круговерти
Нелепо выглядит овечек стадо
На поле, где трава покрыта пеплом.

Поэтический сайт

Кипяток подливали на белую снежную бабу.
И до ночи пытались убрать надоевший асфальт,
Чтоб дорога была в непролазных громадных ухабах,
Маршируют колонны, и им аплодирует альт.

Кто они и зачем им шагать по разбитым дорогам?
И куда их ведет бахрома из затроганных слов,
Что поэт перебрал, перетёр и в порядке нестрогом
Разместил где-то с фланга, на разум повесив замок.

Что случилось? Полили ведь снежную бабу горячим.
Как и ждали, она растворилась у всех на глазах.
А поэт удалился, а вечером кушал карпаче,
Был обижен на глупую бабу, ругался в сердцах.

Что случилось с дорогой? Асфальт удалось уничтожить.
И бессмертные фразы прогрызли взьерошенный грунт,
Оказались они друг на друга до боли похожи,
И ложились под рельсы, которые скоро взорвут.

Живу только сердцу в угоду

Живу только сердцу в угоду
Живу только чувствам вдогонку.
Молюсь на холодную воду,
На тонкие пальцы ребенка.

Безжалостный звук метронома
Не станет рассказывать сказки,
Что мне далеко до парома,
Который построили наспех.

И чудные звуки кларнета
Вносили хрустальные свечи
В горячее, липкое лето,
И плакал взволнованный вечер.

Настройщик сидел за роялем,
Припомнив, что был пианистом,
Играл в переполненном зале
Шопена, Бетховена, Листа.

А люди куда-то спешили,
И всюду указано — срочно.
Мы тоже когда-то здесь жили,
Но помним об этом неточно.

Рифмы

Рифмы медленно растягивают рот,
Примеряя, как пожилая невеста,
взятое напрокат розовое платье.
Рифмы угрюмы – предрешено наперед,
Что не статут они никогда известны,
Так зачем же приходят – с какой же стати?

Пожалуй, все сказала, что хотела,
Про белый снег в морщинках от новой лыжни
И про сентябрь, убиенный горем стужи,
Про старость, как она отнимает тело,
Про то, что очень не любила падежи,
Про одиночество , про остывший ужин...

Из интервью с диссидентами, проживающими на западе:

«Мы не думали что доживем до того времени, что не будут висеть на улицах плакаты, прославляющие КПСС, и генсекретари не будут шепелявить»...

15. 06. 2006

Где лозунги — «УРА К П СС!»?
Генсеков больше нет,
И улицы в неоновой рекламе.
Все изменилось, приходит снами
Обёртка старой примы-сигарет.
Нет остановки, и снесли навес.

Нет больше парт, а в школе в будний день
Девчонки в неглиже,
И мастики жуют на площадях..
Вот куст сирени во дворе зачах.
И больше не встречают на меже
Рассветы, нет восторженных людей,

Что для любимых рвали васильки.
А та, с косичками?
Выводят в Праге внуков погулять,
На кладбище, где спят отец и мать,
Заброшены могилы. Нищие.
А в новом джипе кто? Силовики...

Бесконечность икнула от выпитой водки,
Взглянула на сайт, где поэты хвалили друг друга активно,
Исполняя рапсодии, марши и гимны,
Читали с волнением стихи, как военные важные сводки...

Стенограмма жизни

Дождь, косые взгляды,
Потные руки.
Глаза не глядят в глаза.
Друг другу не рады,
резкие звуки.
Образы похожи на образа.

Сыро, воет ветер,
Мокрые листья
Закружились медленно.
Ты разлуку встретил
Молча, как выстрел.
Сколько же дней было отмерено?

Стол, фотографии,
Тут тебе двадцать.
Ты смеешься. Котенок
смешной, зовут Рафик.
Куст акации.
Дача, белеет проем оконный.

Коньки, скользишь по льду.
Ой! Неумело!
Падаешь и смеешься.
Я на помощь иду.
Совсем стемнело.
Твой дом недалеко. Возле почты.

Свадьба, столы, танцы.
Мы и музыка.
Веселимся, беспечны.
Розочка в лацкане.
Еда вкусная.
О как же дни наши быстротечны...

Ребенок, он плачет
И не спит ночью.
Родители, теснота.
Единственный мальчик.
Что же он хочет?
Ищу начало конца. Где? Когда?

Телефон, вздох в трубку.
Квартира наша.
Сынишка ходит в школу.
Иду с покупкой.
Довольная даже.
Но всё изменится очень скоро...

*«Послужил и любви, и азарту,
Воспарял из подвала в астрал.
Ставил все, кроме чести, на карту,
Разве странно, что я проиграл...»
Ю. Арустамов*

Посвящается Ю. Арустамову

Где же выигрыш, дружище, скажи мне.
Разве это почувствуешь всеу?
Ты рукою шашиста рисуешь
Новый день, новый стих, чье-то имя.

Где же проигрыш твой, ты признайся?
Может, виллы не нажил с бассейном,
Может премий, чтоб голос елейный
Приглашал бы на сцену, покайся!

Может книги не в том переплете,
Или, может, тираж не устроил,
Только словом своим удостоил -
Мы увидели чайку в полете.

Так о чем же скорбим мы столетья?
Грань тонка между «было» и «будет»,
Между «помним» и между «забудем»,
Ударяют слова, словно плети.

Ах победы, игрушки земные,
Только прах остается и ветер,
Мы стареем, и старятся дети,
Даже чувства становятся злые.

Потому что состарились очень,
Не умеют быть кстати, уместны,
Проползти по веревке отвесной,
Изменился, испортился почерк.

Только я повторять не устану,
Если кто-то захочет послушать,
Есть на свете красивые души,
И зовется одна – АРУСТАМОВ.

Я пройду по шестой авеню

Я пройду по шестой авеню,
Удивляясь спешащему люду,
Сонму разбросанных перекрестков,
Небоскреbam, немислимо плоским,
И девице в широких Бермудах,
Прокричавшей кому-то «адью!»

Я пройду по шуршащей толпе
В разноцветных обертках блестящих,
И взгляну на ватагу подростков.
Неуклюжих почти низкорослых,
И как будто бы не настоящих
В этом ярко раскрашенном дне.

Посмотрю на смешение рас,
Благодатная это работа.
С островов ярко-синих заморских
И из стран, что заоблачны, — горских,
Очутилась желанная квота.
Зажигательна, словно фугас.

Где Ямайка, где шумный Шанхай,
Попытюсь узнать я по лицам,
Но увы не удастся осмыслить,
Кто родился в Нью Йорке, кто в Висли,
Стоп, мулатка. Красива девица!
Все кричат при свидании «Хай!»

Отравившись безликим рифмованным бредом

Отравившись безликим рифмованным бредом,
Ощущаю смертельной усталости жёлтые лапы.
Противные страхи, сотоварищи их и сатрапы
Той усталости, носят под черным беретом

Много новых изящных изделий в полоску,
Есть, конечно, и в мелкую клеточку, в синий горошек.
Нет тепла, и согреть невозможно озябших ладошек
От погасшей свечи с остывающим воском.

Я хочу прикоснуться к чему-то живому,
Я любезно стараюсь понять, зашифровано что-то,
Но на поиски сути давненько закончилась квота.
И кусок пирога до меня был прожёван..

Разбежались ручьи фиолетовой мути.
И дома, и земля ярко светятся красным и синим.
(поправлено вместо фосфорируют)
Надежда и вера у любви подаянья просили,
Принесли от ограды железные прутья.

Где-то там

Где-то там за высоким забором,
Где-то там на задворках Луны,
Ткали шали с прекрасным узором,
Что земным неподвластные взорам,
Лишь тяжелые кисти видны.

Где-то там за густыми кустами
Жил поросший ковылью пустырь.
Черный жук, обрамленный усами,
Серый кот с голубыми глазами
И небесно- глубокая ширь.

Лишь во сне там гуляла однажды,
Ветер волосы мирно трепал.
Не почувствовать голода, жажды,
Воздух чудом наполненный, влажный,
Не прозрачен, как камень опал.

Распрощавшись с земными делами,
Выходя за пределы вещей,
Превращая в барашки цунами
И живущих заботами в камень,
Я нащупала связку ключей.

Первый ключ открывал безотказно,
Расступается царство теней
И похожих, и чуточку разных,
По пространству гуляющих праздню.
Подавал им напитки лакей.

Со вторым повозилась изрядно.
Краски там больно били в глаза.
Дамы милые в платьях нарядных,
Генералы в шинелях парадных,
Виноградная всюду лоза.

Третий ключ применить не сумела.
Там судьба ожидала меня.
Видно, слишком резьба заржавела,
И по черному небу летела
Чудо-шаль на загривке коня.

Русская словесность

Словесность русская осела «за бугром».
Кто выбрал Сан Франциско, кто Чикаго,
А кто решил поближе – Варна, Прага,
И по волнам плывет эссе и сага.
О чём поёшь ты нынче и о ком?

Случилось , видно, ощущение тоски
Ушло, как хмель позавчерашней пьянки,
Воскресным утром, рано, спозаранку.
А с нею вместе мокрых дров вязанки,
Ночник и мама... штопает носки.

Словесность русская немного обжилась.
Расписывает пульку по субботам,
А те, кто телом закрывали дзоты,
Нет не герои, а почти Пол Поты,
Ушли в историю, сменилась власть.

Весна, российская словесность разлеглась,
Подкормлена из фондов олигархов,
А кто же там один стоит под аркой,
Такой непривлекательный, неяркий.
Поэт, вот только не понять какая масть.

Сбрызни улицу теплым дождем

Сбрызни улицу теплым дождем,
Проскользни по напрягшимся шинам,
Растекись по полям с куражом.
Пробеги по унылым вершинам.
Поскользнувшись на бойком дожде,
Упадешь вместе с сумками в лужу.
Видишь, кто-то на красном Парше
Посмеялся за милую душу.

Давным-давно

Давным-давно уйдя в другую жизнь,
Из той, из прежней смотрят с укоризной
Твои глаза, молила – отзовись.
Светло, лишь кучка облаков зависла.

Рассвет, роса, часы, как кони, встали.
Но двадцать лет ушедших в никуда
Гудят в ушах, с тобою вместе в зале.
Вот только странно... эта седина

Я жизнь глотаю, как таблетку

Я жизнь глотаю, как таблетку
От сплина, от болей в спине.
Она как тесные танкетки,
Как неприятные соседки,
Вновь оказалась не по мне.

День привлекает спозаранку,
Блестя веселой мишурой.
Подарит нам варенья банку
То подгорелую баранку,
То юбку – необычный крой.

Но рассмотрев подарки наспех,
Опять сижу среди пустот.
В спецназе надевают каски,
Поэты сочиняют сказки
На даче и в тени лесов.

Как козлики, идут качаясь
И едут лошади в трамвае,
Несут еноты тортик к чаю,
Кричит о чем-то группа чаек
И мак рыдает, увядая..

Закаты дня, страны, Европы
Витают в воздухе, как пыль,
Еще гуляют антилопы,
Но нехорошие циклопы
Страшилку превратили в быль.

Я жизнь глотаю, как таблетку,
И полдень морщится слегка.
Сидит воробушек на ветке,
Стрелок прицеливался меткий.
В кого – да вроде бы в меня.

Где- то боль

Где-то боль разливается морем
Над моим уходящим сознанием.
И бездонное серое горе
Подготовило крепкие сани.
Чтоб меня увезти спозаранку
В эту черную даль, без рассветов,
На глаза нахлобучив ушанку,
Я среди нелюбезных, отпетых.
Не приходят улыбки, забыты
Искры смеха и ночи надежды.
И глядят на меня сталактиты
Пустоты, я зажата, я между
Миром черных теней в подземелье
И кочующих звезд в полумраке.
И не тут, и не там не приемлю.
Что живу — это глупые враки.

Сознание

Сознание,
Ошалев от перспектив,
Что осязание
Перестанет радовать
Окрасило себя цветами радуги
И выпило двойной аперетив.

В раздумье,
Посчитав до двадцати,
Увидев в сумме,
Что число нечётное,
Сознание умыло руки потные
И растворилось в Интернет сети.

В заложниках у поэтического сайта

Мутные мысли плясали с безумными снами.
Их выплеснул гений на белый экран, в Интернете
Я вдруг осознала — попалась в какие-то сети.
Веревкой из белого льна очень крепко связали.

Прыгали фразы прожженного циника, барда,
Гуляки, обжоры с брюшком и нарядной бородкой,
Он ночью играет до двух и полтретьего в карты.
А если не карты, то треп, разговоры под водку.

Поймали меня, ворвавшись без предупреждения,
Ступая по нежности клумбам в калошах огромных,
Слова подползали как жабы, гладки и огромны.
Во мне вызывая оскал и противное жжение.

Я глотаю протяжные ноты

Я глотаю протяжные ноты,
Как вино черноплодной рябины.
И тяжелые крылья дремоты
Разлеглись на подушке картинно.

Я тасую рассветы в колоде,
Перепутала бубен и крести.
Незнакомые призраки ходят
По пролетам загаженных лестниц.

Ни о чем не жалею

Ни о чем не жалею,
Ничего не хочу.
По совету ди джея
Я английский учу.

Чтоб слова-проходимцы
Больно жалили мозг,
Продолжаю учиться,
Свечки падает воск

На зеленую скатерть,
Полировку стола.
И приходят некстати
Мне виденья — сова

Гордо слушает звуки
На чужом языке,
И танцуют старухи
Где-то там вдалеке.

Зайцы или газели,
Все никак не пойму,
За словами летели
В неизбывную тьму.

По кривым переулкам судьбы

По кривым переулкам судьбы
Бродит осень в старинном жакете.
Ветер треплет косы седые.
И в предчувствии ранней зимы
Повздыхав о засушливом лете
Вспомнит речку, поляну, иней.

Что в лукошке? Наверно, грибы,
Сыроежки все больше, горькуши.
Собирала в продрогшем лесу.
Копишь слезы? Ну ладно, копи.
Песни птах улетающих слушать,
Словно ведра держать на весу.

Кто решает, что будет, что есть
Для живых, неживых и не бывших,
С облаками и круглой луной.
Гладит осень притихшую лесь.
И в кармане недолго порывшись
Подает белый пряник льняной.

Стихи, которые ушли

Стихи, которые ушли
Не удержавшись за перила,
Растаяли, и облик милый
Размыли шумные дожди.

Стихи, которые забыл,
Не записал и не запомнил.
Прекрасный образ крыльев обнял
И в изумлении застыл.

Какие чудные слова
Ласкали волны притяженья.
Дрожит рука, а в сердце жженье.
И тихо плакала трава.

Ах, неужто же, Господи

Ах, неужто же, Господи,
Ты оставил меня?
Счастья редкие россыпи
Догорают, зола
Даже форму утратила
И рассыпалась вмиг,
Разрезая на катеты
Жизни праздничный лик.
Ах неужто же, Господи,
Средь зеленых долин,
Изваянием восковым
Ты стоял между мин.
Мы тебя не заметили,
Проходя Рубикон.
Скоро два тысячелетия
В окруженье икон
Ты стоял с удивлением.
Тихо плакал рассвет.
А чудес дуновение —
Словно дым сигарет.

Вечер инеем вымоет стекла

Вечер инеем вымоет стекла,
И покроет дороги сверкающим льдом.
За дверями, закрытыми плотно,
Посидим в этот вечер
Тихонько вдвоем.

Раскатаны на мелкие кусочки,
На звуки, на междометия.
На вопросительные знаки,
Восклицательные знаки, точки...
В каждом своя отметина.
Свои возмущения, страхи.

Они существуют по отдельности
И прыгают – мячик, между строк,
Грозят непременно взорваться.
Мука получилась на мельнице.
Пробуем испечь колобок
Из высоких фраз Горация.

Но розовый колобок не печется,
Он сразу разваливается
На составляющие части.
Виноваты физики и солнце.
Грозят применить САНКЦИИ.
Плакат – «страхуем от напастей».

Не Ферма теорема

И Ферма теорема
На десять листов
Наконец-то разгадана.
То еврейская тема,
Основа основ,
Зачем-то нам надобна.

Светлейшие головы,
С горбинкой носы.
Шевелюра растрепана.
И в поисках нового
Кладут на весы
Все человечество оптом.

Разбазаривать время —
Не их идеал.
Все известно заранее.
Иудейское племя.
Перу или Непал,
Чад, Великобритания...

Нами правят идеи.
Зажаты в кулак,
Как жареные каштаны.
Старый лектор, потея,
Объясняет как
Уничтожают тиранов.

Все безоблачно просто.
Народы — пустяк.
Зря их брать во внимание.
Как захватывать остров,
Иран ли, Ирак,
Подготовьте сценарии.
Все, конечно, одобрят.
И крики УРА!
Вонзаются жалом в уши.
Постарайся запомни,
Приходит пора
ДУМАТЬ, НЕ ВЕРИТЬ, НЕ СЛУШАТЬ.

Поэта бросила жена

Ты сегодня, давясь ностальгией,
Сотню слов срифмовал в два присеста.
Про Россию, что вечно невеста,
И про то, что тебе в мире тесно.
Что встречаются люди плохие.

Ты расправился с критиком глупым,
Раздавил неталантливых взором
И назвал их творенья позором,
Черной юбкой с унылым узором,
А потом ты поужинал супом.

Воспевал камыши и черешню
Сплел сонет про плакучую иву,
Про дожди, про моря и приливы.
И про то, что тебе сиротливо
Средь людей своенравных и грешных.

После ужина шел на прогулку,
Напевая мелодию гимна,
Сокрушался — любовь не взаимна.
Было горестно, было обидно.
Ты ушла, запылилась шкатулка.

В ней нехитрый набор безделушек.
Два кольца — серебро с перламутром.
Уходила без слов и под утро.
Почему-то рассыпалась пудра.
Ты пытался кричать ей — «ПОСЛУШАЙ!»

Нет, она не хотела дослушать.
Ни речей, ни стихов, ни упреков,
Жизнь смывала лавина потоком.
Понимая события плохо,
Вдруг подумал - а может так лучше?

Посвящение бабочке

Пушистых крыльев радостный размах
И голубые призрачные капли.
На темно-синем желтые узоры.
Они летят, и слезы на глазах.
Сон радуги в живое чудо вкраплен
И восхищеньем наполнялись взоры.

Что держит меня в этом мире

Что мне жухлые листья удачи
И кривые улыбки на стеклах.
Я из нервов разорванных соткан,
Из бумаги железно-наждачной.

Что мне четкие линии мантий
И молочные реки событий.
Я держусь за прозрачные нити,
За железные ручки кровати.

Я держусь за перила надежды,
За стальные болванки победы.
За древнейший закон Архимеда
И за складки красивой одежды.

Я держусь за мелькание будней
И за светлые лики ушедших,
Мной любимых мужчин или женщин.
За тончайшие белые кудри,

Что исчезли у сына в три года.
За росу на кусте земляники,
За тревоги неясные блики.

За нечеткие тени бизона

Я держусь. Я немного не в форме.
Мне песок угрожает скандалом.
Я пытаюсь держаться за скалы.
Ветер бьет по рукам все упорней.

Океанские лайнеры свечкой
Возвышались надменно в заливе,
И тяжелые мысли, как сливы,
Ударялись о разум, конечно.

Я держусь за соломинку страха,
За соринку из белого кремня.
За павлиньи блестящие перья.
За расплывчатый знак зодиака.

Все ушло, только серые лужи,
Засмотревшись на юный рассвет,
Вспоминали изысканный ужин
И старушку, курящую Кент.
И девиц в неглиже абсолютном
На траве в это раннее утро.

Беэр-Шева

Почему городские пейзажи
Притягательны до отвращения?
И кружатся снежинки из сажи,
Не прося у прохожих прощенья.

И зверинец с названием «город»,
Не любим, но навязчиво дорог.

Рассекая пространство плечами,
Встали улицы и перекрестки,
Обещаньем уюта прельщая,
Поглотили строенья-полоски.

И в подъездах, похожих, как мастик,
Зеркала приглашали на праздник.

Симметричность и скученность зданий,
Что зубами вцепились друг в друга,
Словно в гости пришли и остались,
И забились обиженно в угол.

На скамейках в зеленой обертке
Щебетали три милых красотки.

Пальмы стройные жили недолго,
Отравившись парами и грязью,
Тихо чахли, вздыхали без толку,
Их потом порубили на части.

То пейзаж под названьем «Беэр Шева»
Раскрывал раскаленное чрево.

Наверно, я что-то не понял

Наверно, я что-то не понял,
Наверно, я главное спутал
И голос услышал ненужный,
Но вот уже несколько суток
По танкам стреляют из пушек.

А может, стреляют по солнцу,
По стоптанным тапкам в прихожей.
Уран превращается в стронций,
Но только не сразу, а позже.

А может, еще не стреляют
И все еще можно исправить.
Вот ласточек длинные стаи,
Дорожки ухожены. Гравий.

А может, еще не сирена,
А громкие звуки оркестра.
Осколками вспороты вены
Спокойной, ленивой сестры.

Реальность бредового цвета
Готовит на кухне разбойник.
Уеду на дачу на лето.
Пусть смерть выбирает достойных.

Я уже умерла

Я уже умерла, но зачем-то читаю газеты,
Расстилаю постель, всухомятку жую бутерброды.
Узнаю по телевизору сводку недельной погоды,
друзьям по Э-мэйлу поздравления шлю и приветы.

Уже умерла и не ощущаю прихода зари,
Я не вижу нюансов в картине, написанной маслом,
Звуки дивные музыки слушаю словно с опаской.
И какие-то даты высвечивают календари.

Я уже умерла, но часы на загаженных стенах
Все еще говорят о каких-то задуманных встречах,
Только руки твои никогда мне не лягут на плечи,
Все окрашено серым, и в розовом серый оттенок.

Везёт кому-то не дожить

Везёт кому-то не дожить
До равнодушия к земному,
Где чувств серебряная нить
Разорвана, и не уплыть
Ни в море синее, ни в омут.

Везёт кому-то не познать
Предательство походки вязкой.
Цветных таблеток злая рать
Не помогает устоять.
Я под ноги гляжу с опаской.

Дождь С. Касьянова

«Дождь идёт на эшафот...»

Дождь, руки засунув в карманы,
Сопровождаем стаей черных облаков,
Замер в предчувствии гильотины.
Все в этом мире почти едины.
И продолжают путать волков и волхвов,
Принимая всех пророков за наркоманов.

Не наша в этом вина вовсе.
И капли, собираясь в дружную стаю,
Обрушиваются злой лавиной.
Вода становится вязкой глиной,
Четвертуя, разрезая и пронзая,
Не думая ни минуту о том, что после, .

Вгрызаясь в свое бесчувствие,
Как бешенный пес в проходящую ногу,
Обутую в красивый ботинок.
Все кончено – прорвало плотину.
И некому будет подводить итоги,
К нашим потомкам обращаться с напутствием.

Всё ушло, только легкий дымок

Всё ушло, только легкий дымок
От потухшей сигары
Сладким запахом трогал давно позабытые чувства.
И дешевый торшер с абажуром затейливым тускло
Нам высвечивал старый,
Давно зачерствевший пирог.

Сидели на крохотной кухне.
Электрический чайник
Был любимым предметом ушедшего в присказки быта
Стол, клеенка в цветочках глядела на нас ядовито.
И немного печально
Дремала кухонная утварь.

Время...

Полдень обрюзг и растекся по яркому солнцу,
Грязной ладонью пытаюсь схватиться за небо.
Он исчезал, и холодные стенки колодца
Новому часу дарили разгаданный ребус.

Плыли минуты, хрустели разбуженно краски,
Словно живые художники прошлых столетий.
Написано вроде как встарь, но, кажется, наспех,
И предлагают картины купить в Интернете.

Грозные фурии прошлого вроде незванны...
Ночь. Собирались под старым навесом колдуньи.
Пили вино, которое лилось из крана.
Новые дни покидали небесные стулья.

Скалы стояли над морем, витало презренье
Над угодившими жить в тот заоблачный полдень.
Новые жертвы, своей же сраженные ленью,
Плыли на остров, побед, поражений не помня.

Кораблекрушение

Всё дороги да дороги,
Тополя да тополя.
Реки быстрые, пороги
И суденышки – убоги,
Славу с вечностью деля.

Порешили измениться,
Изменить свой внешний вид.
Белый голубь в небо взвился,
Патриотом флаг струился,
И от чумки пёс привит.

Всё как надо получилось,
Всё как надо получилось,
И приказ идти вперед.
Пароход поплыл вполсилы,
Только что-то разозлило,
Знать, Нептуна, плачет кок.

Набирает силу ветер,
Шторм желает поглотить!
Эту шельму Бог пометил –
Страшно! Тину ловят сети.
Тихо губы просят пить.

Поэты двадцатого века

*На концерте Аллы Демидовой
10.2005*

Двадцатый век, поэтами беременный,
Разбух от их расхристанных стихов.
От толп – бегущих, плачущих, стреляющих.
От слова в черной кожанке – товарищи!
От сонма лиц пришедших не ко времени.
От вечного обилия врагов.

Двадцатый век, поэтами взлелеянный,
Когда слова – как пули между глаз –
Врезались, холодны и беспощадны.
Ловили люди в изумленье жадном
Слова-листочки, их к столбам приклеили,
Про гегемона, что рабочий класс.

В начале века пели или спорили,
Кучкуясь, отдаляясь от друзей,
Под псевдонимом пряча несогласие,
Бежали прочь с семейством или пассией.
Куда-нибудь – Берлин ли, Черногория...
Прощай, Москва-река и Енисей.

А кто остался – участь уготовлена.
Веревка, пуля или замолчать.
Иным совсем другое причитается.
Успеть простить и, может быть, покаяться.
Чинить весной с утра худую кровлю
И потчевать вареньем палача.

Гости

Разбрелись по комнатам сомнения.
Нарезала тонко сыр придирчивость.
Собрались на даче в воскресенье.
Пригласила всех на встречу вспылчивость.

В уголке в сером кто? Застенчивость.
В платье плиссированном, застиранном.
Макароны поливала кетчупом,
Неуклюже меж гостей лавируя.

Приближалось грузное презрение.
На гостей взгляд бросило — пронзительный.
Семеновало рядом опасение.
Будучи, как говорят, в подпитии.

Бродила вечность в черной парандже,
И было платье ей не по размеру.
Да и сама она пьяна не в меру
От встреч с моментом юным на меже.

Ширпотребские лица

Ширпотребские лица ухоженных дам,
Словно мрамором тронуты белым,
Поработал хирург и над телом,
Расставляя акценты по разным местам,

И мужчина по имени Гера
Называет богиней мегеру.

Нос, пожалуйста, третий по каталогу.
Силиконовый бюст аппетитный.
На лице ни морщинок , ни рытвин.
Ягодицы красивы, они элитны.

Королева стройна и прекрасна,
Но коварна и очень опасна.

Поэт доставал погремушки слов

Поэт доставал погремушки слов
Из карманов поношенных брюк.
Пытаясь развеселить младенца,
Он выкладывал словечки на стол.
Ублажая недовольный слух,
Завернув слова в полотенце.

Пролился свет, как молоко из крынки,
И луч застрял на серой паутине,
В ней хоровод растерянно водили
Нашедшие друг друга половинки.

Визжали рельсы, словно от восторга,
Свисали облака с покатой крыши,
А на дорогу грустный месяц вышел
И ночь пришла проститься, ненадого.

Разумных лиц размытые черты,
Въезжали на заезженной телеге,
И вверх тянулись нежные побеги
Невиданной доселе красоты.

Где-то мы разошлись , по дороге ведущей, ведомой
И усталая жизнь ожидает прихода парома.
Где-то там за горой пляшут солнца лучи на полянке,
Мне казалось порой , оживают они спозаранку.

И чужие слова закрывают и небо, и тучи,
А напев соловья всем живущим, наверно, наскучил.
В послезавтрашнем сне тают льдинки на теплой ладони.
В черной юбке плиссе я срезаю тростинки бегоний.

Гармонь

Играет истоиво гармонь
О всех потерях и утратах,
И смотрят окна виновато
На покрасневшую ладонь.

Гармонь – народный инструмент,
Она рыдает и тоскует,
Стреляет громко, вхолостую.
Закутавшись в пушистый плед,

Порой безудержный порыв
Веселья льется, словно пиво,
И гармонист без перерыва
Идёт басами на прорыв.

Разбужен криком сельский пес,
Он хрипло лает, недоволен,
Колышатся травинки в поле,
И мчится поезд под откос.

От пиара до пиара

От пиара до пиара
Мы, в предчувствии угара
От словесной шелухи,
Шли замаливать грехи.

От карет до самолетов,
Обливаясь липким потом,
Человечество брело.
Попадались Эн – Эл –О.

От цунами до пожаров,
То дворцы, а то и нары.
Между – несколько шагов,
Сотен пять расстрельных рвов.

Рвались ввысь – там ждет нирвана.
От протертого дивана
Члены трудно оторвать.
Повернуть хотелось вспять

Колесо тревог из жести,
Приходило чувство мести,
Редко искорки стыда,
Покаянье – никогда.

Ветер рвал в клочки одежду,
И слова, в которых нежность
Гасла, словно фонари,
В ожидании зари.

«Брось! – кричали оппоненты,
Сантименты, сантименты.
Жизнь – момент, горячий блин!
Умер старый Аладдин».

Мир давно живет иначе.
Нет везения, удачи,
Все просчитано давно.
В небе светится панно.

Что на нем? Кристаллы счастья.
Тигры разевают пасти
В предвкушении еды.
В подворотне спят коты.

Безголосые с эстрады,
Накрутивши вволю задом,
Получили миллион,
Ну а если где-то стон,

Не тревожьтесь — нету смысла,
Это садомазохисты
Развлекаются слегка...
И берёт меня тоска.

Заберусь в медвежий угол
Где ни недруга, ни друга,
Ни тусовки, ни пиара.
Я и жизнь — плохая пара.

Новый порядок

Верно ли это — деревья плачут?
Камни смеются в ночной прохладе,
Верно ли, синяя птица удачи —
Это феррари, брильянты, дачи
И примадонна в красной помаде

Улыбается для папарацци,
Демонстрирует новые груди.
Телохранитель красивый, с рацией
Смотрит с опаской – куст акации,
Может, за ним скрываются люди?

Верно ли будто вздыхают скалы,
Видя – тонет корабль в непогоду.
И бородатый штурман усталый,
Не выпуская из рук штурвала,
Медленно тоже уйдет под воду.

Верно ли, люди боятся смерти
И говорить о ней не желают,
Сопротивляются и возражают,
В семьдесят новых детей рожают.
В этой немислимой круговерти

Я вопрошаю себя под утро.
Солнечный луч, глаза протирая,
Мечется вновь между адом и раем,
Души усопшие подбирая,
Праведно живших, живших беспутно.

Вижу парней, пришли ниоткуда,
Место рожденья скрывал компьютер,
Их планы просты и ясны по сути,
Надежны – деньги в твердой валюте.
Парни готовят острое блюдо

Из пальм, лимузинов, небоскребов,
Белых камней, реклам сексапильных,
Из пары тиранов, весьма всеильных,
Кепок, прочих изделий текстильных.
Помешать бесполезно – попробуй

Улыбнуться улыбкой пророка.
Что случится, известно в деталях,
Они не любители танго, рока,
Точно знают — настала эпоха,
В которой тротил надежней стали.

За жизни продление платят в евро,
Торгуя почками или сердцем,
Слышишь, под звуки забытого скерцо,
Новый мужчина родит младенца.
У трети живущих расшатаны нервы.

Чьё время пришло, ветром сметая
Болтавших нам о чем-то хорошем?
В самом начале дождливого мая
Небо закрыла черная стая
Пока не известных, странных мошек.

Что могут мошки? Закрыли небо,
Солнце прогнали — кошку с дивана.
Где это случилось? Франция, Канны.
Во сколько? Пять утра, очень рано.
Выжили только те, кто там не был.

Дальше? Знаю, написан сценарий,
Где-то хранится в бункере, в сейфе.
Обещано много дыма и гари,
Людей исчезнувших отпевали
Добрые люди с лицами эльфов.

Новый порядок, не знаем скуки.
Приказ мобильному телефону —
Пусть беззаконие станет законом.
Ночь, в пустыне взорвали икону,
Подарок людям от добрых духов.

*На смерть Михаила Берковича
19.07.08*

Уходят поэты без пышных речей прозелитов.
Для пестрой толпы останутся в малоизвестных.
Уносят туда, в облака, все свои реквизиты
И смотрят на скалы и звезды с просторов небесных.

Уходят поэты, а их оппоненты вздыхают,
Что не с кем сегодня поспорить о табели рангов,
И Миша с Чингизом поплыли в заоблачной стае
Из птиц перелетных, охотникам станут приманкой.

И может быть, птица подстрелена выстрелом точным,
Что падает медленно в поле в густую осоку,
С собой унесла ту, последнюю главную строчку –
Подарок поэту далеких небесных пророков.

Поэту назначено время рожденья и место,
И вписана молча последняя дата конвоем.
Случится, покажется плоть и вселенная тесной
И выпорхнут строки из пухлых тетрадок на волю.

*Посвящается Леониду Пташке,
замечательному джазовому пианисту*

Маэстро пробовал играть
На чуть расстроенном рояле.
Жевали пиццу в шумном зале,
И крик – «сюда, быстрее, Кать!»

Носились пальцы, клавиш блеск
Взрывался, потакая джазу,
Но посетители ни разу
Не проявили интерес

К тебе, сидящему без нимба.
Уроненной тарелки стук -
Голов движение на звук
Бывало скучно и обидно.

Судьба с младенчества тебе
Дарила столько побрякушек!
Речей хвалебных не дослушав,
Стал новоявленным ОЛЕ.

Еще не признанный, с порога,
Себе твердивший – «Я пришел,
И я играю хорошо,
И мне талант подарен Богом».

Неужто мутные глаза
Замотанной официантки,
Она замешкалась со сладким,
Кому-то чай не принесла,

И больше ничего не будет,
Где залы с криками «ура»?
Ты встал – «Мне уходить пора!»
«Куда?» – «Туда, где джаз полюбят!»

Зажмурюсь, заиграю джаз,
И будут пальцы, как шальные,
Играть видения лесные
И кто-то крикнет громко – «Класс!»

И ты узнаешь – посетитель,
Сидел угрюмый за столом
И пил тогда кубинский ром,
На даму жаловался Вите.

Тогда тебя не замечал
И звуки джаза не расслышал,
А ты играл, котяра рыжий.
Хвостом в такт музыки качал.

Ты явно был тогда в ударе
Взрывая чопорность мелодий.
Вернули нимб, рояль и подий.
И шепот – «гений этот парень!»

Оле – новоприбывший в Израиль

Уж сорок лет минуло с той поры...

Посвящается моим сокурсникам

Уж сорок лет минуло с той поры
Когда встречались мы в анатомичке
И молодость сопровождала нас.
Все изменилось... Яркий свет погас.
Но голос сохранился и привычки.
Вокруг толпа веселой детворы.

Но кто они? Детей неюных дети,
И наши внуки — водят хоровод.
Лопочут что-то громко на иврите.
Мы им не скажем — просьба — не шумите!
Запретов «нет» — не знающий народ,
Родившийся в ином тысячелетье.

На все у них другой, свободный взгляд,
А мы устали, превратились в точки.
Мы звездочки, ушедшие с небес
В иное измерение — прогресс -
Жизнь отражает, но не очень точно,
Выхватывая даты наугад.

Вандея

Опять земля горит и, сатанея,
Стреляют пушки и гранатометы.
Российская, чилийская вандея,
И мальчишки, навечно холодея,
Уж не сыграют Моцарта по нотам.

Идейные насилуют идеей,
И толпы, что разнятся лишь в одежде,
Парады гордости, лобзанья страстных геев,
Плакатов много, не жалеют клея,
Грозятся ставить крест на жизни прежней.

Поставили. А дальше ? Беспредел.
Как много крови пролито за братство
Кричишь, что ты не этого хотел?
От ужаса почти остолбенел.
Но заставляют лгать и улыбаться.

А улыбаться, собственно, чему?
Предательству, что празднует победу?
На нас наслали голод и чуму
И руки, что сегодня я пожму,
Принадлежат вору и людоеду.

Мне лгут в глаза про жизни карнавал,
Трясет богатый трешкой миллиардов,
Кроят историю, хватило двух лекал.
Красавицы съезжаются на бал.
Астролог задремал за звездной картой.

Он собирался предсказать виток,
Очередной , спад котировки акций,
Всему на свете свой приходит срок.
Играет музыкант тяжелый рок.
И говорит – пришла пора прощаться.

На задворках империи

На задворках империи
Я построю шатер
Мне два метра отмерены
У подножия гор.

За пригорком проталина,
Покраснел желтый лист.
Птицы дружными стаями
Огибали карниз.

Ночь тревожится, шорохи
Рассыпая, как медь
Все, что было мне дорого,
Никогда не иметь.

Были окна зашторены
В придорожном кафе.
Замок белый построили
Мы с тобою, но где?

Что за узкая лестница,
Коридоры, проем.
Жизнь с лихвою поместится
В кадре даже одном.

Что там будет? Распутица.
Гром и радуги блеск.
Полутемная улица
И не понятый текст.

Буквы вроде знакомые,
Не ложатся в слова
Выходила огромная
В белых туфлях луна.

Я буду поклонятся камню

Я буду поклонятся камню
Мне говорят, он тоже дышит
И исполняя волю свыше
Неверных покарает Гамлет.

Столетия мучился вопросом
Терзал в бессилии рассудок.
Сегодня стая серых уток
На месте замка, молча сосны

Кивают головой пришельцам,
Доныне не угомонились,
Давным-давно закрыта дверца
В мир, где гармония идиллий.

В роскошном убранстве столетья
Одев парчовые камзолы,
Орудя мечом и плетью,
Берутся извести крамолу.

Крамола множится, жиреет
И саранчой сидит на ветке.
В Анголе или Эритрее
Стреляют, пусть не очень метко.

Две трети мимо, не попали.
И все же треть попала в точку.
В средневековом карнавале,
Где даже ангелы порочны,

Нам раздавали комплименты,
Похожие на выстрел в спину.
Крамола подложила мину
И удалилась незаметно.

Мои стихи – несчастные бродяги

Мои стихи - несчастные бродяги -
К чужой душе пытались подойти.
И с тылу заходили и с фасада,
Хотели видеть сны Шахерезады
И встретить ангелов, но только во плоти.
Или гулять по переулкам Праги.

Все те, к кому стихи входили днем,
И те, к кому стучали темной ночью,
Бубнили – видеть не дано воочию,
Как выглядят удача и бином.

Мои стихи крикливы и тихи.
Брели под окнами, и музыка играла,
Зал, дамы пили красное вино,
Но вновь душа спускается на дно
Искать на рифах красные кораллы,
А может быть - замаливать грехи.

Мы продлеваем жизнь

Мы продлеваем жизнь,
Мы продлеваем смерть,
И не остановить
Нам эту круговерть.

А ты уже не тут,
Но ты еще не там,
Вот ангелы несут
Тебя в небесный храм.

Мы продлеваем жизнь.
Месяц, неделя, час...
В желтое поле ржи
Ночью упал фугас.

Мы продлеваем стон,
Пусть на десяток дней.
Злой ворожке назло
Через пару недель.

Ты возвратился — жизнь!
Медленно входит в плоть.
Путаешь падежи,
Слабость не побороть.

Розовы облака!
Ты остаешься жить !
Дерево, стол, река
Новые рубежи.

Нам освещают путь,
Ангел махнет крылом.
Будь, улыбнется, будь!
Позабудь о плохом!

Мне тени молча ворожили

Мне тени молча ворожили
В потусторонней тишине,
Где нет ни воздуха, ни пыли,
Где очаги давно остыли.
Пришло прозрение ко мне.

На перекрестке свет зеленый,
Я проезжаю не спеша,
Гремят товарные вагоны,
И стрелочник, немного сонный,
Бредет от холода дрожа.

На полустанке пахнет мятой,
Гуляет ветер по холмам,
Почти к пруду прижались хаты,
И чей-то голос виноватый
Читает сказку по губам.

Я там бывала, но давненько.
Век удалился на покой.
В том веке не купить за деньги
Ни пруд, ни этой деревеньки,
Ни старой ивы над рекой.

Иные правят нынче люди .
В тысячелетье номер три.
О прошлом начисто забудем,
Разбавим силиконом груди
И над вселенной воспарим.

На дирижабле, вертолете
Воздушный шарик подойдет.
Коньяк французский – «я не против».
Где отдыхаете – «в Боготе.
Да мы купили пароход».

Мне тени ночью ворожили.
Я понимаю их без слов.
Мы здесь, на этом свете жили,
Увязли ноги, словно в иле,
Закрыли души на засов.

Манили горы и рассветы.
Пушистый лес, снеговики.
Дымок последней сигареты.
А мир иной, что ждет нас где-то,
Не вспоминаем, не с руки!

Ты усмотрел в пригорке бытия
Любезный свет, проваренный в крахмале,
Оттенками блестя холодной стали
И вспышками шипящего литья.

Ты разложи с порога пасианс,
Повсюду пахло сыростью и тленьем,
Фатальным, непонятым невезеньем
Играли марш, кривлялся контрабас.

Убегаем, убегаем,
То в страну, где попугаи
Булку кушают с руки,
То туда, где лед стеною,
Улыбаемся прибою.
Где замаливать грехи?

Может быть, в песках Дакары
Или в брызгах Ниагары
Отдохнем от нудных дел.
Или - степь до горизонта,
Аккуратное Торонто,
Стены белые, как мел.

Самолеты, самолеты,
Пересадки, как по нотам,
Перелет семь тысяч миль.
Почему-то стало душно,
А в пространстве безвоздушном
Облака прикрыла синь.

Сходим радостно по трапу.
Где развалину Урарту?
Где Родезия и Смит?
Много новеньких названий,
Стран, которые не знали.
И в глазах уже рябит.

Византии нет на карте,
Много лидеров и партий,
Каждый править норовит.
Снова кто-то делит землю.
И опять людское племя
Станет пешкою в гамбит.

Что такое совместная память?

Что такое совместная память?
Воробьи на крыльце незнакомом,
Ветер пробует сбросить с моста,
Снег пушистый кидаем горстями,
Запах кофе, кубинского рома
И узор незнакомый листа.

Лист зеленый страны африканской,
Солнце падает лавой на плечи,
Птицы в сказочном оперенье.
Ужин, в номере яркие маски.
Обезьян разношерстное вече .
Два масая из красной деревни.

Не отнять, не сменить на другую
Нашу память — зеленые ели,
Льды далекой холодной Аляски.
Капри — в лодке, в страну голубую
Плыли вместе, а помнишь — метели
Неприятные — бурой окраски.

Наша память не делится на два,
Мы с тобой в ней навечно едины,
Проплываем по бурной реке.
Усмехнешься, «всё это неправда!»
Но, дрейфуя на собственной льдине,
Вижу твой силуэт вдалеке.

Я перестала чувствовать, любить ...

Я перестала чувствовать, любить,
И запахи мне стали незнакомы,
А мысли, как и прежде, — невесомы,
Все продолжают паутину вить .

Я перестала узнавать себя.
Что главное, а что второстепенно,
Слова бесцветны и бесцветны стены.
Чирикание не слышу воробья.

Я перестала понимать людей,
Что их волнует — мне не интересно.
И эта жизнь враз показалась пресной.
Со всем согласна, говорю: О кей!

Противны голоса, звонки замолкли.
Ушли друзья, я в каменной норе.
А может, в старом замке на горе.
И только по ночам здесь воют волки!

Как выйти снова в тот прекрасный мир,
Где птицы, пахнет яблочным вареньем,
Где люди, дети, церкви, песнопенья?
Где на десерт дают французский сыр...

Где нет противных мокрых скользких стен,
Где музыка и громкий шум прибора,
Где мы с тобою вместе — двое, двое!
И не на миг, а снова насовсем.

Ах, поэты! О чем это вы?
Снова ставите палки в колеса
И святое берете без спроса,
Чтобы спрятать в глубокие рвы.

А потом доставать по кусочкам
Черепки, потемнела эмаль.
Говорите с потомками? Жаль.
Не услышат они даже строчки.

А святое быльем поросло,
Разложилось на мелкие части,
И цветочками львиные пасти,
Хорошело прогнозам назло.

А поэты из новых совсем,
Без очков, две наколки и пирсинг,
Обращались к назойливой прессе,
Раздавая по истине всем !

Я тебя придумала, и ладно,
Поживи в моих тягучих снах.
Вот иду по лестнице парадной,
В платье длинном шелковом, нарядном,
А в глазах застыл все тот же страх.

В Париже тикали часы
Все так же нудно, как в Алжире,
Мы на земле когда-то жили,
Как эти капельки росы.

Как листик пожелтевший клена,
Как воробей на проводах,
Стоит, ссутулившись, Сорбонна,
Грустит по прошлому Рейхстаг.

На старых пожелтевших снимках
Рахель и семеро детей,
В ней бородатый иудей
Стоит в начищенных ботинках.

У нас технический прогресс
Закрыв ненужные проекты,
Магендавид, нательный крест,
И постепенно незаметно,

Но исчезают имена
Любимых стран и старых улиц,
Как прежде все решают пули,
И правит миром черный страх.

В Париже тикают часы,
Который век не уставая,
Блестит задорно мостовая,
И ночью светятся мосты.

Новый день

Новый день, новый век, новый путь,
О любимом моем не забудь
На молитвенник капнет слеза,
Между нами три тысячи верст,
Пусть помогут тебе образа,
Что печаль принимают всерьез.

Новый день, новый путь, новый век
И еще один маленький грех.
Мир гремит, раскален добела,
Деньги, страхи, былины и быль.
Если к Богу дорога вела,
Успокоит небесная синь.

Новый век, новый путь, новый день.
На причастие галстук надень.
Застывает в сосульки вода,
Снова каплями падая с крыш.
Это было и будет всегда.
И такой же растрепанный чиж.

Станет бурно приветствовать тех,
Кто придет после нас, будет снег.
Будут так же сиять купола
И иконы в окладах простых.
А сегодня сирень расцвела,
И бушующий ветер вдруг стих.

Я еще поживу

Я еще поживу, я еще подышу
Кислородом, озоном и дымом,
Я еще поплыву, я еще попрошу -
Оставайся со мною, любимый.

Я хожу по траве,
На холодной Неве
Раскричались горластые чайки.
Наяву ли, во сне
Дни подарены мне,
Бьют они по спине, как нагайки.

А еще в небесах
Был таинственный знак,
Послан мне, я его разгадала.
Невесомыми мыслями полон рюкзак.
Раздавали толпе из веселых зевак
Обещанья, как ломтики сала.

Заблудился в осенних дождях
Тонкий лучик осеннего солнца.
И колючие тучи чернели над серой землей.
Твой промокший пиджак
Вдруг напомнил мундир полководца.
А дождинки солдат, что вступают решительно в бой...

Поэты милые, пожалуйста, не надо!
На что сдалась вам эта вечная прогулка!
Все ходите от рая и до ада
И шепчете стихи по закоулкам.

Кого, мол, встретил в райских кушах, на подходе,
Какие сплетни ночью ангелы шептали,
Привиделось в арбатском переходе,
Мужик небритый торговал ужами.

С богами вы на «ты», обедали в Арагви.
И угощали их, ничуть не экономя.
Был Аполлон с красивыми усами,
И Зевс там был, ты это точно помнил...

Мой Господь

Мой Господь, у тебя много раз я просила прощенья
За бездарность минут и часов проведенных бездумно,
За бесчувственность, вялость, унынье, за глупое чтенье
И за встречи с друзьями в компаниях шумным.

Мой Господь, я искала тебя, заблудилась у храма.
Вот дорога знакома и липы растут на лужайке.
У прохожих спросила, куда — объяснили, мне прямо,
Перед храмом как прежде, сутулясь, сидят попрошайки.

Я стою в стороне, и меня не допустят к причастью.
Не приемлют меня ни католики, ни иудеи.
А душа моя рвется, куда? Разрываюсь на части.
И от мысли одной, что дорога заказана в храм — холодею.

Хоть кричи, хоть не кричи

Хоть кричи, хоть не кричи,
Все едино,
Все без пользы.
Записали в палачи,
Список длинный,
Спросят после.

Как попался на крючок
Пропаганды,
Что звереет.
Ел горячее харчо,
А в Руанде, Эритрее,

Кровь лилась не ручейком,
А рекою,
Не заметил.
Разговоры вечерком
Сколько стоит
Сыр, спагетти.

Мы решили наказать,
Провинились,
Хулиганы.
Отступило время вспять
Всех убили
Утром рано.

А кого-то по ночам
Убивали
Бомбы, бомбы.
Только стоило начать
В Гватемале
Или в Конго.

Но сегодня рядом, вот
В Палестине,
Сектор Газа,
Не какой-нибудь Пол Пот,
Сердце стынет
У спецназа.

Все в порядке, им страна
Поручила,
Так и надо
Улыбался сатана
Очень мило,
А из крана.

То ли слезы, то ли кровь
Или вместе.
Жизнь застыла.
Разум вышел на покой.
Чувство мести
Победило.

Записали в палачи
Нынче скопом,
Не желаю,
Что мне делать, научи!
Из окопа
Вылезаю.

А куда, к кому примкнуть
Стоп, сирена,
Нету тыла
И волной высокой, жуть,
Даже стены
Затопило.

Война

Я войну ненавижу,
Я войну презираю,
Как навозную жижу.
Молча губы кусаю.

Ничего не умею,
Ни на что не влияю.
Вижу, люди звереют.
Я от них отступаю.

И стою в отдаленье,
Но война на подходе
И мое неуменье
Очевидное, вроде,

Раздражает умелых,
Заряжающих пушки.
Даже руки вспотели,
Стоны глуше и глуше.

Мне сказали, я должен
Понимать - враг опасен.
Дымом дом запорошен,
Взорван был на фугасе.

Я войну ненавижу,
Нет войне оправданья,
Черепичная крыша,
Трехэтажное зданье.

А теперь только мусор
И обломки бетона.
Клок волос темно- русых
На развалинах дома.

И расходятся волны,
Волны боли и мести.
Ой, опомнитесь, полно
Погружаться в бесчестье.

*«И, как прежде, земная округлость
за собою поманит меня»*

Г. Ботвиник

Посвящается Григорию Ботвинику.

Закружились туманы, заспорили тучи.
Ангел тихо вздохнул перед дальней дорогой.
Среди хаоса мыслей и спешки трескучей
Был знаком он пока еще очень не многим.

Били в инее строки, караси да коряги,
Были искорки солнца и мордочки лисьи,
Были молнии пьяные, тучи-бродяги,
Кружева паутины на бруснике повисли.

Мы о многом с тобой не успели поспорить,
Поделиться восторгом от словесной метели,
И колышется слов недосказанных море,
И противная фраза — уже не успели.

От полярных ночей до Беер-шевского неба
Проплывают года на нарядных гондолах.
Пусть играет трубач, он награды не требует,
И звучит над землей одинокое соло.

Я хочу быть с тобой

Я хочу быть с тобой,
Но зеленые тени разлуки,
Словно вороны, сердце клюют, как зерно.
Океанский прибой
Приносил новый день невезухи,
И куда не помотришь, проносится странное НО.

Я хочу быть с тобой,
Мне твердили – ты просто смешная,
Разум, видно, оставил тебя по прошествии лет.
Удивленной совой
Я на ветке сосны восседаю.
И кукушка шальная глядит мне с презрением вслед.

Я хочу быть с тобой,
Что мне доводы, сплетни, расклады.
Только руки твои и пугающий голос небес.
Помню ранней весной
Удивительный смех снегопада,
Ослепительный иней и сказочно яростный блеск.

Я хочу быть с тобой.
Ветер гнет свою линию снова,
Пригибая к земле и сосну, и зеленую ель.
Мне казалось порой,
Что посланники демона злого
Открывают без стука мою незакрытую дверь.

Я хочу быть с тобой.
Пусть ненадолго, лишь на мгновенье.
Проступали на стенах глухие раскаты грозы.
И пугающий зной
Отключает и слух мне, и зренье,
А на кончиках пальцев - прохладная завязь росы.

Я хочу быть с тобой,
И не стоит игратья словами,
Нянчить их, словно раненых птиц на зеленом лугу.
Мне не нужен другой.
Не владею ничем, даже снами,
В этих снах я опять за тобой по дороге бегу.

Демократия

Я трогал её руками,
Держался за шлейф горящий,
Когда дотлевали села.
Она, как эпоха, — бесполо.
Похожа на старых прачек,
Держащих за пазухой камень.

Мне громко кричали в ухо,
Что надо идти быстрее,
Не делая остановок,
А нагроможденье коробок
С сахаром для Эритреи.
Перемешались звуки.

Их надо поставить в колонны,
Жаль, двигались по-черепаши,
Перебирая плакаты,
Торчащие, как заплаты
Джинсовые на рубашке,
Не надевай капюшона!

Вперед пролезали все те же,
Они в хороводе криков
На выкуп несли доспехи.
Крутили пластинку Пъехи.
За стеклами модных бутиков
Светло. Свет глаза мне режет.

Косились на рестораны,
Которые были закрыты.
Замки подпирает ужас.
Он здесь на полставки служит.
Пугливый, не деловитый.
Но преданный, как ни странно.

Вот этой закрытой двери
И вежливому швейцару,
Живущему по соседству,
Усталому от оркестра,
Он розовощекий, не старый.
Во взглядах всегда умерен.

Не станет писать граффити,
Искать микрофон на сцене
И выкриками кидаться.
Кусты белоглазых акаций
Его непременно ценят,
Но водоворот событий.

Все больше кружит волнами
Серебряные надежды,
Из них понашили костюмы.
Крадутся коварные пумы.
А люди зажаты между
Реальностью дней и снами.

Словечко разряда шумных,
Зовущих менять устои.
Уничтожать коварных,
В Бангкоке, на Капри, в Варне.
Но кто они - эти парни? -
Что в точности знают — стоит
Держать дураков за умных.

Держать пустоту в подругах
И ей же слагать сонеты,
Призвать покорять вершины.
Богатство, успех, нажива.
И громкие крики ветра
Гоняют коня по кругу.

Словечко вручили — ДЕМО,
Сказали — оно волшебное
И всех переносит в счастье,
Которое с волчьей пастью,
Бессовестно и никчемно.
Давайте закроем тему.

Плети свои стихи

Плети свои стихи, как кружева,
Плети как веники и как венки ромашек.
Шей сарафан из них и чебурашек.
Покуда солнце – ты еще жива.

По травке походи, пока светло,
Пусть жжет крапива ноги напоследок.
Я на охоте, я иду по следу
Строки, что сожжена была дотла.

Строка ведет меня за горизонт,
За бытие и за предел вселенной.
С чего ты взял? Я не вскрываю вены.
Как человек, с дивана смотрит кот.

Джазбенд

О, эти песни молодости нашей,
Не знавшей Эл Эс Ди и даже крока,
В экстазе после первых звуках рока
Рукоплескавшей Толе, Вове, Паше.

Вы в свитере с названием «водолазка»
И в джинсах, и не просто – фирмы «Леви».
На мир уже взирали без опаски
И верили – у нас счастливый жребий!

Посвящается Е. Рейну

Где- то Заячий остров, Фонтанка,
Фонтенбло и Манежная площадь.
Всадник каменный, рыжие панки,
Кот бездомный мяукает, тощий..

Все досталось уже при рождении,
Город, улицы, люди, музеи,
Фонари, «лягушатник» , идеи
Петербургских великих, где гений

Был приятелем, даже соседом,
Заходил рано утром и в полночь,
Часто вместе ходили обедать,
Много всякого, разве упомнишь?

Разговоры, стихи или проза,
Гром открытий, поездки, поездки,
Много славы и снова воссоздан,
Твой, тобою придуманный Невский.

Все уходит на зыбкой земле.
Смоют волны прекрасные строчки
Может к лету, а может - к зиме,
Мысли так же, как чувства, — непрочны.

На задворках ушедшей судьбы

На задворках ушедшей судьбы
Ожиданье последнего всплеска
Замирает в полете стамеска.
Вместо бюста, пустые столбы
Из бетона, скучны и бесстрастны,
Между ними трава не растет,
И попрятались чувства вдруг в дзот.
Да и были ли, тоже не ясно.
А у памяти крепкие руки.
Разгребая валежник из лжи,
Я молила ее – подсажи,
Как забыть эти старые звуки,
Как уйти от усмешек твоих,
Что прижились навечно в сознанье.
До фундамента взорвано зданье,
Но по-прежнему призрачны блики.
Не дают оторваться уйти
В новый день, где теплится надежда,
Где мужчины в красивых одеждах,
И улыбки сердечны, почти...
На запястье надену браслет,
Серебро и рисунок занятный,
Только мысли бесцветны и ватны,
Вырождаются медленно в бред.

Кто?

Кто напал? На кого напали?
Кто убитый лежит в песке?
Где? Бишкек, Тель-Авив, Цхинвали?
Пуля прочно застряла в виске.

Кто стрелял? Калашников, узи?
Бомба с милым названием «пластид».
Во врагов записали Грузию,
Заодно всех живущих грузин.

Кто кого? Сообщают новости,
Дикторша сегодня в красном.
Правду замалчивают из робости,
И скорей всего – не напрасно.

Убитые одинаковы.
Лежат на земле без движений.
Где? Мадрид или Акко ?
Почему так много мишеней?

Они сначала бегут, движутся
От одного дома к другому.
Смерть продвигается все ближе,
Стреляют уже по неживому.

Кто рыдает, не понимая сути, –
Остался на земле без любимых.
Кто приказал? Саакашвили, Путин?
То, что случилось, – непоправимо!

С экрана тупо взирает мальчик,
Рядом ни бабушки , ни сестренки.
Где? Сиракузы, Кабул, сектор Газа?
Лопнула барабанная перепонка.

Кто виноват ? Кому какое дело?
Оказался не там, где надо. Точка.
Пуля, которая рядом летела,
Приговор подписала досрочно.

Освети мне дорогу

Освети мне дорогу
В это царство теней.
Я иду на подмогу,
Эвридика, Орфей
Здесь встречаются, чтобы
Улыбнуться хоть раз,
Но смотреть надо в оба,
Чтобы свет не погас.
Чтобы голые ветки,
Словно остов костей,
Не тревожили предков,
Не несли им вестей
Из безумного века,
Где колючки – слова,
выдают на потеху
У расстрельного рва.

Снег снежинками богат

Снег снежинками богат,
Как море каплями.
И вращали берега
Ногами ватными.
То в коричневый камыш,
То в проталины.
О судьбе поведал чиж
Грустный маленький.
Пел протяжно и кивал
Укоризненно,
Много он наколдовал
И завистливый.
Ветер дунул на него,
Бестелесного,
И с порывом унесло
Ветра резкого.

Много ли, мало ли в жизни моей
Любовь случилась, случилась дважды.
Но не такая – весна , капель,
Квартира в доме многоэтажном...

Много ли, мало ли, но умирать
В душе приходилось, увы, многократно
Поминки по жизни своей справлять
И понимать – всё на свете превратно.

Наше последнее лето

Спой, дружище, про дам нарядных
И про дом, где в гирлянды сплелись фонари.
Где компьютер работал до самой зари,
Повествуя о чем-то досадном.

Дом стоит, там другие живут,
Много мебели, мало пространства и смеха.
По телевизору снова Леонтьев и Пьеха.
И все та же калитка и тот же мелеющий пруд.

Я случайно забрел на чужой юбилей,
Проходя мимо нового, синего цвета забора,
Ощутил себя в роли карманника, мелкого вора,
Что украл у судьбы всего несколько дней.

Никому не показывал их , самым главным секретом
Поделиться не смел ни с друзьями, ни с близкой родней.
Помню каждое слово, старинных будильников бой
И сиреневый куст. В это наше последнее лето.

Посвящается М. Г.

Поэт плевал на все условности
И на уколы бледной совести.
Плевал с высоких этажей.
Любил порою нецензурности,
Слова вытаскивал из урны он.
В почетном обществе бомжей.

Бывало, что ругался матерно,
Нетрезв был засветло и затемно,
Вступал в идейный диалог.
Ответы получал по случаю
И на катушку их наматывал.
Потом распутывал, как мог.

Пророков множество цитировал,
В хороших отношениях с Иродом
Был, как ни странно, поощрял.
Гулял по пляжу в шортах с пальмами
Пил ром со шлюхами вокзальными,
И все их глупости прощал.

Бывало, спорил и с Мухаммедом.
Был явно против нас, не с нами он...
Вдруг мир исчез, как торт безе.
Мол, где он, мир, адепты спорили
И даже пели ораторию,
Но на нейтральной полосе.

А где гранатометы, выстрелы,
Там правды нет, сплошные вымыслы
Про справедливость пела лесть.
И там ходил поэт с винтовкою
С Сережей, Сашей, Павлом, Вовкою,
А рядом ханжество и спесь.

Потом писал углем, не ручкою,
Спал с медсестрой, противной сучкою,
Ну просто не было другой.
Врал Моисею или Якову,
Про то, что не ходил в атаку он.
Хотя ходил два раза в бой.

Врага любил, любил особенно,
Был не в ладах с собой и родиной,
Так полагается – еврей...
Народец маленький, неистовый,
И аферисты в нем, и приставы
И кардинал, что всех важней...

Поэт один, ему всё по фигу,
Как будто наглотался опиум.
Он свыше получал сигнал.
При жизни был посажен в классики,
Но ни в Европе и ни в Азии
Его не ждали у себя.

Он неудобный, стих разгуливал
По Дизенгофу или пулею
Влетал в спокойный тихий дом.
Где мрамор и паркет начищенный,
Ну современное жилище там.
Все хорошо, не нужен бром.

Ну а поэт – он богохульничал,
Порою презирал и умничал,
Господь призвал, давай иди.
Теперь они сидят на лавочке,
Поэт листает толстый справочник,
Но не покаялся, поди.

Года рискнули наплевать
На всепрощающую нежность,
Она не нравилась прохожим,
И лезли словно бы из кожи
Мне доказать, что все как прежде —
Есть в алфавите буква — ЯТЬ,

Но это было сновиденье —
Где догорающий закат
Пытался спрятаться за скалы,
И был он чуточку усталый,
Как лампочки в шестнадцать ватт —
Не в силах осветить растенье.

Посвящается художнице С. З.

Оттенки красного
Разбрасывали тени,
Ложились складками
На стройных балеринах.
Победу празднуя,
Красавицы летели
И таинством манила пелерина.
А жизнь неистово
Вздымалась и крутилась,
Жабо, браслет и красная накидка,
Художник, выставка,
И на холсты ложились
Твоя любовь, бессонница и пытка.

Господу

Я знаю, Ты со мной,
Но почему так плохо,
В телесной шелухе не нахожу покоя.
И летом, и зимой
Живу в завесе смога
И чувствую себя законченным изгоем.

Я знаю, что Ты есть
И на краю последнем
Поможешь перейти за грань, где нет материй.
А может, это месть,
Подарок старой ведьмы.
Живу я далеко, в пустыне, где империй

Давно победный марш
Звучит как похоронный,
И сумрачный верблюд жует надменно жвачку.
Растрезанный коллаж
Из Лувра и Хермона
Оставила себе на память, как заначку.

Прошу еще бокал,
Прошу еще денечек,
Бессовестно забыв, как много задолжала.
Разбуженный финал
Увы, предельно точен,
Он в образе кого? Старушки обветшалой

А может быть, кота,
Наверно, рыжей масти
И обладателя огромного хвоста.
И серая беда,
И черные напасти
Предскажет удивленная весенняя гроза.

Хамсин

Завывал на балконе хамсин,
Словно раненый волк перед смертью.
И в безумной кружил круговерти
Две открытки в нарядном конверте,
И о чем-то своем голосил.

Ветер смолк, и пришла тишина
Посмотреть на деяния Вия.
Виновато молчала стихия,
Успокоились ветки сухие,
Пыль на серую землю легла.

Показалось – пришла передышка.
Ночь спускалась по мрачным пригоркам
И кузнечик брюзжал, балаболка,
А зеленая пыльная елка
Растеряла последние шишки.

Что хамсин, покрутил головой?
Разбросал, растрепал, разбазарил,
А потом вдруг рассеянно замер
И умчался в тревожные дали,
Оставляя коричневый зной.

Пожелтела, пожухла трава.
У машины песок на капоте,
Испугался, мяукает котик.
Пес дворовый в восторге, напротив
Новый день протирает жернова.

На шестой параллели заблудился скиталец

Две красивые тени
Пригласили на танец.
На шестой параллели
Заблудился скиталец.
Говорил, что по пьянке
Перепутал дорогу.
Шли колоннами танки
Мимо белых сугробов.
Лязг брони приглушенны,
Чаек нервные крики,
Пахло лесом сожженным,
Пахло смертью безликой.
Ничего не случилось,
Просто танки колонной.
Время тихо сочилось,
Замерев на погонах.
Звезды позеленели
В ожиданье атаки,
Зная твердо — везенье —
Это красные маки,
Что увидел украдкой
В амбразуре прицела.
Ты зажмурился сладко,
Улыбнулся несмело.
Мины здесь против танков.
Танк взорвался, но рядом.
Манит жизнь, как приманка,
Блестки крупного града,
Словно слезы ушедших,
Все стучат по капоту,
Не согласен на меньшее,
Жизнь разыгрывал в лото,
Может, номер сошелся
Со счастливым билетом,
Но приказы все жестче
Отдавали при этом.

Капли пляшут чечетку

Красный, желтый, оранжевый,
Капли пляшут чечетку.
Погребенные заживо
Краски стали нечетки.
И исчезли в мгновение.
Сверху льются потоки.
И приходит забвение
Той, ушедшей, эпохи,
Где цветастая радуга
Вызывала восторги,
Где любили – так надолго.
В доме книжные полки.
Где смеялись и спорили,
Пили ром или плизку,
Эйфория – эйфория,
Апельсин золотистый.
Чувства яркие, сильные
Разбивались о скалы.
Небеса были синими,
Разноцветными страны.
Ну а нынче – бессонница
И случайные люди.
Не добры, не бессовестны
Яков, Эхуд и Ури.
В развороченной пропасти
Смерть свернулась клубочком.
Мы охвачены робостью.
Все непрочно, непрочно.
Дом песчаный скукожился,
Ветер носит песчинки,
Снова прошлое ожило
И пришло на поминки.

Горы морщили губы

Горы морщили губы в презренье
К развивающей пену волне.
И русалки на илистом дне
Напрягали усиленно зренье.
Что пытались они разглядеть?
Одиноких овечек на скалах.
А вода с обожаньем ласкала
Неподвижную горную медь.
Разгорался румянцем рассвет,
Предвкушая лавину событий,
И сплетались случайные нити
В незнакомый доселе портрет.

Поэту

Ты пиши, поэт, пиши.
Проживаешь на гроши,
Что дадут.
В комнатенке нет тепла,
Почитателей толпа,
Но не тут.
За окном завис хамсин,
Он пустыни первый сын.
Просто жуть.
Крики женщин во дворе.
Ой, как это не по мне.
Не вернуть
Той квартиры на Тверской.
Упиваешься тоской
По себе?
Разгорается рассвет.
Кем воспет он, кем отпет
На земле?

На Гавайях не бывала и на Кубе,
Даже в Хьюстоне мне жить не приходилось.
Чужаков и тут, и там не любят,
Так что я нигде не пригодилась.

Не ходила в консульства с анкетой.
Мол, пустите, сердцем прикипела.
Видно, нелюбовь была ответной.
Так что ни о чем я не жалела.

Так живу, в изгойстве изгаляясь
Над собой. Запуталась в шифоне.
На свои, на кровные, гуляю,
В честь чего — никто еще не понял.

Тучи

А тучи шли на водопой,
Покрыты белыми платками,
И горизонт кричал — «я с вами!»
И вдруг исчез в небесной яме,
Упавший со скалы ковбой!

А тучи в розовых лучах
Всеплыли по рельефной кромке,
И голос был с земли негромкий,
«Верните гейзеры и сопки,
Не потеряйте, сгоряча!»

Горел закат, желтел равниной,
Огромной, солнцем раскаленной,
Пустыней, скованной и сонной,
И в то же время невесомой,
Он слушал голоса песчинок.

Мы с жизнью не поладили по-крупному,
Не говоря уже о мелочах,
То замерзаю я в прохладе утренней,
То жарко мне и замедляю шаг.

Я в чужое безумье вхожу, как в раскрытые двери

Я в чужое безумье вхожу, как в раскрытые двери,
Две девицы, смеясь, предлагали попробовать грога,
И смятенье мое было им очевидно с порога.
Обещали мне счастье, но я им, конечно, не верю.

Говорили мне, будто живу на земле как растение,
А вокруг подлецы, ненадежные хитрые люди,
Предлагали попробовать марихуану в печенье.
За приятные сны никто никого не осудит.

Не посадит в тюрьму, ты давненько сидишь за решеткой,
А тюрьма называется гордо, конечно, же разум.
Он боится дождя, неприятностей, насморка, сглаза.
И считается разум владыкой земного почетным.

Он упрямо ведет за собой ослабевшее тело,
Мы глотаем таблетки, спортивные пестуем игры,
Шепчет разум, что надо тебе обязательно выиграть.
Он упорный, коварный, расчетливый, хитрый и смелый.

Если разум уйдет, остается дурак одинокий,
Не захочет сражаться за место, блестящие кубки,
За девиц, что носили брильянты и красили губки,
Не сумеет за достоинства выдать пороки, пороки...

Я хочу поверить в дребедень

Я хочу поверить в дребедень,
Целовать ее сухие губы
И вносить ее прозрачный шлейф.
Я хочу поверить – новый день
Будет лучше нынешнего в кубе,
Будет и добрее, и нежней.

Сумерки разделись догола,
И хранят холодную усмешку,
Светлячки сияют в темноте.
Вот на тень чужая тень легла,
Тайны шаль наброшена небрежно,
Заслонив собою беспредел.

Что ты, ночь, цепляешь приведенья!
Обещаешь замок, званный бал.
Видно, начиталась детективов.
И, набрав цветастых судеб жменью,
Устроитель судеб заскучал
И прилег поспать под старой ивой.

Разбежались судьбы под шумок,
Забредали в палисадник, в речку,
Взвились в облака, ушли в песок,
Милый дребедени сладкий смог
Оказался сказочным колечком,
Закатился ночью под полог.

Я проиграла...

Я проиграла вдрызг
Счастья мираж уснувший.
Я проиграла визг
Радости встречи с лучшим.

Я проиграла всё —
Смех, поцелуи, мудрость.
Только противный смог
Сыплет песок, как пудру.

Я проиграла миг,
Сказку, весёлость, шутку.
Ветер внезапно стих.
Жутко, вдруг стало жутко.

Я проиграла, здесь
Мне оставаться скучно
И неблагая весть
Фурией ходит ушлой.

Я проиграла всем,
Чувствам, любви, океану,
Воздуху, гулу стен,
Штилю и урагану.

Я проиграла, что ж
Жду под лучами солнца?
В белой панаме ложь
Мнит из себя полководца.

Я проиграла! Стой!
Сделай, судьба, хоть что-то!
Лишь метронома бой
Марш мне играл по нотам.

Пророчества...

Пророчества, пророки и пороки
Устали обивать мои пороги.

Устали тормошить меня спросонок,
Увещевать – резонно, не резонно.

Провидицы, прожженные пройдохи
От счастья не оставили и крохи.

Манили блики, блески под откосом
Сугробами в кристаллах купороса

Оставлен снег зимой, весне в подарок,
Лист белый был исписан без помарок.

Пророчества, пророки и пороки.
Я не умею извлекать уроки.

Подглядела я боль

Подглядела я боль за занавесками,
За словами неразборчивыми резкими.
За ресницами черными, длинными,
За глубокими слишком морщинами.

Подглядела чьи-то сны подвенечные
И ничейные истины вечные.
Шторы солнце закрыли, сконфузились.
И мечты вдруг скукожились, сузились.

Солнце и тень

Тропическое солнце в подворотне
Искало тень — подругу по несчастью.
Собаки сонно разевали пасти
Картину беспородностью подпортив.

А солнце село посреди двора,
Подруга-тень явилась из подполья.
Посыпала дорожки мокрой солью
И прокричала про себя — ура!

Тень подошла, она сама любезность,
Хотела предложить прогулку в садик,
И солнце поплелось угрюмо сзади,
И было им вдвоем на свете тесно.

На небосводе звезды встали в ряд,
Они искали солнышко и тени,
На цыпочки вставали, на колени.
Но время вышло, дали напрокат...

У подземных богов
Отношенья плохие с небесными.
Козни строят друг другу,
На поступки идут экстремальные.
Реки из берегов
Увести — это шалости детские.
Шар земной перепуган,
Угодив под грозу восьмибалльную.

Земля расчерчена – квадратики,
Треугольники и эллипсы.
Гордые биссектрисы, катеты
До сантиметра измерены.

Земля размазана, расписана
Любителями абстракции.
Три тысячи лет как краска высохла,
Находим новые вариации.

Мне уже не поднять этот узел с раздувшейся болью,
Заполняющей комнату, улицу, город и весь белый свет.
Мне уже не подняться с колен, и звон колоколен
Врывается в скомканный мир нерешенных тяжелых проблем.

Шарпей

Шарпей не вибирал судьбы.
Хозяин стать решил бездомным.
Красивый пес, достойный, скромный.
Дождинки били фонари.

Стучались в яркие витрины:
Пустите, мы желаем внутрь.
Шарпею, видно, не заснуть.
Хозяин пестует, как сына.

Расстелен старенький матрац,
Заботливо прикрыл шарпея
Он одеялом, двое делят
Одну постель в который раз.

Хозяин чуточку нетрезв.
Ночь, Копенгаген, подворотня,
Крон вряд ли наберется сотня.
Гламурной жизни яркий блеск

Ложился на конец недели
И обнимал людей любя.
Бездомных, праздных и меня,
Ну и, конечно же, шарпея.

Прогибаюсь

Прогибаюсь, под жизнь прогибаюсь.
И по этому поводу каюсь.
И по этому поводу плачу,
Почему не умею иначе?

Заблестели на стеклах снежинки.
Снились лоси, олени, медведи
И какая-то старая леди
Из пропавшего племени инков.

Прогибаюсь под глупые шутки,
Под стеклянные взгляды прохожих,
Все дела отложу на попозже,
Чтобы фильмы просматривать – жутко!

Прогибаюсь под всплеск обещаний,
Под стихи, что читали ночами.
Прогибаюсь под жизнь, прогибаюсь,
И по этому поводу каюсь.

Боль свою уложив в узелок тяжеленный
Уношу на плечах из того, из последнего дня
Но грозят раздавить незнакомые тени,
И на черных лучах подстроена мне западня.

На крутом перевале...

На крутом перевале,
То ли смерть, то ли жизнь.
Мы друг другу не ввали
На меня ложись!

Дотащу, обещаю
До слепых облаков
К февралю или маю
Ты идти не готов.

Видно, ждешь ты другую,
С ней собрался на бал,
Снова карты тасую,
Поднимаю бокал.

За тебя, за другого,
За тебя не со мной.
Конь стоит у порога,
Он вернулся домой.

Без тебя, но с поклажей
Дум блестящих, как ртуть.
Конь дорогу укажет,
Доживу как-нибудь.

Без уклончивых взглядов
И бесцветных тирад,
Жизнь — как ветвь винограда
И как цепь эстакад.

Прозябаю, признаюсь,
Уксус вместо вина.
Я любви не касаюсь.
Я на свете одна.

Давай сыграем в подкидного

Давай сыграем в подкидного,
Хотя мы оба в дураках.
Я в счастье верю не особо,
Одни шестёрки на руках.

А впрочем, всё-таки сыграем,
Бывает, иногда везет.
Вот журавлей взлетает стая,
Или на речке ледоход.

Морозный вечер, стыннут губы,
Художник создает шедевр.
На доллары меняют рубль,
И парочка весёлых дев.

Шуршит трава, слегка подвяла,
Идёт невеста с женихом.
Красивый летчик у штурвала,
Хозяйка с пышным пирогом.

Давай сыграем в подкидного,
Так много можно проиграть.
А проиграл – давай по новой.
Ну хватит карты тасовать.

Ни черешни, ни дуба

Ни черешни, ни дуба,
Ни просроченных фраз,
Тихо пальмы качают руками.
Жизнь однажды придумав,
Вижу только в анфас
Этот мир, этот дом, этот камень.

Разрывается полдень
От жарких лучей,
Лоб покрылся крупинками пота.
И, о прошлом припомнив,
Тихий шёпот свечей
Вдруг услышал тревожные ноты.

Ель, осина засохнут.
На этой земле
Всё проходит и всё исчезает.
Занавески на окнах
И арбуз на столе
Во мгновенье однажды растают.

Я не хочу ложиться в саван

Я не хочу ложиться в саван,
Ты простыней меня прикрой.
Мое бесславие и славу
Пусть примет милый мне огонь

И языки печальной топки,
Что крематорием зовут,
Припомнят Комсомольск и сопки
Двину и призрачность Бермуд.

Мне пламя высветило звезды,
Сжигая позади мосты.
За упокой не скажут тосты.
И тут, и там горят костры.

Кабриолет

Кабриолет несется вдаль,
А кто сидит в кабриолете?
Смешные спутники, мне жаль.
На даме черная вуаль.
Глаза! Таких уже не встретить.

Седые локоны блестят,
Колье из розовых кораллов.
Торопишься спуститься в сад,
Где арки выстроились в ряд
И клумбы — четкие лекала.

Где ходит по траве павлин
И звуки томной мандолины,
Где гроздья красные рябин,
Где желтый, словно апельсин,
Китайский павильон старинный.

Отчаянный двадцатый век
Ворвался в кружевах восторгов.
Всё, что увидел, тут же сверг.
Что было низом — стало верх,
И заключительным аккордом

Сожгли в саду кабриолет,
Убили старого павлина
И в запустенье много лет
Прекрасный дом, исчез паркет,
И разворованы картины.

Но где-то там живет Париж,
И леди, уцелела чудом.
Седые локоны, малыш.
Сосульки томно смотрят с крыш,
Людским внимая пересудам.

Старинный маленький музей,
Стоишь подолгу у портрета
Той жизни, и твоих друзей,
От них давненько нет вестей,
Давным-давно канули в Лету.

А сад, ты думаешь, цветет,
Там липы, яблони и сливы.
Такой спокойный был народ,
Ты помнишь свечи, крестный ход,
Поверенный, неторопливый.

Ах, где же ты, кабриолет,
Парча, удобные сиденья!
Старушка, розовый лорнет.
В гостиной подают обед.
Ах, память! Подари мгновенье.

Посвящается невинно убиенным

Ни могилы, ни склепа
На земле не осталось.
Боже мой, как нелепо!
Мысль ко мне привязалась.

Словно пьяница горький
С непечатой бутылкой,
К предстоящей попойке
Призывающий пылко.

Век двадцатый случился,
Перепутаны тропы.
Сок березы струится
По вине филантропа.

Крепко верившим в чудо
Дали острый топорик
Добровольцы-иуды,
Исполнители, в сборе.

Кто не с ними - сгодился
Для кровавой расправы,
Были скорбными лица,
Как девятого ава.

Порешили, и ладно,
Покуражились вволю.
И топор аккуратно
Был натерт канифолью.

Вновь за правое дело
Забряцали затворы.
Бездыханное тело
За тюремным забором.

Ни вдовы, ни детишек,
Ни цветочков на праздник.
Просто из дому вышел
И пошел к месту казни.

Просто все, эстетично,
Ну к чему нам останки.
Погребением личным
По заслугам и рангам

Предпочтительно скопом,
Чтоб расстрельная яма,
Ну а кто там закопан,
Не указано прямо.

Да и много ли проку
От надгробной наклейки.
Мы со временем в ногу
Позабудем ремейки.

Палачи или жертвы
Упокоятся рядом.
Может, два километра
Между ними, ограда.

Всё еще не забыла
Про ночные расстрелы,
И табличка застыла —
Здесь участок сто первый.

Где-то сотый, наверно,
И убийственный холод,
И суровые кедры
Видят снова и снова,

Как выходят мужчины
В сюртуках, телогрейках,
Молодая дивчина
И туркмен в тюбетейке.

Там, в далеком селенье
Не помолятся братья.
Расползаются тени
Бедноты или знати.

Разберутся, в спецхране
Все записано четко.
Сорок лет пререканий,
Раздражения нотки.

Ну к чему вам подробно,
Ну зачем вам могила?
Был позор всенародный
И палач очень милый.

Расписались народы
Там в России однажды,
Сделать всё, что угодно,
Может с каждым и каждый.

Ждал ареста, с надеждой,
Не меня, а соседа.
Предумышленно вежлив,
Удивительно предан.

Утомленное солнце
Разразилось пожаром.
И потеря пропорций
Больше не унижала...

Ты меня узнаешь, милый мой.
Я приду к тебе одета в тогу.
Жизнь моя, окутанная смогом,
Растворится всеу понемногу.
Я вернулась, я пришла. Постой...

Пожелтевшие снимки

На пожелтевших снимках черно-белых
Стояли мальчики, которым по шестнадцать.
И сквозь века на нас смотрела смелость,
И продолжала гордо улыбаться.

Им век двадцатый подготовил казни,
Расстрел за офицерские погоны.
Два года отделяют светлый праздник
От черного от крови полигона.

А что сегодня? Просто радость жить
И вера в справедливость, честь и совесть.
Пьянящий горький запах черемши.
Где это было? Кажется, в Ростове.

Что слова, просто звездная пыль,
Что рассыпана горстками в небо
Мы на землю пришли, чтобы быть,
Чтоб узнать вкус любви, смерти, хлеба.

Мы на землю пришли, чтоб понять,
Что уйдем, ничего не узная.
Лишь морская колышется гладь.
Голубая она, голубая.

Спаси нас Господи, спаси

Спаси нас Господи, спаси
От талибанов, красных кхмеров,
От принимающих на веру
Любую зыбкую химеру,
Что заблудилась на Руси.

Спаси нас Господи, молю,
От бомбы падающей с неба,
Пусть повернет чуть-чуть налево,
Там нет людей – поля, посевы,
Пусть бомба сделает петлю.

Спаси нас Господи от тех,
Кто возжелал колонны танков
Поднять на город спозаранку.
Мишени – снайпера приманка,
Обыкновенный человек.

Спаси нас Господи, спаси,
От моложавых генералов,
От пуль спаси нас и кинжалов,
Гранатометов и пожаров,
И если сможешь, то прости...

Над российской кручиной

Над российской кручиной
Мне ли слезы ронять?
На завалинке прошлого века.
Сонно в бозе почила королевская рать,
Выставляя себя на потеху.

На высоких скамейках,
На высокий постах
Восседают согласные — сонмы,
И из слов липких, клейких
Лепят кривду и страх,
Собирают красивые догмы.

Ими воздух пропитан,
Нарезают, как торт,
По кусочку дают, аккуратно
Пропустив через сито
Размещают в метро
На красивых гламурных плакатах.

Посмотрите украдкой,
Как красива сирень,
Очень даже идет мерседесу,
И эпоха упадка
Тихо прячется в тень,
Притворяясь эпохой прогресса.

Посвящается Георгиеву В. А. 2008

Спаси нас, музыка святая,
И знаменитый дирижер,
Свои народом окружен,
Стоит – оркестр его играет.

Литавры бьют, поёт габон,
Рыдает скрипка по погибшим,
Цхинвали весь сегодня вышел
К седьмой симфонии, не сон...

Кусты трепещут, и оркестр
Играет слаженно и строго,
И эта музыка от Бога
Всех осенила, словно крест.

Посвящается беженцам

Кто бежал из родных палестин,
Задыхаясь от смога пожаров,
Кто ушёл от земли, что дрожала
От винтовок дебильных верзил.

Пустота — здесь хозяйничал дьявол,
Он любитель расстрелов в упор.
Кто-то с ним заключил договор.
Черный кот молвил жалобно — мяу!

Он бесхозный, хозяин бежал,
Ни воды не оставил, ни корма,
Кот за жизнь уцепился — упорный
Он предчувствовал — будет пожар.

И нашел безопасное место,
Отлежался до лучших времен.
Тишина — нет, не танки, омон
Тихо входит без звуков оркестра.

А коту уготовлено жить,
Молоко пьет из банки консервной,
Он встречал победителей первым,
Охраняя свои рубежи.

А хозяин вернется, придет
В небольшое селенье, в домишко,
Дом подпорчен снарядом не слишком,
Да и ждет его преданный кот.

Исповедь космополита

Что такое родная земля?
Камни, скалы, песок, канарейка.
Мир глобален, моя деревенька
Позабыта, не снится давненько.
И в камине остыла зола.

Голос крови — бессмысленный бред,
Я живу в королевстве Монако.
Негр, еврей, для меня одинаков.
Нет на свете грузин и поляков,
Утверждаю во всем паритет.

Мне удобно, здесь все для меня.
Я еврей — в жены взял китаянку,
Для чего этот мир наизнанку,
Коль в Цхинвали бомбят спозаранку,
Пусть бомбят, мне не жалко огня.

Осетины, грузины, абхазцы -
Что за глупость в крови у людей.
Видеть только бездомную тень
И держаться за гриву идей,
Умирать, но врагу не сдаваться.

Мне претит оголтелый Кавказ,
Кровной мезтью наполнен и страхом,
Обожают Христа и Аллаха,
Поднимаются люди в атаку.
Слава Богу, стреляют не в нас.

Мой очаг — трехэтажная вила,
Три машины, один ягуар.
Мне смешен сумасшедший угар
Всех — евреев и крымских татар.
Заболтался я — кофе остыло.

А слова нырнули в прорубь
И узрели мертвеца.
Сколько шума, сколько ору!
Выражение лица
У слова произносящих
До добра не доведет.
Лестница из фраз пропащих,
Клейких и ненастоящих,
В подземелье уведет.

Неразумно разутым
Выходить на мороз
И под утро кому-то
В чувствах клясться всерьез.

Неразумно размыты
Белой краской слова
Было шумно, «мы квиты»,
И болит голова.

Из передачи – жди меня. Встреча с родным через 60 лет.

*11 – месячный мальчик был помещен в ГУЛАГ
вместе с матерью, которая вскоре умерла.*

«Что ты помнишь из детства?» - «Рёв собак».

Что ты помнишь из детства?
Лай овчарок цепных.
Часовые в шинелях и шапках.
Очень тесно,
Какой- то беззубый старик.
Кто я, где я ? Натоплено, жарко.

Жизнь прошла незаметно,
Но вечный вопрос -
Кто я, где я? - всё мучил упрямо.
Шелестение кедра,
Противный мороз.
Дребезжала оконная рама.

Где я, кто я, откуда
Пришел в этот мир,
Где собаки меня сторожили?
Как осколки посуды,
Что склеил факир,
Мне сегодня узнать разрешили.

Кто родные и где,
Есть сестренки и брат.
Мы не виделись и не дружили.
Тишина, по воде
Сон плывет, как фрегат.
А во сне псы затравленно выли

На вернисаже

Простите, как? Простите, что?
Простите, я вас где-то видел.
Ах да, на выставке Кусто?
Что думаю о Джоне Риде?

Конечно был, конечно, знал,
Конечно там роман, бесспорно.
Конечно, деньги правят бал.
Как отношусь к показу порно?

Приемлю да, вполне, вполне.
Приемлю, девочки красивы
О нет, пожалуйста, я вне
Романов этой страстной дивы!

Привычки

Привычка, находя отмычку
К неразрешению проблем
Гудела, окликаая зычно
Удачу, бледную, как мел.

Что слышно? Вижу в платье пышном,
Наверно, собралась на бал,
Удача, вспыхнула, как спичка,
Ушла в невидимый астрал.

А что осталось? Видишь, старость,
Плетется с вычурной клюкой,
И бродим, как овечек стадо,
Ведем привычки за собой.

Что такое поэзия?

Что такое поэзия?
Гладких слов зазеркалье.
Может, сопки и гейзеры
Может дама с вуалью.

Разночинцы и дьяконы,
Просто русские люди,
Откровения Дракулы
И гламур в Голливуде.

Что такое поэзия?
Может, сны и преданья,
Развеселая бестия?
Спит на старом диване.

Что такое поэзия,
Знает избранных кучка.
Нынче правит наместница —
Очень хитрая штучка.

Попрощаться достойно

Все забрал, все развеял.
Шлейфа мягкие складки.
В легкой дымке аллеи
Промелькнули украдкой.
Разговорчивы стены
Перед дальней дорогой.
Шепчут мне откровенно,
Все сдают понемногу.
Все теряют по крохам,
Чувства, волосы, стройность
Просят молча у Бога
Попрошаться достойно.

Надушенные сверху облака
Сгрудились и шептались в уголочке.
Что там внизу? В зеленой речке роща
Отражена, но не видна пока.

На паруснике, сотканном из пыли,
Сидели музы в порванных рубашках,
И ангелы среди них, все больше падших.
Искали души слабых, находили,

Спускались вниз, лениво, не спеша,
Не делая пугающих движений.
И спали мирно новые мишени,
И стекла чуть дрожали от дождя.

Я заходил в депрессию

Я заходил в депрессию, бывало.
По выходным захаживал и в будни.
Почувствовал себя прокисшим студнем
И смерть меня на встречу призывала.

Я с ней дружил, босая и в обносках
Грузила кирпичи переживаний,
Ходила в подмастерии у маний,
И капала свеча горячим воском.

Шептала смерть гадливые упреки,
Я проклинал во сне ее ужимки.
И воздух растекался теплый, жидкий,
Жизнь за забором, а забор высокий.

Депрессия встречала у калитки,
Шептала – ничего не происходит,
И девушка, одетая по моде,
Мне предлагала крепкие напитки.

Я остаюсь, блаженная беспечность
Кружилась в паре с белокурым гномом.
Смерть отошла, чтоб навесить знакомых.
И призывала в путь пуститься Млечный.

Не отнимай мои иллюзии

Не отнимай мои иллюзии,
Пусть топают по кромке ночи,
Они уже немного сузились
От бесконечных многоточий.

Не отнимай! Качают призраки
Ребенка в белой колыбели.
Дай посмотреть на чудо издали,
Как шевелят руками ели.

Приходят мысли, словно голуби,
Воркуя и предупреждая.
Качает ветер ветки голые
И шёпот слышится — «чужая...»

Пергамент покрывает сумерки,
Скрепят надсадно половицы.
Пока иллюзии не умерли,
Живу и я — бездомной птицей.

Мне не выйти за рамки

Мне не выйти за рамки.
Безответственный миг
Разворачивал гранки
Под кудахтанье мин.

Что случилось — случилось,
И рождение мое
Протыкало, как шило,
Бытие, бытие.

Недобитые гены
В белорусском лесу.
Не Толедо, не Вена,
Автомат на весу.

Пустота поражала,
Звуки выли, как зверь,
И к земле прижимала
Боль от новых потерь.

Обозначив строкою
Всё, что было тогда,
Прошептала — не стоит
Портить образ врага.

Пусть живет, словно сказка
С нехорошим концом.
Оглянулась с опаской
И столкнулась лицом

С неуютной могилой,
Позабытой давно.
И внезапно застыла —
Не дано, не дано...

Рассказать, как живется
Если прочно застрял.
Жизнь, как ленточка, рвется,
Но звериный оскал

Тех людей с автоматом,
Что стреляют в меня.
А потом только вакуум
Подступает, маня.

Словно райские кущи
В белом вакууме ждут.
Каждый день, что отпущен,
Наложили, как жгут,

На судьбу белошвейку.
Приходили во сне
Фраз забытых ремейки,
Белый бантик в косе.

Не сумела подняться,
Не сумела взлететь.
Слезы белых акаций,
Желудевая медь.

Я опять у могилы
Убиенных родных,
И сирена завыла,
Снова скорчился стих.

Попадаю под пули
Уходящих эпох.
Вечер, венские стулья
И последний кивок.

Все хожу между адом и адом

Все хожу между адом и адом.
Дни, как пчелы, кусаются больно.
Ощущаю себя как невольник,
Жизнь свою получивший в награду.

На, держи! Не теряй, пригодится.
Может, что-нибудь сделать успеешь.
Завтра клевером поле засеешь
Или, может, приручишь лисицу.

Или ночью напишутся строчки,
Что останутся, будут светиться,
Нарисуешь под вечер жар-птицу
Или девушку в белой сорочке

Из тончайшего шёлка, волнами.
И с фатой. Как красива невеста.
В этом веке она неуместна,
Сны уносит коварный цунами.

Что осталось? Картина, подрамник
И глаза — то смеются, то плачут.
Это ангелы, видно, чудачат
И бросают в нас дни, словно камни.

Быт – ненавижу быт!

Ноты рассыпались, пол не мыт.
Быт – ненавижу быт!
Строгие линии, ночь, паркет,
Свет излучает свет.
Глупые вымыслы ни о чем.
Ждём! Озаренья ждем.
В сумерках улицы, словно встарь,
Гарь от печурки, гарь.
Редкие волосы, белый бант!
Сад! Это детский сад.
Грустные лица, уже не здесь.
Спесь – ненавижу спесь.
Громкие возгласы, узкий мост.
Пост, соблюдаем пост!
В окна врывается черный дым,
Крым – полуостров Крым.
Волны несут смертельный удар,
Нар, не хватает нар.
Чтобы вместить непослушный хор.
Вздор нам поющий, вздор!
Господи правый, я этим сыт!
Быт заправляет, быт.

Африка

Новый день раскатывал рулетку.
Стыли люди, кутаясь в лохмотья.
Голые и плачущие детки.
Африка – она сегодня в моде.

Белые снимают крупным планом
Мухами поеденных младенцев.
Их землянки видели с экранов,
Защемит у благородных сердце.

И плывут суденышки, как мухи
Черные на палубе и в трюме,
Сдаться белым людям на поруки,
Чтоб не жить в Судане, Камеруне.

Речистые, плечистые, лучистые.
Все славят клевер, пихту и сосну.
Зиму и лето, осень и весну
И пароходы, что подходят к пристани.

Приятные, понятные, опрятные
Для вечности составят каталог.
В него включают сирень и сена стог.
Но почему же ноги стали ватными?

Вечер, вечер,
Мой советчик,
Ты тулуп одел на плечи.
Ты луне дарил кораллы,
Камень алый,
День усталый.
Пышнотелый,
Шел без дела
Секретаршей из отдела.

Смерть

Мне смерть приносит дивиденды.
Уйдя от суеты людской,
Я чувств давно не ощущаю.
Но почему же так скучаю,
И только старых фильмов ленты
Еще ощупаю с тоской.

Настырный запах череды
Врывался в ноздри беспардонно,
И голова моя кружилась.
Все окончательно сложилось,
Исчезли нежности черты.
И звуки прорезались стоном.

Две пригоршни усталых слов
Растаяли, уйдя в пылинки,
Их ветер весело кружил.
И кремень землю старожил,
Туман стелился, невесом,
Застряв в объятьях паутилки.

Мне смерть кричала: подходи!
Что медлишь? Видишь, не осталось
Здесь ничего, чем дорожишь.
Ты не уверена, дрожишь.
Ни с кем тебе не по пути.
Но вышла из подъезда жалость,

Она молилась много лет,
Носила платья из батиста.
Играла на рояле Листа
И предлагала на обед
Коктейль, он назывался «старость»...

Разлука

Нервно хлопали двери,
Пропуская сквозняк.
Исчезало доверье,
Отвратительный знак.
Приближалась разлука,
Как разбуженный вихрь,
И раскланялся сухо
Не случившийся миг.
Ты бессильна бороться
За остывший очаг,
Шар оранжевый солнца
Спать ложился в овраг.
Мы стояли в прихожей,
«Я, пожалуй, пойду».
«Позвони, если сможешь.
Поголяем в саду».
Фальшь прощанья занозой
Ныла множество лет.
Черный дым паровоза,
Горький вкус сигарет.

Эпоха никогда уже не вспомнит

Нагроможденье цифр,
Нагроможденье слов,
В рассеянной улыбке дремлет полдень.
Идущих на прорыв,
На чей-то громкий зов
Эпоха никогда уже не вспомнит.

Мерцание подслеповатых звёзд

Мерцание подслеповатых звезд
Манило тайной жгучей, не раскрытой.
И сумерки сгущались деловито,
Вопросом отвечая на вопрос.

Растения, заслышав голоса,
Пытались спрятать голову под землю.
Прошедшим быстро становилось время
И поднималось тихо в небеса.

Вздыхали громко спящие деревья,
Они, наверно, тоже видят сны,
Цветенье яблонь райской белизны.
И верят, как и мы, благим знаменьям.

Ах, Сицилия!

То ли гунны, то ли готы
Расплодились по земле.
И ушли, размазав гены по планете.
По лагунам бродят лоты,
Мифы светятся во мгле
И облонские сроднились с капuletти.

То ли буры, то ли баски,
Вроде, разные лицом,
Но и тут немислимое сходство.
Сине-розовые краски,
Взбитый с миксере геном,
Ах, Сицилия – прекрасный древний остров!

Залетный ветер мертвого сезона

Залетный ветер мертвого сезона
Сметал с дороги брошенные вещи,
И не было малейшего резона
Преувеличить что-то, приуменьшить.

Крутые скалы морщили лицо
И наклонялись низко над водою.
Все в том же темпе жизни колесо
Крутилось перед предпоследним сбоем.

Всходили дни толпой на эшафот,
И выдавал палач колпак на брата.
И вялая надежда – повезет..
На паперти стояла виновато.

Офицерская честь...

Было раньше понятие — офицерская честь.
Оскорбление сносить не пристало.
Нынче пьяная братия, что за доллары, лесть
Покупает красивые залы.

В них удобно устроилась, дебоширит братва.
Звезды важно сидят на погонах.
И в сознание встроена, никому не видна
Отдыхает медуза Горгона.

Ей удобно, тепло, у нее беспредел,
Вседозволенность и всепрощенье.
Голос в трубке — алло, груды скорченных тел.
Да, да, да! Получил повышение.

*Мое представление о жизни в 10 лет –
хочу стать поэтом*

Стыд проступал, как красные пятна у больного чахоткой,
Мгновенно изменив отношение к самой себе.
Когда это случилось впервые? В классе четвертом.
И, как оказалось, не по моей вине.

Учительница литературы. Грузная и с одышкой.
Как видится будущее – тема сочинения.
Ходила по классу во фланелевой юбке пышной.
Обещала анонимность в прочтении.

Но обманула. Меня еще много, много раз обманут,
Но этот обман показался непереносимым.
И назавтра перед всем классом голосом жеманным
Прочла... а я ведь ее очень просила....

Голова кругом, я вскочила и выбежала из класса.
Лишь небытие может унять эту страшную боль.
Тормоза – чуть не попала под колеса КАМАЗа.
Хочу стать поэтом... Хохот, звериный вой.

Автобиография

Сколько жизней в одной пережить,
Сколько раз уходить, не прощаясь,
И, душой бесконечно нищая,
Рвать последнюю тонкую нить.

Детство было счастливой порой,
Но и там жгли сомненья и страхи.
И судьбы непонятны зигзаги,
Всё терзали наперебой.

Юность вырыла чёрную яму.
Неуверенность и отчужденность,
Наблюдала она напряженно.
Все окрашено в серую гамму.

Многоцветная жизнь исчезала.
Нелюбезность тонов сине-красных
Все терзала, да, видно, напрасно.
Нету чувств, я от жизни устала.

Умереть мне хотелось в двенадцать,
Да и в двадцать я жизнь не любила,
Одиночество льдинкой застыло
Жизнь казалась игрой анимаций.

В двадцать пять поняла, что старуха.
Всем заметны черты увяданья.
Всё известно, известно заранье.
Говорила бесцветно и сухо.

Только в тридцать я стала свободной,
Поняла, что любовь есть на свете.
Снег и дождь, солнце тучи и ветер
Жизнь качала меня, как на волнах.

В сорок кончилось все, словно сказка.
Мой любимый ушёл – просто умер.
Я цепями прикована в трюме.
Оставалась лишь чёрная краска.

Всё окрашено в чёрное – море,
Люди, тучи планеты и мысли.
Ни галактик, ни веры, ни мистик.
Невпопад отвечаю – O Sorry!

Что осталось – работа, работа.
Переезды, в Израиле жарко.
Я стою одинокою аркой.
Оркестранты играют по нотам.

Пятьдесят – я не чувствую старость.
Я любима, я снова любима!
Мы гуляем по улочкам Рима.
Жизнь прекрасна, шумит Ниагара

В шестьдесят собираюсь в дорогу.
В узелки распихала я память,
Жизнь моя из ста тысяч сияний
Каждый день, что подарен мне Богом.

Я люблю и лелею подарок.
Сколько будет – да в этом ли дело!
Я свободна- жила как умела!
И себя я не чувствую старой.

Косметика

Ах, какие дивные игрушки
Нынче у косметики в ходу!
Превратили в девочку старушку
Трём миллионерам на беду.

Зубы белизною первозданной
Удивляют. И блестит фарфор.
Безупречна кожа, даже странно.
Словно персик, и наперекор

В паспорте записанным деталям
Ходит дева двадцать с небольшим.
Ах какая грудь, какая талия!
Ну конечно! Солнце и режим.

Проскальзывал курсив,

А там Земле послание,
Но кто же разберет?
По розовому зареву
Промчался самолет.

Сыграй бравурную мелодию
Пусть ветерок нашептывает сказки.
Смотри, модель взошла на подиум,
Косясь на шумных птах почти с опаской.

Сыграйте марш, гремящие басы
И пусть они вконец расстроят нервы,
На доме тени морщили носы,
И приглашали с ними выпить, стервы.

Наплевать

Мне плевать на толпы улюлюканье,
На эстетов надменные взгляды.
Мне плевать. В коридорах шушуканье
И неискренне – «Здравствуй, мы рады!»

Мне плевать на пустое кривляние
И желание «сделать приятно».
Мне плевать. Цену знаю заранее,
О цене сговорились приватно.

Мне плевать. Заплачу я забвением.
Книг моих не прочтут книголюбы.
Мне плевать на предвзятое мнение
И на тонкие красные губы,

Что прочтут приговор обязательно.
В два часа начинаются прения.
Слов нехватка цензурных и матерных,
Только мне наплевать тем не менее.

Наплевать на игру сатанинскую
Люди новые правят и властвуют.
Неприятна им нищенка-искренность,
Приравняли к таланту безнравственность.

Мне плевать на роскошество праздное
И на самодовольствие жирное
Сяду по утрам в белую мазду я.
Покачу тихо в место трактирное.

На смерть поэта

Расписались поэты
На могиле твоей.
Кем разбросаны листья в пространстве замерзшем?
Кто накладывал вето
На количество дней,
Что осталось до встречи с несущемся поршем?

Бесконечные споры,
Кто свалил пьедестал
Из тончайшей материи красного цвета,
Мы увидимся вскоре,
Я об этом узнал
Из стихов-предсказаний тихони-поэта.

Не трибун, не горланил,
Все бубнил, да бубнил,
Но стихи обжигали и жалили больно.
Даже Бога посланник
Его позабыл
В век скабрёзных вопросов и шуток крамольных.

Не оставив поэту
Местечка среди
Дам, улучшенных пластикой и макияжем.
Серый дым сигареты,
А что впереди?
Щит рекламный зовет, ждут тебя распродажи!

Все, что ты пожелаешь,
Продается – чудак!
Даже мысли и чувства в красивой обертке!
Но цена там такая,
Не купишь никак
Ничего, кроме старой солдатской пилотки.

Вулкан в Исландии

Жил-был вулкан в Исландии,
Всего-то двести лет.
Он спал в красивой мантии
И дамы из карет

Смотрели на молчальника —
Красив, суров и строг,
А у него в начальниках,
Как оказалось — Бог!

Вулкан проснулся утречком
И взвился в небеса,
Бушует лава сутками,
Дым разъедал глаза.

Ах как это? А так это —
Европа в столбняке,
Нет самолетных рокотов.
Зажаты в кулаке

Билеты долгожданные
На Вену и Париж,
Не принимают, жалобно
Скулит щенок-малыш.

Он ожидает вылета
Уже который день.
Хозяин очень вымотан.
Шипит, почти как змей.

Зато вулкан в Исландии
По-прежнему красив,
И по кровавой мантии

Коррида

Просыпаются звезды, присыпаны пылью,
И разбуженный космос обещает прекрасные виды.
Жизнь и смерть продолжают сражаться – коррида.
Самолет поднимает опавшие крылья.

Облака расступились, закутаны в саван,
И тревожные знаки промолчат, что остались секунды.
Вдруг скукожится жизнь, где удача и слава,
И врезается в землю воздушное судно.

Верните мгновенье

Верните мне, пожалуйста, верните
Хотя бы день, из тех, других событий.
Где были мы с тобой, а не отдельно,
Где я жила, а не боролась с тенью.
Где были птицы, яркие кокетки.
Мы шли по лесу, и хрустели ветки.
Пожалуйста, верните хоть мгновенье,
Где я жила, а не боролась с тенью.

Как старой собаке, болеющей раком,
Пошли мне укольчик, реши одним махом
Проблему старенья, проблему страдания,
Проблему медленного умиранья.
Проблему тела, почти не живого —
В кровати без дела лежит так убого.

Говорил мне отец, что живу в облаках невесомых,
Что заброшен мой дом,
Словно старый ненужный кинжал,
Что известные истины чту я, увы, не особо,
Отложив на потом
Все на свете, поверив в свой дар.

Говорил мне отец — ну к чему тебе эта морока,
Посмотри на себя,
Постарайся себя побороть.
Я сменила страну, и давно поменялась эпоха.
Знаю, всё это зря,
Ты прости, если сможешь, Господь.

Расскажи...

Говори попроще, поясней,
Не поймут закрученных новаций.
Не кричи, пожалуйста, во сне,
Представляя, будто нам по двадцать..

Что ты достаешь из рукавов?
Придурью рисованы словечки.
Под каким глядишь на них углом?
Осторожно, можешь покалечить!

Получилось классно, погляди,
Подпевают хором из засады.
И уже подписанный вердикт,
Что сирень заменят серенады.

Глубоко свою припрятав боль,
Говоришь что чувства — манекены.
Прикрываешь истину собой,
В общем, получается отменно.

Говорил о многом и всерьёз,
Вроде бы похоже на реальность,
Но зачем же падать под откос?
Заменять у музыки тональность.

Расскажи про голубой рассвет
И деревьев вязкую безмолвность,
Про дымок зеленый сигарет,
Только не про то, что страшно вспомнить.

Расскажи про клоунов впотьмах,
Что в сосне искали выключатель.
Только не рассказывай про страх,
Про себя, живущего как в вате.

Расскажи про мутную капель
И про ветра серого проказы,
Только не про то, что новый день
На тебя глядит ослепшим глазом.

Говоришь — «холодная кровать»,
Где кусают больно покрывала,
Только никому не дай понять,
Что с тобой на самом деле стало.

Сраженная страшной болезнью, шаталась эпоха

Слова в обнимку с ласточками кружились в темпе вальса,
Корчились, раздавленные звуками тяжелого рока.
Сраженная страшной болезнью, шаталась эпоха,
Не в силах согнуть ослабевшие синие пальцы.

Разбежались холуи, что пели вчера дифирамбы.
Белоснежные яхты, диваны, одетые в бархат.
Капитан заступил перед самым рассветом на вахту,
Зеркала отражали внезапно ожившую рампу.

Но всё изменилось однажды в полпятого круто.
То быстрые волны готовились стать катаклизмом.
И кто-то навёл в поднебесье таинственно призму,
А яхта уже никогда не придет в Гонолулу.

Бежали минуты, пытаясь уйти незаметно,
Они отводили глаза от сидящих за вистом.
И где-то за морем свеченьем своим золотистым
Собой прикрывала фортуна последние метры.

Мираж полыхал и распахивал двери астралу,
Где много хвостатых чертей говорили о яхте.
Мол, бархат намокший и тина мороженым пахнет,
Хрустальная люстра подвесками волны ласкала.

И утро лизало рассвета опухшую руку,
А яхта томилась на илистом дне в позолоте.
Красивые рыбы пришли поглазеть — что напротив?
Бросались на борт, удивляясь отсутствию стука.

Что значит бежать от тебе предназначенной пули?
И знать, что нигде не удастся от пули укрыться?
Предательство красной чертой проступало на лицах.
Твой мир исчезал, как разграбленный улей.

Моим друзьям

На фрегате, на шлюпке резиновой
Иль на лайнере в ярких огнях
Плыли светские люди и иноки,
Оставаясь надолго в гостях.

У тропинки, полянки, окраины,
У Арбата, у Невских ворот,
У сугробов, которые таяли,
У проулков тянующихся в порт.

Закружился кулек эмиграции,
И смывало евреев волной.
Не цветет здесь сирень и акация,
Но зато мы вернулись домой.

Но зато – здесь стена не разрушена,
Где читает записки Господь.
И евреи, отменно отужинав,
На прогулку выходят гурьбой.

Впрочем что я о бренном и временном,
Нам до вечности маленький шаг.
И позавтракав питой и лебеном,
Здесь на Яхве взирает Аллах.

(опять обвинят – что нельзя писать слово «Яхве».
Может быть написать «Элокиму внимают Аллах»?
Будет даже лучше – ведь Элоким и Аллах – это
одно и то же, что будет подчеркиваться похожим
звучанием)

Интернет

Паутина, паутина,
Всюду щупальца торчат.
Кто купил кило стрихнина,
Кто дрейфует, тонет льдина,
Кто пустился в нудный чат.

Паутина, руки в брюки,
Где секретное досье?
Раскалились ноутбуки,
Достижения науки
Знает каждый, знают все.

Паутина незаметно
Все прознала про тебя.
Почему жена бездетна,
Кто влюбился безответно,
Что придумала судьба.

Набираю молча буквы
И вещают мне всерьез —
Дом мой старый, скоро рухнет,
Склонна я к японской кухне,
Смерть придет через наркоз.

Паутина, паутина,
Нет секретов, сайт открыт.
Под капот поставят мину,
Друг окажется скотиной.
Не проходит нервный тик...

Я добровольно голову суну в петлю,
Добровольно улюлюканье слушаю.
Обсуждают.
Твои стихи, сказали, похожи на глю...
Похожи на глюки красные, сущего
Не отражают.

Пишу, укрывшись в расщелины времени,
Прячась от кричащих и строящих рожи,
Ненадолго.
Переглянулись и сошлись во мнении.
Написанное на стихи не похоже,
Просто осколки.

Обрубки, ошметки, так.. глина, бездарно,
По сути непонятны, и по форме
Коррозия
Взошла на теле поэзии шикарном.
Осока, трава пожухлая, сорная.
Чувствую, проседь

Инеем проступает на белом листе.
Затравленный взгляд, восклицательный знак
Обкурился.
Запишите еще один минус в досье.
Улыбаюсь, увидела — в небо косяк

Рифмы медленно растягивают рот,
Примеряя, как пожилая невеста,
Розовое платье, взятое напрокат.
Рифмы угрюмы, знают они наперед,
Что несовременны, увы, неуместны.
Так зачем же опять приходят, бубнят?

Птиц дружно взвился.

Повесть о чем-то железном и очень надежном
Бисером красным расшита по черной вуали,
И места там не было ни для каких аномалий,
Но, как оказалось, в той повести все настоящее прошлым?

На перемены никто не спросил разрешения.
Однажды зашли беспардонно и сели за столик,
Теперь восседают, как будто они на престоле.
И мне предлагают настойку из корня жень-шеня.

Увы, непонятно, зачем они тут, как надолго.
И кто их прислал было мне совершенно не ясно.
Но жизнь мою режут на части, как твердое масло.
Последние годы – почти сувениры на полке.

Последние чувства завяжут в узлы, не распутать!
Хмельной пустоте пирог принесут с мармеладом.
Я вроде бы спорю и даже кричу им «Не надо!»,
Но крик мой уже ничего не меняет, по сути.

И тонкий клубок их жалких минут лупоглазых
Оставили мне, насмехаясь, ну что за проделки!
Оставьте хоть что-то, просила, хотя бы оттенки,
А впрочем не надо, возьмите и это, но сразу.

Повесть о чем-то железном и очень надежном
Бисером красным расшита по черной вуали,
И места там не было ни для каких аномалий,
Но, как оказалось, в той повести все настоящее прошлым?

Забери меня отсюда, восвояси,
Больно, холодно и карты не той масти.
Забери меня, пожалуйста, прошу,
Я сегодня свечку потушу.

Забери меня, мне боязно одной,
Мысли черные накинулись ордой,
Четвертуют, поджигают, вновь казнят.
Не могу я, это просто ад.

Забери меня, тяжелый метроном
Все бубнит, что тронулась умом.
Нас ищут

Нас ищут много, множество столетий,
Нагайка, сабля нынче не в чести,
Нас ищут, и на маленькой планете
Не так уж трудно было нас найти.

Нас ищут там, где бороды и пейсы
И женщины в чулках и париках.
Где ночью расцветают эдельвейсы
И музыка... Чайковский, Лист и Бах.

Нас ищут там, где лузгают подсолнух,
Где сарафаны с вышивкой до пят.
Где пианистка исполняет соло
И ласточки над головой парят.

Нацисты поджидают в подворотне,
В отеле террористы взяли в плен,
Народы подвзались в роли сводни,
И мы не ожидаем перемен!.

О, Индия, в накидке золотистой,
Прекрасна - океаны и сады.
Садятся ночью в лодки террористы.
За всё ответят. Кто? Конечно, мы.

Ни стены дорогущего отеля,
Ни небо, словно шёлк и серебро,
Не защитят британского еврея.
Вот только Бог! Который далеко...

Нельзя потерять потерянного,
Разбить, что уже разбито.
Срубленное дерево
Больше не плодовито.

Разбужено море волнами,
Пытается смыть обиду.
Руками, поклажи полными,
Ищет оно Атлантиду.

День снуёт по задворкам судьбы,
Раздавая подарки живущим,
С поднебесья на волю отпущен
Для цветка, для угрюмой совы.

Для мышонка, тигрицы, лисы,
Для старушки в зеленом платочке,
Набухают на дереве почки.
От мороза краснеют носы...

Захрустели туманы,
Словно корочка хлеба,
И посыпалась манна
С посеревшего неба.

Посмотрели синички
На бегущих прохожих,
На вагон электрички,
На себя не похожий.

Весь заваленный снегом.
Спит тихонько на рельсах.
Увлекался он бегом,
Правда, бегом на месте.

Мне б забыть тебя, выставить точку
И пойти налегке собирать виноград или вишни,
Только дни мои серые, черные, белые, — вышли.
Я живу в шалаше из пустот, бесконечных, непрочных.

Улыбнуться б весеннему небу,
На поляне проснуться, где пахнет трава земляникой,
Снова имя твоё повторяю я шёпотом, тихо,
И никак не решается, нет, не решается ребус!

Плодовитому поэту

Заужены, загружены, запружены
Стихи, что написал сегодня к ужину.
Расхристаны, размызганы, раздроблены,
Стихи, что снизошли сегодня к полднику.
Лиричные, логичные и личные
Стихи пришли к обеду – неприличные.
Костлявые, корявые, кудрявые,
Зашли на завтрак, под салатик крабовый.

Разматываем нить
Из дали прошлого,
Раздумываем. Плыть?
Не стали, крошечный
Фрегат на парусах
Причалил к берегу.
Я рад, что черный страх
Растаял в Тереке.
Волнистые стога
Стоят, колышутся.
Но стиснута рука,
И тяжело дышится.

Мне грусть кидала горсти пепла,
И покрасневшие глаза
Все рассмотреть пытались блеклый
Мир, ускользающий, но зря...

Набравшись дьявольским терпением,
Жду возрождения цветов.
Лес обернулся серой тенью,
А воздух, тих и невесом,

То ворковал, то плакал тихо,
То бормотал про благодать,
И вдруг, о чудо! У клубники
Смогла цвет красный распознать...

Собираю забытые кем-то обрывки печали.
Серебрится кустарник в подсвеченной солнцем траве.
Пробираются храбро жучки по тернистым дорогам.
Воздух пахнет тревогой, наполнен удушливым смогом.
Черепашки выходят впервые на солнце, их две,
А весеннее солнце окутано облаком-шалью.

Громоздятся года на бесформенном старом диване,
Тут и там обелиски моих бесконечных потерь.
Заселяют миры, но туда не попасть автостопом.
Поучают меня языком непонятным — Эзопа.
Заходи, говорят, и рукой показали, где дверь.
Но закрыта она, а ключи у фортуны в кармане.

(было «на дверь», но так говорят, когда, наоборот, речь идет о том, что кого-то выгоняют, поэтому лучше заменить)

Я хочу, я мечтаю поверить разнеженным снам.
Спускаться с горы, что на сказочном острове, к речке.
Под парусом плыть, не зная в каком направлень?
Гуляет по палубе пес с хитрой кличкой – растение,
Меня за углом поджидает усталая вечность,
Но вместо нирваны – заброшенный старый вигвам.

Велено вечером выставить
То, что нести мне немислимо.
Верила, верую, выстою!
Мне б продержаться до выстрела.
Чувствую воздухом сваренным –
На плечи ложится боль смутная.
Все уже роздано, зарево
Блестит, как капелька ртутная.

Мир ладонью закрыт от меня,
Только тонкая ниточка света.
На исходе прошедшего дня
Мы поминки справляли — фуршетом.

Я сама накрывала столы,
Выбирала заморские вина.
Ты стоял в стороне, у стены,
Разглядела подругу и сына.

На расхристанных улицах снег
Или дождь, протирающий окна.
Я хочу подойти, но у всех
Пелефон или маленький токмэн.

Мир ладонью закрыт от меня.
Исчезают последние блики.
На исходе прошедшего дня
Отпевали в соборах Владыку.

Акростих

Поздний вечер притих за окном,
Расцветают гирлянды, как в сказке.
Алый, синий, серебряный — краски
Засверкали волшебным огнем.
Дом украшен, фонарики, свечи,
Наливают в бокалы вино,
И мороз подышал на стекло.
К нам спешит Новый Год!

Будет встреча!

Литературно-художественное издание

ЕЛЕНА ХАНИНА

Избранное

Свидетельство о государственной регистрации

ОГРН 309774627800931

Издатель Э.Б. Ракитская

www.eraizdat.ru,

www.gufo.ru/php/era

Гарнитура «NewtonС»

14 уч. изд. л.

Тираж 100 экз.

Контактные координаты издательства

тел. в Москве:

+7-906-704-68-73

Тел. в Изариле: 052-203-70-88

сайт: www.era-izdat.ru

Наш книжный магазин интернет-магазин:

www.gufo.ru/knizh/

